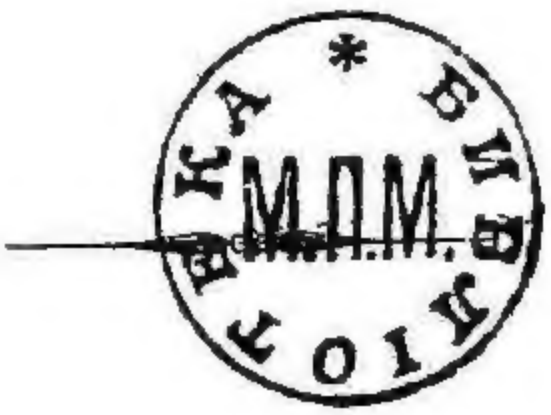
ОТНОШЕНІЯ

РОССІИ КЪ ПРУССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Е. Ѳеоктистова.



МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1882.

Дозволено цензурой. Москва, 1 іюня 1882 года.

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ КЪ ПРУССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Извѣстно что до весьма недавняго времени, а именно до появленія въ свѣтъ XXI—XXIV томовъ *Исторіи Россіи* С. М. Соловьева, господствовали у насъ самыя превратныя понятія о политикѣ которую преслѣдовало правительство Елисаветы Петровны по отношенію къ Фридриху Великому. Общее убѣжденіе было таково что если Пруссія при вступленіи своемъ на историческое поприще въ роли великой державы встрѣтила энергическій отпоръ со стороны Россіи, то объясняется это личными предубѣжденіями и антипатіями какъ самой императрицы, такъ и главнѣйшихъ ея совѣтниковъ, что вмѣшательство наше въ Семилѣтнюю Войну, потребовавшее столько тяжкихъ жертвъ, не условливалось никакими существенными для насъ интересами. С. М. Соловьевъ сталъ на совершенно противную точку зрѣнія и успѣлъ подтвердить свой взглядъ доказательствами которыя произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „Благодаря твердости и энергіи Елисаветы, говоритъ онъ, силы короля Прусскаго были сокращены, и если не такъ, какъ бы она того желала, то достаточно сокращены для того чтобы въ послѣдствіи Екатерина II не встрѣтила въ нихъ препятствія для достиженія

своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенія Семилѣтней Войны для Россіи, она была школой изъ которой вышли русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины столь блестящимъ въ военномъ отношеніи.“ Когда покойный нашъ историкъ былъ занятъ превосходнымъ своимъ трудомъ, онъ не имѣлъ возможности пользоваться нѣкоторыми документами и изслѣдованіями, проливающими обильный свѣтъ на время 1741—1761 годовъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ политической корреспонденціи Фридриха Великаго (*Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen*), издаваемой нынѣ по распоряженію Прусскаго правительства; до сихъ поръ вышло ея семь томовъ, и хотя они обнимаютъ лишь періодъ до половины 1750 года, но какъ извѣстно именно въ это время уже вполнѣ опредѣлились отношенія Россіи къ Прусскому королю. Мы имѣли возможность судить объ его намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ по историческимъ его сочиненіямъ, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ слишкомъ строго придерживаться истины, по донесеніямъ его дипломатовъ, далеко еще не обнародованнымъ вполнѣ, а въ корреспонденціи своей высказываетъ онъ очень часто завѣтныя свои мысли съ поразительною откровенностью; по ней можно слѣдить шагъ за шагомъ какъ зарождались его планы и какими путями стремился онъ къ ихъ осуществленію,—излишне было бы слѣдовательно распространяться о высокой важности такого памятника. Два тома посвященные Арнетомъ Семилѣтней войнѣ въ его *Geschichte Maria Theresia's* были также неизвѣстны С. М. Соловьеву, когда писалъ онъ исторію царствованія Елисаветы и не имѣлъ онъ предъ собой VIIго тома *Архива князя Воронцова*. О другихъ книгахъ вышедшихъ послѣ появленія въ свѣтъ его труда упомянуто будетъ ниже. Мы не задаемся мыслію передѣлывать то что съ такимъ совершенствомъ исполнено было С. М. Соловьевымъ, а намѣрены лишь прослѣдить въ какой мѣрѣ новыя данныя дополняютъ сдѣланные имъ выводы или находятся иногда въ противорѣчіи съ ними.

I.

Тяжелое время переживала Россія послѣ того какъ сошелъ въ могилу ея великій Преобразователь. Власть находилась въ слабыхъ рукахъ; если между государственными людьми окружавшими престолъ не исчезло понятіе о національной политикѣ, которую преслѣдовалъ Петръ, то ни у одного изъ нихъ не хватало ни мужества, ни умѣнья чтобы поддерживать ея преданія. И обстоятельства были не благопріятны для этого. При быстрой смѣнѣ одного царствованія другимъ открывалось широкое поприще для честолюбій и интригъ. Каждый спѣшилъ всплыть наверхъ, не задумываясь губить своихъ соперниковъ. И Русскіе были безпощадны другъ ко другу; и Нѣмцы, уже не сдерживаемые болѣе желѣзною рукой Петра, отличались тѣми же алчными инстинктами. Въ Европѣ составилось убѣжденіе что Россія такая страна въ которой все возможно, что народъ равнодушенъ къ перемѣнамъ совершавшимся въ Петербургѣ, а въ правительственныхъ сферахъ все зависитъ отъ случайности. Между тѣмъ наступалъ въ Европѣ кризисъ, къ которому наше отечество не должно было относиться безучастно. Въ октябрѣ 1740 года умеръ императоръ Карлъ VI, неотступно поглощенный въ послѣдніе годы своей жизни мыслію о томъ чтобъ австрійская корона со всѣми подвластными ей землями перешла къ единственной его наслѣдницѣ, эрцгерцогинѣ Маріи-Терезіи. Благодаря невѣроятнымъ его стараніямъ прагматическая санкція, содержавшая его волю на этотъ счетъ, была заблаговременно признана почти всѣми европейскими государствами; онъ закрылъ глаза утѣшая себя мыслію что никто не отважится нарушить данныя ему торжественныя обязательства, но немедленно оправдались слова принца Евгенія Савойскаго что хорошо организованная армія была бы гораздо болѣе надежною гарантіей чѣмъ всякіе пергаменты. Вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ возникалъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Повсюду Марія-Терезія видѣла враговъ, и между этими врагами не было для нея никого опаснѣе Фридриха II только-что воцарившагося въ Пруссіи. Съ безцеремонностью изумившею даже тогдашнюю Европу прежде чѣмъ другія правительства успѣли остановиться

окончательно на какомъ-нибудь планѣ дѣйствій. онъ ворвался въ Силезію и занялъ часть ея своими войсками. Въ тотъ самый день когда получено было въ Берлинѣ извѣстіе о смерти Карла VI. онъ писалъ своему министру Подевильсу: „Трауръ о покойномъ императорѣ слѣдуетъ установить на столько же недѣль и съ такими же подраздѣленіями какъ это сдѣлано было въ Австріи при кончинѣ моего родителя. Кстати, предлагаю вамъ на разрѣшеніе задачу: когда имѣешь выгоды на своей сторонѣ, то нужно ли пользоваться ими или нѣтъ? У меня все готово для войны; если я упущу благопріятную минуту, значитъ не умѣю цѣнить то что у меня въ рукахъ; если же поступлю иначе, всѣ скажутъ только что у меня хватило умѣнья воспользоваться моимъ превосходствомъ надъ сосѣдями“. Министры короля возражали ему, не лучше ли вступить въ переговоры съ Маріей-Терезіей, которая быть-можетъ въ виду критическихъ обстоятельствъ согласится добровольно на уступку принадлежавшей ей области. „А еще вѣрнѣе, отвѣчалъ онъ, сперва взять, а потомъ уже вести переговоры“ (erst nehmen und dann unterhandeln). Впрочемъ Фридрихъ не прочь былъ выставить свой поступокъ какъ благодѣяніе для императрицы: пусть откажется она отъ Силезіи, въ такомъ случаѣ онъ готовъ ополчиться вмѣстѣ съ нею за ея права; если она отвергнетъ эту сдѣлку онъ будетъ дѣйствовать противъ нея въ союзѣ съ Франціей и вообще съ кѣмъ угодно; но всего выгоднѣе было бы удержать за собою захваченную область не жертвуя ни однимъ солдатомъ и ни одною копѣйкой денегъ; Фридрихъ разчитывалъ что при счастіи можно достигнуть и этой цѣли, если напримѣръ Англія приметъ на себя роль посредницы. Вообще наступали событія громадной важности: долженъ былъ разыграться послѣдній актъ давнишней борьбы Габсбурговъ и Бурбоновъ. Германію ожидалъ переворотъ, еслибъ австрійскіе государи потеряли императорскую корону, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ считалась какъ бы наслѣдственнымъ достояніемъ ихъ дома, и среди этого, подобно тому какъ въ началѣ XVIII вѣка Россія заняла вдругъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ Европѣ, выдвигалась теперь Пруссія подъ предводительствомъ человѣка одареннаго геніальными способностями и непреодолимою силой воли.

Всякій разъ приступая къ какому-нибудь важному политическому дѣйствію Фридрихъ имѣлъ обыкновеніе набрасывать

на бумагѣ свои соображенія по его поводу. Такъ поступилъ онъ и предъ началомъ первой Силезской войны. Въ документѣ, озаглавленномъ: *Idées sur les projets politiques à former au sujet de la mort de l'empereur* * онъ ставилъ себѣ вопросъ. слѣдуетъ ли ему опасаться Франціи, Англіи, Голландіи, и отвѣчалъ на него отрицательно. „Остается Россія, говорилъ онъ: всѣ другія державы не въ состояніи тревожить меня; только одна Россія способна причинить мнѣ безпокойство. Но чтобы сдержать ее, можно пролить на главнѣйшихъ сановниковъ засѣдающихъ въ совѣтѣ императрицы (Анны Ивановны) дождь Данаи, что̀ заставитъ ихъ думать какъ мнѣ угодно. Если императрица умретъ, то Русскіе будутъ такъ поглощены своими внутренними дѣлами что не хватитъ у нихъ досуга заниматься иностранною политикой; во всякомъ случаѣ не лишнее дѣло ввести въ Петербургъ осла нагруженнаго золотомъ.“ Фридрихъ сознавалъ могущество Россіи. Въ *Histoire de mon temps*, обсуждая положеніе каждой изъ европейскихъ державъ предъ войной 1740—1748 годовъ, онъ отзывался такимъ образомъ о нашемъ отечествѣ: „Въ 1740 году Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170.000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 26 кораблей низшаго разряда и 40 галеръ. Доходы Имперіи простирались до 15 милліоновъ талеровъ, сумма умѣренная въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны, но въ Россіи все дешево. Самая необходимая и жизненная для монарховъ потребность—солдаты не стоятъ здѣсь и половины того что̀ тратятъ на ихъ содержаніе другія государства. Петръ I составилъ проектъ какого не составлялъ до него ни одинъ государь. Завоеватели заботятся лишь о томъ чтобы расширять свои владѣнія, а Петръ хотѣлъ сократить пространство своего государства, потому что оно было дурно населено въ сравненіи съ его обширностью. Онъ хотѣлъ сосредоточить 12 милліоновъ жителей, разсѣянныхъ по Имперіи, между Петербургомъ, Москвой, Казанью и Украйной, чтобъ эта земля была хорошо заселена и обработана; остальныя же области представляли бы пустыню—превосходную защиту отъ Персіянъ, Турокъ и Татаръ. Смерть помѣшала великому человѣку исполнить этотъ планъ. Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа Саксонскаго въ Полыпѣ, послѣ

* См. *Pol. Corr.* I, 90—92.

лобѣдъ Миниха надъ Турками, Россія держала въ своихъ рукахъ судьбы сѣвера; Русскіе были такъ страшны что никто не могъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо чтобы достигнуть Россіи нужно пройти пустыни, а съ другой стороны, можно все потерять, еслибы даже ограничиться оборонительною войной, въ случаѣ нападенія Русскихъ. У нихъ въ войскѣ множество Татаръ, kазаковъ и Калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить цвѣтущія провинціи прежде даже чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній сосѣди уклоняются отъ столкновенія съ Россіей, а Русскіе смотрятъ на союзы заключенные ими съ другими народами какъ на покровительство которымъ они удостоиваютъ своихъ kліентовъ.“ Въ политической своей kорреспонденціи Фридрихъ неоднократно высказывалъ мысль что реформа Петра вовсе не kоснулась народа и лишь высшіе классы нѣсколько затронуты ею; что для громаднаго большинства общества нѣтъ ничего слаще kакъ оставаться погруженнымъ въ азіятскую безпечность, но что если правительство дастъ толчокъ этому богатырю и направитъ его силы въ ту или другую сторону, можно ожидать грозныхъ послѣдствій. Необходимо слѣдовательно заручиться расположеніемъ людей пользующихся въ Россіи властью, а достигнуть этого не трудно, такъ kакъ личный интересъ преобладаетъ у нихъ надъ политическими соображеніями. Императрица Анна Ивановна умерла при самомъ началѣ войны долженствовавшей охватить почти всю Европу, и Биронъ назначенъ былъ регентомъ за малолѣтствомъ новаго государя: Фридрихъ разчитывалъ что едва ли Биронъ предприметъ что-нибудь противъ него уже потому что владѣетъ богатымъ помѣстьемъ въ Силезіи (помѣстье Вартенбергъ). По низверженіи Бирона управленіе страной перешло kъ Аннѣ Леопольдовнѣ, но сама она не была въ состояніи заниматься дѣлами: вліятельные люди при ней были Минихъ и Остерманъ, изъ kоихъ первый не скрывалъ своихъ симпатій kъ Пруссіи. Надлежало еще болѣе укрѣпить его въ этихъ чувствахъ. „Вы должны пустить въ ходъ все свое умѣнье, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Петербургѣ, чтобы склонить графа Миниха kъ моимъ интересамъ; расточайте щедро съ этою цѣлію обѣщанія и ласки. Обнадежьте его что если онъ окажетъ мнѣ помощь при теперешнихъ обстоятельствахъ, если успѣетъ расположить правительницу kъ

моимъ планамъ, которые въ сущности совершенно согласны съ истинными интересами какъ Австрійскаго дома, такъ и Россіи, то не только укрѣплю за нимъ и его потомствомъ Багенъ, уже конфискованный мною и приносящій болѣе 5.000 червонцевъ дохода, но также графство Вартенбергъ въ Силезіи." Фридрихъ не терялъ еще надежды что дѣло можетъ устроиться для него безъ войны; ничего такъ не желалъ онъ какъ посредничества между нимъ и Маріей Терезіей и стараясь направить на этотъ путь Англію, онъ надѣялся что и Россія будетъ дѣйствовать съ нею въ тѣсномъ согласіи. „Было бы большимъ для меня счастьемъ, писалъ онъ, еслибы Петербургскій дворъ вмѣшался въ нашу распрю и внушилъ Австріи желаніе сойтись со мною, отнявъ у нея вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на поддержку со своей стороны. Въ такомъ случаѣ русскіе министры пріобрѣтутъ право на вѣчную мою признательность и я сочту за особое удовольствіе выражать ее всякій разъ когда будутъ затрогиваемы интересы Россіи и интересы этихъ великихъ геніевъ стоящихъ у кормила правленія" (de ces grands génies qui sont au timon des affaires).

Великіе геніи сами желали бы предотвратить войну. Положеніе новаго правительства было шатко, финансы находились далеко не въ цвѣтущемъ состояніи:—при этихъ условіяхъ Россія не могла желать чтобы въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею началась борьба, послѣдствія коей могли отразиться и на ней. Посредничество представлялось повидимому самымъ удобнымъ средствомъ чтобъ избѣжать такой напасти, но, какъ уже замѣчено выше, оно было невозможно при тѣхъ условіяхъ которыя были выставляемы Прусскимъ королемъ. Въ сущности онъ лишь добивался чтобы посредники постарались закрѣпить за нимъ то что было захвачено имъ силой; отъ Маріи-Терезіи требовалось чтобъ она узаконила своимъ согласіемъ самое возмутительное нападеніе; въ замѣнъ этого онъ предлагалъ ей какія-то сомнительныя блага въ будущемъ. Но не говоря уже о томъ какъ неосторожно было бы полагаться на его обѣщанія, гордость молодой государыни была въ высшей степени оскорблена его насильственнымъ образомъ дѣйствій, и съ первой же минуты, подъ вліяніемъ быть-можетъ даже не столько политическихъ соображеній, сколько женскаго чувства, заявляла она что готова перенести всякія потери и невзгоды, но не вступать въ сдѣлку съ хищникомъ. Фридрихъ принадлежалъ къ числу

тѣхъ людей которые отваживаясь на самыя волюція мѣры увѣряютъ всѣхъ въ искренности и чистотѣ своихъ намѣреній и, повторяя это другимъ, сами начинаютъ убѣждаться въ своей непогрѣшимости; такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ винилъ Марію-Терезію за то что она отстаиваетъ свои права на принадлежавшую ей область, заранѣе обвинялъ посредниковъ, если они не помогутъ его замысламъ, и только съ самого себя слагалъ всякую отвѣтственность. „Предположимъ, говорилъ онъ, что Вѣнскій дворъ будетъ обнаруживать непреклонное упорство; я поневолѣ соединяюсь тогда съ Франціей и ужь конечно не на мигъ, а на Англіи и Россіи будетъ лежать вина за пожаръ который охватитъ Европу“ *.

Прибѣгнуть къ посредничеству между двумя враждующими сторонами значило неминуемо возстановить противъ себя ту или другую изъ нихъ. Не хотѣлось министрамъ Анны Леопольдовны раздражить Вѣнскій дворъ, потому что онъ уже былъ и могъ еще быть полезнымъ для насъ союзникомъ въ борьбѣ съ Турками, но опасно было поссориться и съ Прусскимъ королемъ, который не задумался бы конечно сѣять разныя противъ насъ козни въ Швеціи. Съ обычною своею осторожностью Остерманъ старался вывернуться изъ этихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ министровъ Фридриха, Подевильсъ, доносилъ королю: „Ваше величество уже отправили къ Остерману собственноручное письмо долженствовавшее сильно польстить его тщеславію; такъ какъ онъ желалъ вмѣсто денежнаго подарка въ 8.000 червонцевъ получить вашъ портретъ украшенный брилліантами, то мнѣ кажется слѣдовало бы употребить означенную сумму на изготовленіе портрета столь же великолѣпнаго какъ тотъ который былъ подаренъ графу Минниху и даже лучше. Кромѣ того, необходимо задобрить родственниковъ Остермана въ Вестфаліи, надѣлить ихъ баронскими, дворянскими и всякаго рода другими дипломами, не стоящими ровно ничего, а между тѣмъ это расположитъ къ намъ русскаго Ришелье.“ Фридрихъ охотно соглашался на всякого рода предложенія, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться что въ Петербургѣ нельзя, какъ казалось ему, достигнуть всего съ помощью золота. Правда, Минихъ настоялъ на заключеніи съ Пруссіей оборонительнаго договора, но даже и

* *Pol. Corr.* I. 208.

онъ, несмотря на свои симпатіи къ Прусскому правительству, находилъ невозможнымъ жертвовать ему Австріей. Вскорѣ послѣ одержаннаго имъ успѣха онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку. Вліяніе Остермана усиливалось, а Остерманъ не переставалъ повторять что малѣйшее раздробленіе австрійскихъ владѣній нанесло бы тяжкій ударъ интересамъ общеевропейскаго равновѣсія. „Измѣна Россіи ужасна". (*La trahison de la Russie est épouvantable*), писалъ Фридрихъ, обольщавшій себя одно время надеждой что вслѣдствіе заключеннаго съ нею трактата можетъ вполнѣ разчитывать на нее. Посредничество такое какое было ему желательно рѣшительно не удавалось. Англійское правительство склонялось все болѣе и болѣе на сторону Маріи-Терезіи, и Фридрихъ началъ спѣшить переговорами о союзѣ съ Франціей. Еще въ январѣ писалъ онъ Подевильсу: „Въ Россіи все идетъ удивительно хорошо для насъ—такъ хорошо что имѣя возможность опереться на Россію и Англію, мы не имѣемъ никакой причины торопиться соглашеніемъ съ Тюильрійскимъ дворомъ; нужно слѣдовательно водить его за носъ пока не разъяснится окончательно вопросъ о посредничествѣ." Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ того Фридрихъ заговорилъ уже совсѣмъ другимъ тономъ. Надежды его обращены были не на Англію и Россію, а на Францію, и однимъ изъ главнѣйшихъ условій задуманнаго имъ союза было то чтобы Французское правительство подняло на насъ Шведовъ. Мысль эта такъ занимала его что онъ безпрерывно возвращался къ ней въ своихъ сношеніяхъ съ французскими уполномоченными. „Я былъ чрезвычайно изумленъ, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ маркизу Валори, посланнику Людовика XV при Берлинскомъ дворѣ, узнавъ что Шведы колеблются начать военныя дѣйствія. Маркизъ Бель-Иль не рѣшится конечно отрицать что онъ положительно обѣщалъ мнѣ что они нападутъ на Русскихъ въ Финляндіи, лишь только я подпишу трактатъ съ Франціей. Теперь все готово для этого, а Швеція продолжаетъ выставлять разныя затрудненія. Предупреждаю что трактатъ нашъ разлетится въ прахъ если вы не одержите полнаго успѣха въ Стокгольмѣ; ни на какихъ другихъ условіяхъ не соглашусь я быть союзникомъ вашего короля" *.

---

* *Pol Corr.* I. 283.

Въ августѣ 1741 года Швеція объявила намъ войну, безо всякой основательной причины и даже безо всякаго повода, единственно потому что слабое ея правительство было жалкимъ орудіемъ чужеземныхъ вліяній. Изъ этого видно, между прочимъ, какъ безразсудно было долго господствовавшее въ нашей литературѣ мнѣніе будто бы позднѣе императрица Елисавета могла держаться въ сторонѣ отъ европейскихъ смутъ, будто вмѣшавшись въ нихъ она даромъ проливала русскую кровь и тратила русскія деньги. Съ тѣхъ поръ какъ Россія заняла видное мѣсто въ Европѣ, подобное отчужденіе отъ того что̀ происходило въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею представлялось для нея немыслимымъ: каждая изъ воюющихъ сторонъ хотѣла заручиться ея содѣйствіемъ; напрасно увѣряла бы она что хочетъ соблюдать строгій нейтралитетъ,— подобныя заявленія не могли успокоить никого; опасались что рано или поздно она измѣнитъ свое рѣшеніе, отъ невмѣшательства перейдетъ къ болѣе энергической политикѣ, а потому заботились поссорить ее съ Турками или Шведами и тѣмъ самымъ стѣснить ея свободу дѣйствій. Правительство Анны Леопольдовны было очень миролюбиво, но это не оградило его отъ шведской войны. Къ счастію враги выставленные противъ насъ Фридрихомъ и Людовикомъ XV оказались плохи; съ самаго начала, послѣ взятія нашими войсками Вильманстранда, можно было предвидѣть что они не долго будутъ въ состояніи выдерживать борьбу, и Фридрихъ попрежнему, хотя родственныя связи соединяли его съ Брауншвейгскою фамиліей, сталъ тревожиться относительно замысловъ Русскаго правительства. Вдругъ получено было имъ изъ Петербурга извѣстіе о переворотѣ, слѣдствіемъ коего было восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны.

Переворотъ этотъ поразилъ его своею неожиданностью, хотя отчасти онъ могъ предвидѣть его. Въ запискахъ своихъ онъ отзывается о немъ такимъ образомъ: „публика довольно легкомысленно думаетъ что событія совершающіяся въ пользу государей суть плоды ихъ предусмотрительности и искусства; подъ вліяніемъ такого предубѣжденія полагали что Прусскій король принималъ участіе въ русской революціи: ничего подобнаго однако не происходило. Король былъ тутъ не причемъ и узналъ о событіи одновременно съ публикой. За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, когда маршалъ Бель-Иль посѣтилъ лагерь въ Мольвицѣ,

разговоръ коснулся Россіи. Маршалъ былъ очень недоволенъ образомъ дѣйствій правительницы Анны и ея супруга принца Антона, и однажды, въ минуту крайняго раздраженія спросилъ короля не будетъ ли ему непріятно, если въ Петербургѣ низвергнутъ приходившагося ему племянникомъ юнаго императора Ивана и возведутъ на престолъ принцессу Елисавету. Король отвѣчалъ на это что между государями онъ считаетъ своими родственниками только тѣхъ которые друзья съ нимъ. Вотъ и все—разговоръ не продолжался*. Можно было бы усомниться въ искренности показаній Фридриха, но интимная его переписка, относящаяся къ означенному событію, доказываетъ что на этотъ разъ онъ не уклонился отъ истины. Французская дипломатія дѣятельно работала въ Петербургѣ, не сообщая ему однако о ходѣ своихъ интригъ. „Искренно сожалѣю о печальной участи которая по всему вѣроятію постигнетъ принца Антона-Ульриха и его брата Людовика, писалъ король своему посланнику Мардефельду, ** узы крови и дружбы связывающія меня съ Брауншвейгскимъ домомъ не позволяютъ мнѣ относиться равнодушно къ его несчастію. Но, оставивъ это въ сторонѣ, я не думаю чтобы совершившійся переворотъ былъ вреденъ для моихъ интересовъ; кто бы то ни были его виновники, нельзя предположить чтобъ они рѣшились вовлечь въ войну со мной націю которая только жаждаетъ покоя и могла бы возмутиться еслибы слишкомъ упорно стали противиться ея наклонности къ миру... Мнѣ было бы однако пріятно если бы вы сохранили кое-какія сношенія съ низверженною партіей, чтобъ имѣть заручку на всякій случай; дѣйствуйте только съ большимъ благоразуміемъ и осторожностью и старайтесь не возбуждать подозрительности людей пользующихся нынѣ властью. Затѣмъ требую я отъ васъ подробнаго отчета о переворотѣ: чѣмъ онъ былъ главнымъ образомъ вызванъ, кто руководилъ интригой, какіе министры—русскіе или иностранные—участвовали въ ней, особенно же принималъ ли въ ней участіе маркизъ Шетарди или все было дѣломъ самихъ Русскихъ; какую роль играли графы Минихъ и Остерманъ и что ожидаетъ ихъ теперь; присоедините также ваши соображенія о предстоящей судьбѣ принцессы Анны, ея

---

* *Histoire de mon temps*, гл. IV, 159—160.

** *Pol. Corr.*, I, 438—439.

дѣтей, ея супруга; позволятъ ли имъ отправиться въ Германію или заставятъ ихъ предпринять путешествіе въ Сибирь; останется ли дворъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ на время шведской войны, или же переселится въ Москву и каковы его намѣренія относительно Шведовъ“...

Фридрихъ утѣшалъ себя мыслію что воцареніе Елисаветы Петровны будетъ тяжкимъ ударомъ для Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ. „Теперь, читаемъ мы въ письмѣ его къ тому же Мардефильду, надо надѣяться что эти сдѣлаются гораздо податливѣе и не будутъ отказываться отъ соглашеній требуемыхъ общимъ положеніемъ дѣлъ. Но такъ какъ по всему вѣроятію они подчинятся этому въ послѣдней крайности, а предварительно употребятъ чрезвычайныя усилія чтобы притянуть къ себѣ Россію, расточая деньги русскимъ министрамъ или прибѣгая ко дворцовымъ интригамъ, то вы обязаны зорко слѣдить за ихъ происками. Особенно не упускайте изъ виду нѣкоего лѣкаря Лестока, о которомъ я имѣю свѣдѣнія какъ о большомъ интриганѣ, горячо преданномъ интересамъ Ганноверскаго дома; увѣряютъ будто бы онъ пользуется расположеніемъ новой императрицы. Важныя дѣла подготовляются нерѣдко съ помощью ничтожныхъ людей, а потому, если справедливо что государыня довѣряетъ этому человѣку и если не удастся сдѣлать его нашимъ орудіемъ, вамъ нужно учредить за нимъ бдительный надзоръ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ.“

II.

Вступленіе на престолъ императрицы Елисаветы Петровны положило конецъ господству Нѣмцевъ въ правительственныхъ сферахъ Россіи. Дочь Петра Великаго окружила себя русскими людьми, поручала исключительно имъ завѣдываніе какъ внутреннею, такъ и внѣшнею политикой. Но слѣдовало ли изъ этого чтобъ иностранныя вліянія совершенно исчезли въ Петербургѣ? Можно ли было ожидать что европейскіе дворы не будутъ употреблять всевозможныхъ стараній съ цѣлью овладѣть довѣріемъ и расположеніемъ новаго правительства? Ни для кого не было тайной что французскій уполномоченный Шетарди много хлопоталъ о возвышеніи Елисаветы, считался однимъ изъ главныхъ ея приверженцевъ

отсюда не трудно было вывести заключеніе что императрица поставитъ себѣ правиломъ поддерживать тѣсныя сношенія съ Франціей, тѣмъ болѣе что личныя ея симпатіи давно уже склонялись къ этой странѣ.

Въ послѣднее время появилась книга,* авторъ коей, на основаніи документовъ хранящихся во французскомъ государственномъ архивѣ, старается доказать что Елисавета питала какое-то непреодолимое влеченіе ко Франціи, несмотря на то что въ первой половинѣ ея царствованія кабинеты С.-Петербургскій и Тюильрійскій преслѣдовали различные планы. Иначе не могло и быть, говоритъ онъ, ибо въ юности своей Елисавета предназначалась сдѣлаться французской принцессой, и воспоминаніе объ этомъ никогда не покидало ея. То была завѣтная мысль ея отца, которую онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду преслѣдовалъ съ обычнымъ своимъ упорствомъ. Петръ Великій желалъ союза съ Франціей, но союзъ этотъ могъ осуществиться въ томъ только случаѣ еслибы Франція отказалась отъ воззрѣній которыя издавна руководили ея политикой. „Намъ предстояло одно изъ двухъ, говоритъ г. Вандаль: откровенно сблизиться съ Россіей, но въ такомъ случаѣ слѣдовало пожертвовать Турціей, Швеціей и Польшей. Возвышеніе Россіи могло упрочиться не иначе какъ въ ущербъ этимъ государствамъ: только отказавшись поддерживать ихъ, допустивъ ихъ снизойти на роль вассаловъ Русскаго царя, Франція могла привлечь къ себѣ симпатіи Россіи, заручиться ея признательностью, предпочесть, словомъ, прежней системѣ нашихъ союзовъ тѣсное сближеніе съ молодою и исполненною силъ имперіей. Другая политика состояла, напротивъ, въ томъ чтобъ еще болѣе закрѣпить узы связывавшія насъ съ Турціей, Швеціей и Польскою республикой, задерживать по возможности ихъ разложеніе и образовать подъ нашимъ руководствомъ конфедерацію, которая имѣла бы цѣлію отбросить Россію въ ея степи и заградить ей доступъ къ цивилизованному міру.“ Союзъ съ названными сейчасъ государствами былъ необходимъ Франціи для того чтобы пользоваться ими какъ орудіемъ въ борьбѣ съ давнишнимъ ея врагомъ—Габсбургскимъ домомъ, но они могли исполнять болѣе или менѣе успѣшно эту задачу лишь до тѣхъ поръ пока Россія не

---

* *Louis XV et Élisabeth de Russie*, par Albert Vandal. 1882.

пріобрѣла новаго значенія въ семьѣ европейскихъ народовъ. Съ этого времени положеніе ихъ измѣнилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ громадныя затрудненія возникали и для Французскаго правительства. Опираясь на Швецію, Польшу и Турцію противъ Австріи, ему приходилось ограждать ихъ самихъ отъ Россіи: предпріятіе крайне неблагодарное, ибо уже тогда сознавали во Франціи очень ясно что и Оттоманская имперія и Польская республика заражены недугомъ который неминуемо долженъ былъ довести ихъ до погибели. Обстоятельства были такого рода что Тюильрійскому кабинету слѣдовало бы, казалось, остановиться на вопросѣ, не благоразумнѣе ли было бы измѣнить радикально свою политическую систему? Быть-можетъ энергическое и проницательное правительство остановилось бы на подобномъ рѣшеніи, но нельзя было ожидать этого ни отъ регента герцога Орлеанскаго, ни отъ главнаго его министра, позорной памяти кардинала Дюбуа. Въ 1717 году наступила критическая минута: императоръ Петръ посѣтилъ Парижъ съ цѣлію убѣдиться нѣтъ ли возможности придти къ какому-нибудь прочному соглашенію съ Франціей. Онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, но не достигъ никакихъ политическихъ результатовъ. Самъ регентъ обнаруживалъ наклонность къ сближенію съ Россіей, но Дюбуа, находившійся въ то время въ Лондонѣ, обратился къ нему съ письмомъ въ которомъ умолялъ его не отступать отъ прежней политики. „Если, говорилъ онъ, содѣйствуя упроченію могущества царя вы вытѣсните Англичанъ и Голландцевъ изъ Балтійскаго моря, то возбудите навсегда ихъ ненависть. Здоровье царя давно уже потрясено, а его сынъ не будетъ поддерживать теперешнихъ преобразованій. Прусскій король, находящійся уже въ близкомъ родствѣ съ Англійскимъ домомъ, постарается выдать замужъ одну изъ своихъ дочерей за принца Вельсскаго, а этимъ еще болѣе закрѣпитъ свою связь съ Англіей... Не могу не вспомнить при этомъ о двухъ италіянскихъ пословицахъ; одна изъ нихъ гласитъ: *chi sta bene non si muove*, другая послужила эпитафіей человѣка который довелъ себя до могилы прибѣгая безпрерывно къ укрѣпляющимъ лѣкарствамъ: *per star meglio sono qui*. Проникнитесь глубокимъ смысломъ этихъ изреченій и не заботьтесь улучшить ваше положеніе когда оно и безъ того уже хорошо.“ Переговоры между Франціей и Россіей продолжались впрочемъ по отъѣздѣ Петра, и въ августѣ

1717 года привели въ Амстердамѣ къ заключенію трактата, въ которомъ участвовала и Пруссія,—трактата гарантировавшаго договоры Утрехтскій и Баденскій и возлагавшаго на Версальскій дворъ посредничество для прекращенія Сѣверной войны. То былъ конечно союзъ, но не измѣнившій общаго направленія политики каждой изъ трехъ державъ.

Посланникомъ въ Петербургъ назначенъ былъ Кампредонъ. Прибывъ къ мѣсту своего назначенія онъ тотчасъ же убѣдился что Петръ отнюдь не покинулъ мысли высказанной имъ еще въ Парижѣ, о бракѣ своей дочери Елисаветы съ юнымъ королемъ Людовикомъ XV. Повидимому слѣдовало бы забыть объ этомъ, потому что въ промежутокъ времени между 1717 и 1721 годами произошло важное событіе—официальное обрученіе Людвика съ Испанскою инфантой. Но въ Петербургѣ созрѣлъ кажется новый планъ, о которомъ Кампредонъ доносилъ кардиналу Дюбуа слѣдующее: „Близкій пріятель сообщилъ мнѣ что было бы желательно, съ цѣлію совершенно склонить царицу къ нашимъ интересамъ, устроить бракъ младшей дочери царя съ однимъ изъ французскихъ принцевъ, который бы потомъ избранъ былъ королемъ польскимъ; достигнуть этого избранія весьма легко при томъ вліяніи которымъ пользуется царь въ Польшѣ. Я убѣжденъ что эти внушенія идутъ отъ Шафирова.“ Кампредонъ горячо схватился за нихъ и со словъ своего пріятеля указывалъ кардиналу на герцога Шартрскаго, старшаго сына регента. Выгоды для Франціи были по его мнѣнію очевидны: такъ какъ не представлялось возможнымъ спасти Польшу, которая замѣтно все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, то не слѣдовало ли поставить ее въ вассальныя отношенія къ Россіи, которая въ такомъ случаѣ довольствовалась бы господствомъ надъ нею не посягая лишить ее вовсе независимости? Упроченіе московскаго вліянія въ Варшавѣ возбудило бы недоброжелательство и соперничество со стороны Австріи и Пруссіи и такимъ образомъ Россія неминуемо должна была бы сдѣлаться на будущее время врагомъ Габсбургской династіи. Дюбуа отозвался сочувственно на предложенія сообщенныя ему Кампредономъ, но изъ отвѣта его не трудно догадаться что онъ хотѣлъ воспользоваться ими для совершенно другихъ цѣлей. Если рѣчь идетъ, говорилъ онъ, о бракосочетаніи принцессы Елисаветы съ герцогомъ Шартрскимъ и возведеніи сего послѣдняго на

польскій престолъ, то пусть прежде получитъ онъ корону а потомъ уже состоится бракъ. Иначе какія гаратіи что онъ будетъ царствовать въ Польшѣ? „Какъ бы ни было высоко положеніе занимаемое нынѣ царемъ въ Европѣ, различныя обстоятельства могутъ снова погрузить его монархію въ тотъ мракъ изъ котораго онъ ее извлекъ, а потому было бы рискованно основывать столь важное дѣло на родственной связи съ нимъ. Къ тому же развѣ можно ручаться что задуманный планъ не огласится прежде чѣмъ наступитъ избраніе короля въ Польшѣ? Въ такомъ случаѣ европейскія державы и по всему вѣроятію значительная часть польскихъ магнатовъ предпочтутъ герцогу Шартрскому другаго кандидата. и Франція не достигнетъ своей главной цѣли, а между тѣмъ раздражитъ и возстановитъ противъ себя лучшихъ своихъ союзниковъ.“ * Таково было главное условіе выставленное кардиналомъ Дюбуа, но были еще и другія: онъ настаивалъ что если будетъ заключенъ союзъ между Франціей и Россіей, то, волервыхъ, Англія должна быть привлечена къ нему, а затѣмъ Французское правительство не хотѣло оказывать Россіи никакой помощи въ случаѣ войнъ ея съ Турками. Всѣ это бросало тѣнь на искренность намѣреній Версальскаго двора, который главнымъ образомъ заботился лишь о томъ чтобы при содѣйствіи Петра проложить одному изъ своихъ принцевъ путь къ польскому престолу.

Петра Великаго не было въ Петербургѣ когда происходили эти переговоры между Кампредономъ и первымъ министромъ герцога Орлеанскаго. Онъ былъ занятъ своею экспедиціей на Каспійскомъ морѣ. Лишь въ концѣ 1722 года прибылъ онъ въ Москву, гдѣ встрѣтилъ его и французскій уполномоченный. Тотчасъ же начались совѣщанія о бракосочетаніи Елисаветы Петровны, которыя отъ имени императора велъ князь Долгорукій. Энергически возставалъ онъ противъ попытки отложить бракъ до избранія герцога Шартрскаго королемъ. „Что же, будетъ, говорилъ Долгорукій Кампредону, если король польскій проживетъ еще пятнадцать лѣтъ? Великая княжна состарится оставаясь невѣстой. Государь поручилъ мнѣ сообщить вамъ что ему пріятно предложеніе Французскаго двора, но онъ намѣренъ дѣйствовать быстро, а если вы будете тянуть переговоры и настаивать на привлеченіи къ

---

* *Vandal*, 54—55.

союзу Англіи, то лучше и не помышлять объ этомъ." Если Петръ Великій относился сочувственно къ плану, встрѣчавшему въ Камлредонѣ столь ревностнаго лоборника, то у него былъ другой разчетъ: никогда не помышлялъ онъ о польскомъ престолѣ для своей дочери: не могъ онъ не сознавать что еслибы сочеталась она бракомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и еслибы герцогъ занялъ мѣсто Августа II, то это не только не послужило бы къ сближенію между Россіей и Франціей, но было бы для нихъ источникомъ безпрерывныхъ распрей. Версальскій дворъ добивался посадить своего принца въ Польшѣ вовсе не для того чтобъ онъ былъ покорнымъ вассаломъ Русскаго царя. Петръ по-прежнему питалъ надежду сдѣлать Елисавету Французскою королевой: если надежда эта была поколеблена обрученіемъ Людовика XV съ Испанскою принцессой, то съ другой стороны онъ зналъ что здоровье Людовика возбуждаетъ сильныя опасенія, его не считали долговѣчнымъ, а въ случаѣ его смерти престолъ долженъ былъ перейти къ Орлеанской линіи. Именно то обстоятельство что герцогъ Шартрскій могъ въ непродолжительномъ времени возложить на себя французскую корону побуждало Петра отнестись съ интересомъ къ предложенію съ которымъ выступилъ Камлредонъ. Оно не имѣло однако никакихъ послѣдствій. Какъ скоро отъ имени царя было заявлено что онъ вовсе не намѣренъ выжидать чтобы старшій сынъ регента, при его же содѣйствіи, водворился въ Польшѣ, Тюильрійскій дворъ предпочелъ хранить упорное молчаніе по возбужденному имъ самимъ вопросу. Напрасно Камлредонъ посылалъ въ Парижъ одну депешу за другою, напрасно жаловался на свое невыносимое положеніе, невыносимое до такой степени что онъ сказывался больнымъ чтобы не появляться при дворѣ,—и кардиналъ Дюбуа, и преемникъ кардинала герцогъ Бурбонъ уклонялись отъ сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта.

Со смертью Петра Великаго не прекратилось дѣло такъ сильно занимавшее его въ послѣдніе годы его жизни. Неожиданное обстоятельство снова пробудило надежды нашего правительства. Какъ уже сказано выше, Людовикъ XV былъ обрученъ съ Испанскою принцессой, которую даже заранѣе привезли во Францію, но она была еще ребенкомъ, и долго приходилось ждать ея совершеннолѣтія, а между тѣмъ возникалъ тревожный вопросъ: что если король сойдетъ

въ могилу не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ? Болѣе чѣмъ кто-нибудь озабоченъ былъ этимъ первый министръ герцогъ Бурбонъ, ибо въ такомъ случаѣ престолъ сдѣлался бы достояніемъ ненавистнаго ему Орлеанскаго дома. Онъ употребилъ все свое вліяніе чтобъ ускорить бракъ короля и вполнѣ достигъ своей цѣли. Съ инфантой поступили безо всякихъ церемоній: какъ скоро рѣшеніе состоялось, ее тотчасъ же выпроводили изъ Франціи, смертельно оскорбивъ этимъ Мадритскій дворъ. Въ то же самое время довѣренные люди отправились за границу съ цѣлью собрать свѣдѣнія о принцессахъ на которыхъ король могъ бы остановить свой выборъ. Такихъ принцессъ оказалось семнадцать, и хотя никто изъ посланныхъ не посѣтилъ Петербурга, великая княжна Елисавета Петровна включена была въ этотъ списокъ и даже занимала въ немъ второе мѣсто.

Императрица Екатерина не замедлила узнать о событіи взволновавшемъ весь Парижъ, и вечеромъ того самаго дня когда пришло извѣстіе объ этомъ, спросила Кампредона: „правда ли что король отослалъ Испанскую инфанту.“? Кампредонъ отозвался что не имѣетъ офиціальныхъ свѣдѣній. „Я получила письма изъ Голландіи не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнія, продолжала императрица; надо было предвидѣть это, ибо бракъ со столь юною принцессой не годился его величеству и не соотвѣтствовалъ бы интересамъ его государства. Желаю ему всякаго благополучія и прошу васъ увѣрить короля что дружба и союзъ съ нимъ была бы для меня предпочтительнѣе союза съ какою бы то ни было другою державой въ свѣтѣ.“ На другой день посѣтилъ Кампредона князь Меншиковъ, прямо заявившій ему что теперь наступила самая удобная минута соединить тѣсными узами Францію съ Россіей посредствомъ бракосочетанія Елисаветы Петровны съ Людовикомъ XV. Быть-можетъ герцогъ Бурбонъ будетъ препятствовать этому, но есть вѣрное средство заинтересовать и его: отчего бы не жениться ему на дочери Станислава Лещинскаго, проживавшаго во Франціи послѣ изгнанія своего изъ Польши? Лещинскій отказался бы отъ своихъ притязаній на польскій престолъ, но такъ какъ многіе изъ Поляковъ сохранили привязанность къ нему, то на предстоящихъ выборахъ кандидатомъ вмѣсто него могъ бы выступить герцогъ Бурбонъ. Чтобы расположить честолюбиваго министра Русское правительство показывало видъ будто

современемъ онъ можетъ даже разчитывать на его содѣйствіе. Кампредонъ рѣшился энергически поддерживать сообщенный ему планъ, хотя дальнѣйшія извѣстія изъ Парижа были не совсѣмъ благопріятны. Посланникъ нашъ Куракинъ писалъ что вмѣсто тѣхъ невѣстъ о которыхъ такъ тщательно собирали свѣдѣнія почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ, герцогъ Бурбонъ задумалъ женить короля на сестрѣ своей, дѣвицѣ Сансъ, не задолго предъ тѣмъ появившейся въ Версалѣ и произведшей на Людовика сильное впечатлѣніе. Это не обезкуражило однако Кампредона. Въ депешахъ своихъ къ статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ Морвиллю онъ старался выставить на видъ всѣ выгоды союза съ Россіей и восхвалялъ Елисавету Петровну. „Все, писалъ онъ, слышанное мною отъ князя Меншикова о личныхъ качествахъ этой принцессы вполнѣ справедливо. Нужно было конечно ей и сестрѣ ея Аннѣ обладать значительными природными дарованіями чтобы сдѣлать такіе успѣхи во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, на которыхъ онѣ объясняются и пишутъ очень хорошо, и чтобъ усвоить себѣ столь изящныя манеры и въ разговорѣ и вообще во всемъ поведеніи, особенно если принять въ разчетъ неспособность лицъ занимавшихся ихъ воспитаніемъ. Къ тому же въ Россіи таковъ обычай что жены, начиная съ принцессъ и кончая простолюдинками, слѣпо повинуются волѣ своихъ мужей.“ Кампредонъ обнаружилъ не малую долю мужества, рѣшившись, между прочимъ, написать Морвиллю слѣдующее письмо: „Еслибъ искренняя моя привязанность къ особѣ вашего превосходительства нуждалась въ доказательствахъ, я не могъ бы ничѣмъ лучше обнаружить ее какъ тѣмъ довѣріемъ съ которымъ передаю вамъ то что говорятъ здѣсь о предполагаемомъ бракѣ короля. Въ официальныхъ моихъ депешахъ я старался какъ можно болѣе смягчить выраженія къ которымъ прибѣгаютъ здѣсь относительно герцога (Бурбона): князь Куракинъ увѣряетъ что онъ готовъ принести все въ жертву своему честолюбію и своей ненависти къ Орлеанскому дому и что только ради этого удалилъ онъ инфанту безъ соблюденія самыхъ обыкновенныхъ приличій. Не подобаетъ такому ничтожному червяку какъ я разсуждать о намѣреніяхъ высшаго правительства, тѣмъ болѣе что, быть-можетъ, разсужденія мои опирались бы на ложныя основанія: но если содержится хоть частица правды въ томъ что сообщаетъ сюда князь Куракинъ, то нельзя сомнѣваться что

бракъ короля съ русскою принцессой былъ бы гораздо предпочтительнѣе для него во всѣхъ отношеніяхъ. Его величество имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи одну изъ главныхъ державъ Европы. Россія привлекла бы къ нему Польшу и Швецію, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставила бы польскую корону герцогу посредствомъ брака его съ дочерью короля Станислава. Еще не далѣе какъ вчера царица подтвердила мнѣ все это чрезъ князя Меншикова, давъ замѣтить при этомъ что особенно оцѣнитъ услуги которыя въ настоящемъ случаѣ окажете вы какъ ей, такъ и его величеству. Повторяю еще разъ что я передаю лишь въ точности все что̀ слышу здѣсь, предоставляя вашему просвѣщенному уму воспользоваться какъ будетъ вамъ угодно моими донесеніями.“ *

Герцогъ Бурбонъ не отважился настаивать на намѣреніи женить короля на своей сестрѣ. Общественное мнѣніе слишкомъ рѣзко высказывалось противъ этого, но онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ дать Людовику такую супругу которая играла бы приниженную роль, отъ которой онъ не могъ бы опасаться ничего лично для себя. Выборъ его остановился на Маріи Лещинской. Надежды Кампредона что онъ самъ постарается сочетаться съ нею бракомъ оказались такимъ образомъ неосновательны. Нельзя сказать чтобъ упомянутое событіе произвело благопріятное впечатлѣніе во Франціи. „Свадьба объявлена, записалъ въ своей хроникѣ адвокатъ Маре, но дворъ такъ печаленъ какъ будто распространилась вѣсть что король пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Очень скоро должны обнаружиться послѣдствія этого брака съ дочерью короля, который уже не король и принадлежитъ къ націи совершенно чуждой нашей.“ Дѣйствительно, Франція не выигрывала ровно ничего. „Выборъ Маріи Лещинской, говорилъ г. Вандаль, былъ огромною ошибкой. Въ политическомъ отношеніи этотъ бракъ не только не приносилъ Франціи никакихъ выгодъ, но напротивъ, долженъ былъ вовлечь ее въ опасныя предпріятія. Вмѣсто того чтобы семейными узами привязать къ себѣ какой-либо изъ европейскихъ дворовъ, Людовикъ принималъ нравственное обязательство поддерживать невозможныя притязанія своего тестя.“ Что касается Елисаветы Петровны, то въ іюнѣ 1727 года Кампредонъ получилъ изъ Парижа депешу, въ которой говорилось что конечно

---

* *Vandal*., 89—90.

Французскій король не задумался бы предпочесть ее всѣмъ другимъ невѣстамъ еслибы не вопросъ о вѣроисповѣданіи, который дѣлаетъ бракъ съ нею положительно невозможнымъ для него.

Мы изложили довольно подробно исторію сватовства Елисаветы Петровны, между прочимъ, по той причинѣ что нѣкоторые историки, на основаніи донесеній французскихъ дипломатовъ состоявшихъ при нашемъ дворѣ, увѣряютъ будто долго и въ послѣдствіи не могла она отдѣлаться отъ чувства какого-то особаго расположенія къ Людовику XV, котораго одно время считала уже своимъ женихомъ. Но, во-первыхъ, никогда она не имѣла на это достаточно права, а во-вторыхъ, всѣ переговоры съ Тюильрійскимъ дворомъ должны были скорѣе оставить въ ней непріятное чѣмъ отрадное воспоминаніе. Если позднѣе, когда уже сдѣлалась она императрицей, Елисавета выражалась очень любезно о Людовикѣ, желала имѣть его портретъ и т. п., то странно придавать этому какую-либо важность. Мы увидимъ что въ первой половинѣ своего царствованія не скупилась она на заявленія такого рода и относительно Фридриха, хотя уже и тогда знала что онъ далеко не былъ ея другомъ. Несомнѣнно однако что до своего воцаренія и нѣкоторое время послѣ того Елисавета Петровна питала сильныя симпатіи ко Франціи, но это объясняется личностью французскаго посланника въ Петербургѣ Шетарди и увѣренностью ея что онъ готовъ оказывать ей важныя услуги. Шетарди прибылъ въ Россію въ 1739 году. Лишившись въ молодости отца, онъ былъ воспитанъ своимъ вотчимомъ, г. Монастеролемъ, который заставилъ даже Версаль говорить о своей расточительности и распутствѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ. Вотъ чрезъ какую школу прошелъ будущій дипломатъ и она оставила на немъ слѣды. Сначала онъ поступилъ въ военную службу, потомъ блисталъ при дворѣ и вообще обращалъ на себя вниманіе всюду гдѣ появлялся. Онъ страстно любилъ общество, славился своими успѣхами у женщинъ, но имѣлъ также много враговъ вслѣдствіе своей заносчивости и страсти къ злословію; человѣкъ отличавшійся скорѣе острымъ чѣмъ глубокимъ умомъ, тщеславный, съ довольно поверхностнымъ образованіемъ, онъ не лишенъ былъ извѣстной ловкости въ дѣлахъ, но часто портилъ ихъ слишкомъ легкомысленною самоувѣренностью. Всѣ отдавали ему впрочемъ

справедливость какъ весьма пріятному собесѣднику, и даже такой строгій судья какъ Фридрихъ, хорошо знавшій его, говоритъ о немъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „на слѣдующей недѣлѣ пріѣзжаетъ сюда Шетарди; это для меня конфета“. Въ Петербургѣ новый посланникъ не могъ быть доволенъ образомъ дѣйствій Русскаго правительства, которое въ распрѣ начавшейся между Франціей и Австріей склонялось на сторону послѣдней изъ этихъ державъ; онъ тотчасъ же замѣтилъ что правительство возбуждаетъ сильное противъ себя неудовольствіе и что взоры недовольныхъ обращены на Елисавету Петровну, которую всѣ знали и любили, тогда какъ Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ съ окружавшими ихъ Нѣмцами были ненавистны уже потому что въ нихъ видѣли чужеземцевъ. Елисавета Петровна была какъ бы опальною: иностранные дипломаты остерегались сближаться съ нею, но Шетарди искалъ напротивъ случая выражать ей свое расположеніе. По возможности онъ часто посѣщалъ ее, и Елисавета по складу своего ума не могла не плѣниться бесѣдой остроумнаго и блестящаго маркиза. „Умъ у нея, писалъ польскій резидентъ Лефоръ, чрезвычайно живой и до такой степени подвижный что некогда ей заниматься тѣмъ что происходитъ вокругъ; эта живость характера отзывается даже вѣтренностью, она почти не способна сосредоточиться на чемъ-либо серіозномъ. Великая княжна хорошо говоритъ по-французски, порядочно по-нѣмецки и вообще кажется что она какъ бы создана для Франціи, ибо любитъ только то что блеститъ.“ Но Шетарди, сближаясь съ Елисаветой Петровной, преслѣдовалъ отважное предпріятіе; война, которую Шведы объявили Россіи по наущенію Франціи, должна была, по его мнѣнію, не отвлечь только вниманіе Русскаго правительства отъ европейскихъ дѣлъ, но послужить средствомъ для низверженія Ивана Антоновича и его матери. Онъ не думалъ скрывать свои замыслы отъ великой княжны, и она не прочь была отъ того чтобы переворотъ произведенъ былъ чужими руками, чтобы по возможности не требовалась въ немъ ея собственная инціатива. По натурѣ своей Елисавета Петровна была вовсе не изъ тѣхъ которыя жаждутъ власти и упорно стремятся къ ней; одинъ дипломатъ, намекая на извѣстное выраженіе въ Шекспировскомъ *Юліи Цезарѣ*, справедливо замѣтилъ что она была „слишкомъ полнаго тѣлосложенія для того чтобы сдѣлаться заговорщицей“; при болѣе

спокойныхъ обстоятельствахъ и еслибы никто не препятствовалъ ей устроить жизнь согласно своимъ влеченіямъ. она вѣроятно примирилась бы со своею участью. Но права ея на престолъ выдвигались сами собой, имя ея произносилось всѣми; съ другой стороны, за нею зорко слѣдили, собирали свѣдѣнія съ кѣмъ она видится и о чемъ ведетъ разговоры. безпрерывно могла она опасаться что будутъ приняты противъ нея суровыя мѣры. Несмотря на то, она не рѣшалась дѣйствовать, не возлагала большихъ надеждъ на такихъ людей какъ Лестокъ. Воронцовъ и другіе, пользовавшіеся ея расположеніемъ. Чего же лучше если перемѣна правленія могла совершиться вслѣдствіе несчастной войны, если ударъ Брауншвейгской фамиліи будетъ нанесенъ совокупными усиліями французской дипломатіи и шведскаго оружія, а Елисавета Петровна выступитъ лишь въ послѣднюю минуту, когда дѣло будетъ окончательно устроено?

Мы не останавливаемся подробно на событіяхъ 1740—1741 годовъ, не излагаемъ достаточно уже извѣстныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Елисаветы къ маркизу Шетарди. Они замѣчательны, между прочимъ, потому что въ нихъ выказалась основная черта ея характера. Шетарди принадлежалъ къ числу тѣхъ иностранцевъ которые нисколько не вѣрили въ долговѣчность реформы Петра Великаго, были твердо убѣждены что новый порядокъ вещей поддерживается лишь Нѣмцами пользующимися властью, но что громадное большинство русскаго общества будетъ радо вернуться къ старинѣ. „Если Елисавета будетъ на тронѣ, писалъ онъ, то старинные принципы, любезные Россіи, одержатъ верхъ. Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; хозяйственныя занятія, къ которымъ склонны знатные, побудятъ ихъ тѣмъ болѣе обратиться къ нимъ что они ужъ лишены того съ давнихъ временъ; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россію увидятъ постепенно возвращающеюся къ старинѣ, которую Долгорукіе во времена Петра II и Волынскій при Аннѣ желали возстановить и которая существовала до Петра I. Въ царствованіе Елисаветы старина укоренится настолько что принцъ, ея племянникъ, всосетъ ее и привыкнетъ къ ней въ такой мѣрѣ что, когда наслѣдуетъ корону, то будетъ въ совершенномъ невѣдѣніи о другихъ началахъ.“ * Съ этой точки зрѣнія Шетарди полагалъ

---

* *Пекарскій*, Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, 248.

что безъ большихъ затрудненій удастся убѣдить Елисавету чтобъ она уступила Шведамъ ту или другую часть областей которыя перешли къ Россіи по Ништадтскому договору. И онъ самъ, и союзникъ его, шведскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ Нолькенъ, хотѣли заранѣе заручиться ея согласіемъ на этотъ счетъ, но встрѣтили непреодолимое сопротивленіе съ ея стороны. Елисавета слѣдила съ участіемъ за дѣйствіями Шведовъ, долженствовавшими, какъ увѣрялъ ее Шетарди, доставить ей корону, но ничто не могло вырвать у нея обязательства возвратить врагу то что было пріобрѣтено Россіей цѣной стольких мучительныхъ усилій и пожертвованій. Этому противилось и уваженіе ея къ памяти отца и политическій смыслъ, который никогда не покидалъ ея въ важныхъ обстоятельствахъ. Нельзя отрицать что она не была создана для государственной дѣятельности, что серіозныя занятія утомляли ее, что она слишкомъ увлекалась своими личными симпатіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ у нея трезвый умъ, вѣрно распознававшій путь по которому слѣдовало идти. Вслѣдствіе того она поддерживала людей лично ей непріятныхъ какъ скоро убѣждалась что они отстаиваютъ здравые государственные интересы и не поддавалась вліянію ихъ противниковъ, хотя бы и пользовавшихся ея расположеніемъ. Конечно это сопровождалось сильными колебаніями, приводившими въ отчаяніе наиболѣе достойныхъ изъ ея приближенныхъ, но въ концѣ концовъ она все-таки не вдавалась въ обманъ. Шетарди не замедлилъ испытать это на себѣ, точно также какъ въ послѣдствіи испытали это и многіе другіе.

III.

Планъ Шетарди не удался. Правительство Анны Леопольдовны и ея сына дало не вслѣдствіе невзгодъ которыхъ ожидалъ онъ для Россіи отъ Шведской войны, а потому что сама Елисавета Петровна, какъ ни устрашалъ ее подобный шагъ, вынуждена была наконецъ стать во главѣ недовольныхъ. Переворотъ долженъ былъ удивить его своею неожиданностію. Это не мѣшало ему однако въ официальныхъ донесеніяхъ приписывать главную заслугу себѣ и увѣрять что Елисавета

болѣе чѣмъ когда-нибудь намѣрена поддерживать тѣсную дружбу съ Франціей. Вскорѣ очутился онъ однако въ неловкомъ положеніи. Лестокъ пришелъ къ нему крайне разстроенный и сообщилъ что австрійскій посланникъ Ботта д'Адорно передалъ государынѣ письмо французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Амело къ состоявшему при Вѣнскомъ дворѣ Кастеллану. Въ письмѣ этомъ, перехваченномъ въ Австріи, говорилось что „совершившійся въ Россіи переворотъ знаменуетъ послѣдній предѣлъ величія Россіи; такъ какъ новая императрица намѣрена не замѣщать высшія должности иностранцами, то Россія, предоставленная самой себѣ, не замедлитъ обратиться въ свое прежнее ничтожество; нужно поэтому дѣйствовать на Порту, убѣдить ее что наступило для нея время избавиться отъ сосѣда виновнаго предъ нею во многихъ несправедливостяхъ; нужно чтобы Порта дѣйствовала заодно со Швеціей“ *. Шетарди жаловался на такую неосторожность; изъ Парижа отвѣчали ему что такъ какъ дѣло уже сдѣлано, то поправить его нельзя. Несмотря на то, разчитывая на неослабѣвавшее вниманіе къ нему императрицы, онъ приготовлялся играть важную роль. Въ новое царствованіе военныя дѣйствія съ нашей стороны были еще гораздо успѣшнѣе чѣмъ прежде. Швеція предложила миръ, а послѣ взятія Гельсингфорса и капитуляціи своей арміи, находившейся подъ начальствомъ Левенгаупта, окончательно убѣдилась въ невозможности продолжать борьбу. Выйти изъ нея она не могла иначе какъ на тяжкихъ для себя условіяхъ, но понятно что и Франція и Пруссія должны были всячески заботиться о томъ чтобъ облегчить ея положеніе. „Государственный переворотъ въ Россіи, писалъ Фридрихъ, перемиріе заключенное между русскими и шведскими войсками, путешествіе въ Петербургъ принца Голштинскаго, все это до такой степени запутало дѣла на сѣверѣ что трудно разобрать что-нибудь въ этомъ хаосѣ: столько сталкивается тамъ противоположныхъ интересовъ, такъ много соперничества и честолюбивыхъ замысловъ министровъ. Думаю однако что можно было бы установить миръ благопріятный для Швеціи. Соображенія мои основываются на отвращеніи всей націи къ войнѣ, на спбаритскихъ наклонностяхъ императрицы, на ея стремленіи вести жизнь спокойную и исполненную удовольствій,

---

* *Tandal*, 171.

на истощеніи государства и наконецъ на томъ что нѣтъ въ министерствѣ способныхъ людей. Мнѣ кажется что съ цѣлію воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ слѣдовало бы тянуть переговоры начатые маркизомъ Шетарди до предстоящей коронаціи въ Москвѣ. Тамъ потеряютъ изъ виду Петербургъ и Европу, и пріятный климатъ вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ серіознымъ занятіямъ сдѣлаютъ Русскій дворъ болѣе податливымъ чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ" *. Надежды возлагались главнымъ образомъ на Шетарди. Въ Парижѣ находили его „слишкомъ русскимъ" (un peu trop Russe) и требовали отъ него энергическаго образа дѣйствій. Напрасно ссылался онъ на то что по отношеніямъ своимъ къ императрицѣ не можетъ явно оказывать предпочтеніе ея врагамъ и утверждалъ что было бы выгоднѣе привлечь Россію къ тѣсному союзу съ Франціей. У Амело были свои мысли на этотъ счетъ. „Мы никогда не усматривали, писалъ французскій министръ, дѣйствительной пользы въ сближеніи съ Россіей, развѣ только въ торговомъ отношеніи; основной нашъ взглядъ постоянно заключался и долженъ заключаться въ томъ чтобы только препятствовать злу которое Русское правительство могло бы причинить намъ вступая въ союзъ съ нашими врагами." ** Шетарди отъ имени своего правительства выступалъ съ предложеніемъ о посредничествѣ Франціи, но посредничество не было допущено. Напрасно старался онъ подѣйствовать лично на императрицу, усиливаясь при пособіи Лестока, который получалъ отъ него деньги, выставить положеніе дѣлъ въ желательномъ для него свѣтѣ. Все чаще и чаще слышалъ онъ въ отвѣтъ: „обратитесь къ моимъ министрамъ". Шетарди понялъ что между этими министрами находился человѣкъ борьба съ которымъ представляла для него непреодолимыя затрудненія.

Мы говоримъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ. При вступленіи на престолъ Елисаветы ему было 50 лѣтъ, и бо́льшую часть своей жизни онъ провелъ за границей. Сначала состоялъ онъ при Ганноверскомъ курфирстѣ, который, сдѣлавшись Англійскимъ королемъ, взялъ его съ собой въ Англію; затѣмъ по нѣсколько лѣтъ сряду занималъ должность посланника въ Копенгагенѣ, Голландіи и въ Гамбургѣ.

---

* *Pol. Corr.* II, 47.

** *Vandal.* 180.

Такимъ образомъ онъ прошелъ хорошую дипломатическую школу, принимая участіе въ разрѣшеніи многихъ вопросовъ занимавшихъ тогда европейскую политику; еще Петръ Великій обратилъ на него вниманіе въ ранней его молодости и отправилъ его учиться за границей; при Петрѣ же не мало времени находился онъ на службѣ и имѣлъ возможность уразумѣть тѣ воззрѣнія которыя руководили великимъ Преобразователемъ въ сношеніяхъ его съ различными государствами. Бестужевъ былъ одинъ изъ немногихъ оставшихся неизмѣнно вѣрнымъ завѣщаннымъ имъ преданіямъ и въ послѣдствіи, завѣдуя иностранною политикой при Елисаветѣ, онъ имѣлъ полное право говорить что преслѣдуетъ цѣли указанныя еще ея отцомъ. Иностранцы находившіеся въ Россіи оставили намъ ненавистные отзывы о знаменитомъ канцлерѣ; они какъ бы соперничали между собой чтобы выставить его въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. „Онъ человѣкъ довольнаго ума, говоритъ Манштейнъ, и по долговременной опытности видно хорошо зналъ дѣла, а сверхъ того и трудолюбивъ; но съ другой стороны, былъ нравомъ высокомѣренъ, скупъ, развратенъ, криводушенъ и столько мстителенъ что никогда не прощалъ тѣмъ которые оскорбляли его высокомѣріе или касались его пользъ. По властолюбивому своему нраву возбудилъ онъ противъ себя много непріятелей, которые ни одного случая не пропускали чтобъ очернить его предъ государыней.“ Пецольдъ отказывалъ, напротивъ, Бестужеву даже въ тѣхъ качествахъ которыя признавалъ въ немъ Манштейнъ; по его словамъ „онъ не обладалъ ни свѣдѣніями, ни трудолюбіемъ въ такой мѣрѣ какъ слѣдовало бы требовать отъ министра, на коего было возложено столь тяжкое бремя“. Посланникъ Фридриха Великаго Мардефельдъ шелъ даже дальше. Онъ изображаетъ Бестужева человѣкомъ ума ограниченнаго и робкаго, мстительнымъ и злорѣчивымъ, алчнымъ и склоннымъ къ притворству, готовымъ продаться кому угодно, но не питавшимъ ни малѣйшей признательности къ тѣмъ кто подкупалъ его, честолюбивымъ сочинителемъ разныхъ проектовъ не отличавшихся ни послѣдовательностію мысли, ни политическою проницательностію, человѣкомъ который нуждался въ крѣпкихъ напиткахъ чтобъ обнаруживать признаки мнимой энергіи. „Съ утра до вечера, говоритъ Мардефельдъ, подкрѣпляетъ онъ себя крѣпкими напитками, а потому не удивительно что постоянно видишь его

лодъ хмѣлькомъ“ *. Но и эти отзывы еще недостаточно жестоки въ сравненіи съ тѣми которые щедрою рукой разсѣяны въ письмахъ Фридриха великаго. Замѣчательно однако что преемникъ Мардефельда Финкенштейнъ, тоже сильно ненавидѣвшій Бестужева, былъ другаго мнѣнія о личныхъ его свойствахъ: онъ отдавалъ справедливость и рѣдкому его трудолюбію, заставлявшему его просиживать цѣлыя ночи за работой, и замѣчательнымъ его способностямъ. Но всѣ нѣмецкіе историки Фридриха II, не останавливаясь на этомъ показаніи, тщательно подбираютъ въ своихъ сужденіяхъ о русскомъ канцлерѣ лишь то что̀ можетъ набросить на него мрачную тѣнь. Они какъ бы унаслѣдовали непримиримую ненависть къ нему дипломатовъ которые вели съ нимъ борьбу на жизнь и смерть,—явное доказательство что Бестужевъ былъ несравненно болѣе крупною личностью чѣмъ хотѣлось бы имъ выставить.

Конечно, въ характерѣ его проявлялись и непривлекательныя стороны, но въ этомъ отношеніи онъ былъ отнюдь не хуже другихъ. Время было такое что человѣку пользовавшемуся властью приходилось интриговать чтобы самому не сдѣлаться жертвой интригъ, не щадить другихъ чтобы не пасть подъ ихъ ударами. Можно было изъ ничтожества вдругъ подняться на самую вершину почестей и значенія и точно такъ же быстро пасть, причемъ враги ставили въ вину низверженному всю предшествовавшую его дѣятельность за то только что она не согласовалась съ ихъ интересами и не задумывались возвести его на эшафотъ. Примѣромъ этого могъ служить и Бестужевъ: дважды былъ онъ признаваемъ достойнымъ смертной казни,—въ первый разъ присужденный къ четвертованію, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того занялъ должность вице-канцлера, а во второй, уже подъ конецъ его жизни, изреченный надъ нимъ приговоръ не помѣшалъ ему быть въ послѣдствіи фельдмаршаломъ. Императрица Елисавета, какъ уже сказано выше, не питала къ нему особаго расположенія, но тотчасъ по вступленіи на престолъ поручила ему вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ завѣдываніе иностранными дѣлами, ибо некѣмъ было замѣнить пользовавшагося большимъ авторитетомъ въ дипломатическомъ

---

* *R. Koser*, Preussen und Russland im Jahrzeit vor dem siebenjährigen Kriege, въ *Preussische Jahrbücher*, 1881, XLVII, 239.

мірѣ Остермана, а Бестужевъ имѣлъ за себя многолѣтнюю опытность и къ тому же онъ оставался послѣднимъ изъ школы Петра Великаго. Но положеніе его въ самомъ началѣ представлялось чрезвычайно труднымъ. „Я убѣжденъ, писалъ Фридрихъ Подевильсу, что императрица душой и сердцемъ предана французской партіи“ *, и онъ имѣлъ основаніе думать такимъ образомъ. Довѣреннымъ лицомъ ея былъ Лестокъ, самая презрѣнная личность, безъ зазрѣнія совѣсти торговавшій собой и получавшій въ то время деньги отъ Франціи. Онъ рабски исполнялъ приказанія Шетарди, а этотъ послѣдній дѣйствовалъ въ тѣсномъ союзѣ съ прусскимъ посланникомъ Мардефельдомъ, превосходно знавшимъ русское общество, ибо съ 1727 года жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ, а къ нимъ присоединился вскорѣ Брюммеръ, прибывшій съ великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ изъ Голштиніи. Не удивительно что подъ вліяніемъ этой клики императрица обнаруживала расположеніе ко Франціи, а слѣдовательно и къ Пруссіи, которая съ Франціей находилась въ союзѣ; сближеніе съ Австріей встрѣчало отпоръ съ ея стороны уже потому что это была политика ненавистнаго ей Остермана. Еслибы, какъ утверждали враги Бестужева, онъ преслѣдовалъ всегда только личный свой интересъ, то ему было бы выгодно присоединиться къ этому теченію, но съ первыхъ же шаговъ его обнаружилось что онъ намѣренъ былъ продолжать политику павшаго министра, хотя въ былое время его съ Остерманомъ раздѣляла глубокая непріязнь. Основные принципы этой политики выразилъ онъ такимъ образомъ: „своихъ союзниковъ не покидать, а оные суть морскія державы, Англія и Голландія, которыхъ Петръ I всегда наблюдать старался: король Польскій, яко курфирстъ Саксонскій, королева Венгерская, по положенію ихъ земель, которые натуральный съ Россійскою имперіей союзъ имѣютъ. Сія система—система Петра Великаго.“ На сцену выступилъ такимъ образомъ человѣкъ съ твердыми, опредѣленными убѣжденіями, которымъ онъ и оставался постоянно вѣренъ. Требовалось много гражданскаго мужества чтобъ упорно отстаивать ихъ несмотря ни на какія обстоятельства, а обстоятельства бывали часто крайне неблагопріятны. Тѣмъ болѣе было чести для министра который не падалъ духомъ и столько же чести для

---

* *Pol. Corr.* II, 291.

императрицы умѣвшей мало-по-малу оцѣнить разумность его совѣтовъ и не отказавшей ему въ поддержкѣ.

Благодаря настояніямъ Бестужева. посредничество Франціи при заключеніи мира со Швеціей не было принято, и Шетарди былъ такъ огорченъ этимъ что уѣхалъ изъ Россіи. Предположенія Фридриха рѣшительно не оправдывались. Еще въ апрѣлѣ 1743 года онъ писалъ: „Я считаю Россію державой слабою внутри, находящеюся подъ управленіемъ женщины чувственной, которая сама подчинилась Сенату, занятому расхищеніемъ государственнаго достоянія; чтобы лучше воровать, Сенатъ предпочтетъ чтобы Россія замкнулась внутри и ни малѣйшимъ образомъ не вмѣшивалась въ европейскія распри, ибо войны были бы и разорительны и безполезны для нея“ *. Оказывалось что Россія вовсе не въ такомъ печальномъ положеніи какъ увѣряли Фридриха его доброжелатели и агенты. Императрица отнюдь не помышляла только объ удовольствіяхъ и не спѣшила переѣхать въ Москву махнувъ рукой на все что было совершено ея отцомъ; находились при ней люди вѣрно понимавшіе національные интересы. Руководясь совѣтами Бестужева, готовилась она подписать славный миръ со Швеціей, по которому вмѣсто уступокъ сама сдѣлала земельныя пріобрѣтенія; кромѣ того, вліяніе ея упрочивалось повидимому въ Швеціи, ибо она настояла на томъ чтобы наслѣдникомъ шведскаго престола былъ избранъ епископъ Любекскій Адольфъ-Фридрихъ, администраторъ герцогства Голштинскаго. Шетарди всячески старался препятствовать такому исходу войны, и потерпѣлъ пораженіе. Чья же рука вела все это дѣло и оказалась настолько сильною чтобы побороть людей наиболѣе близкихъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и которымъ она считала себя даже лично обязанною? Фридрихъ тотчасъ же угадалъ какого опаснаго противника неожиданно встрѣтилъ онъ въ вицѣ-канцлерѣ Бестужевѣ.

Для людей недальновидныхъ положеніе его въ это время могло оказаться очень выгоднымъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Мы уже знаемъ что онъ захватилъ Силезію и рѣшился не выпускать ея изъ своихъ рукъ; для этого вступилъ онъ въ союзъ съ Франціей, которая со своими войсками явилась на помощь курфирсту Баварскому, предъявившему

---

* *Pol. Corr.* II, 358.

кандидатуру на императорскую корону и успѣшему достигнуть того что во Франкфуртѣ-на-Майнѣ избрали его императоромъ подъ именемъ Карла VII. Заодно съ Франціей дѣйствовала Испанія; къ ней же вскорѣ присоединился и Саксонскій курфирстъ; война приняла такимъ образомъ обширные размѣры, происходила одновременно на разныхъ пунктахъ, а единственнымъ союзникомъ на котораго могла разчитывать Марія-Терезія былъ Англійскій король. Несмотря на поразительную энергію обнаруженную ею въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ, Марія-Терезія при разстройствѣ своихъ финансовъ и при печальномъ уладѣ своей арміи не могла разчитывать на успѣшный исходъ борьбы. Фридрихъ поспѣшилъ воспользоваться безвыходнымъ ея положеніемъ: онъ уже держалъ добычу въ своихъ рукахъ и не видѣлъ никакой для себя необходимости продолжать военныя дѣйствія ничто не побуждало его стремиться къ окончательному разгрому Австріи, ибо, по его мнѣнію, это значило бы только усилить на будущее время преобладаніе Франціи. Напротивъ, теперь, когда война разгорѣлась, онъ предпочиталъ оставаться спокойнымъ зрителемъ того какъ Австрія, Франція, Баварія и Саксонія истощали въ ней свои силы, а онъ оставался бы въ сторонѣ, выжидая той минуты когда будетъ ему удобно снова появиться на сценѣ. Онъ добивался отдѣльнаго для себя мира съ Австріей, но такого мира который укрѣпилъ бы за нимъ обладаніе Силезіей, а одна мысль объ этомъ причиняла болѣзненное раздраженіе Маріи-Терезіи. Обстоятельства были однако сильнѣе ея воли. Англійская дипломатія употребила всѣ усилія чтобы склонить ее къ уступкамъ, доказывая что она рискуетъ потерять все если не удовлетворитъ самаго предпріимчиваго изъ своихъ враговъ, и въ іюнѣ 1742 года былъ подписанъ въ Бреславлѣ мирный трактатъ между Австріей и Пруссіей, по которому Фридрихъ получилъ всю Силезію за исключеніемъ Троппау, Эгерсдорфа и Тешена.

И на этотъ разъ, ведя переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ чрезъ посредство англійскаго дипломата лорда Гиндфорда, Фридрихъ набросалъ на бумагѣ какія соображенія руководили имъ. Первая записка, озаглавленная *Exposé des raisons que je puis avoir pour rester dans l'alliance de la France* *, начинается слѣдующими словами: „Дурно нарушать свое слово

* *Pol. Corr.* 98—99.

безо всякой причины: до сихъ поръ мнѣ нечего было жаловаться ни на Францію. ни на другихъ моихъ союзниковъ. Можно пріобрѣсти себѣ репутацію человѣка непостояннаго и легкомысленнаго если не исполняешь плана который составилъ самъ и переходишь изъ одного лагеря въ другой.“ Фридрихъ поясняетъ затѣмъ что изъ союза съ Франціей онъ извлекъ и можетъ еще извлечь въ будущемъ значительныя выгоды. но затѣмъ въ другой запискѣ уже безо всякихъ нравственныхъ сентенцій онъ говоритъ что считаетъ себя въ правѣ измѣнить Людовику XV, главнѣйшимъ образомъ потому что если бы Франція счастливо окончила войну, то „сдѣлалась бы рѣшительницей судебъ міра“ и кромѣ того неблагоразумно трудиться для возвышенія Саксоніи. Переговоры Фридриха съ Маріей-Терезіей ведены были въ глубочайшей тайнѣ отъ правительствъ ополчившихся вмѣстѣ съ нимъ противъ Габсбургскаго дома, и результатъ этихъ переговоровъ поразилъ ихъ какъ громомъ. Они ничего не предвидѣли и не успѣли принять никакихъ мѣръ. Французскій посланникъ при Берлинскомъ дворѣ Валори съ ужасомъ узналъ отъ самого короля о состоявшемся рѣшеніи. „Никакому полишинелю. писалъ Фридрихъ Подевильсу. не удалось бы передразнить кривлянья Валори: онъ стоялъ съ открытымъ ртомъ. двигалъ бровями, вообще волновался забавнымъ образомъ и все-таки не сказалъ мнѣ ничего путнаго.“ Послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Валори не скрылъ своего взгляда на поступокъ короля и у него вырвалось даже слово „обманъ“. „Но это значитъ не обманывать. а только выпутаться изъ дѣла“ (mais ce n'est pas tromper cela, c'est se tirer d'affaire). возразилъ Фридрихъ. Болѣе всѣхъ упалъ духомъ кардиналъ Флёри, который не хотѣлъ войны, былъ вынужденъ согласиться на нее лишь по настояніямъ придворной партіи. во главѣ коей стоялъ маршалъ Бель-Иль, и разчитывалъ на успѣхъ преимущественно при содѣйствіи Пруссіи. Именно этого содѣйствія онъ лишился теперь. „Я питалъ, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ къ Фридриху. столь безграничное довѣріе къ неоднократно повторявшимся обѣщаніямъ вашего величества не предпринимать ничего иначе какъ по соглашенію съ нами, и мы со своей стороны такъ вѣрно соблюдали заключенный трактатъ что не могу выразить изумленія съ которымъ узналъ я о неожиданной перемѣнѣ въ вашемъ образѣ дѣйствій. Изъ уваженія къ вамъ я воздержусь отъ разсмотрѣнія побужденій руководившихъ вашимъ величествомъ, хотя могъ бы многое сказать по этому

поводу, но это было бы безполезно. и какъ скоро ваше величество заключили миръ, намъ остается только подчиниться этому, остерегаясь даже чтобы жалобы наши проникли въ публику. Могу увѣрить васъ въ нашей сдержанности и молчаніи, но не думаю чтобы таково же было настроеніе націи. Вашему величеству извѣстно съ какою свободой судитъ она о дѣлахъ, а если принять противъ этого мѣры, то, быть-можетъ, это еще болѣе раздражило бы ее...“ Въ отвѣтѣ своемъ Фридрихъ всего менѣе думалъ оправдываться. „Все что̀ можетъ сказать противъ меня, говорилъ онъ, невѣжественная, малообразованная и легкомысленная публика, нисколько меня не озабочиваетъ. Только потомству принадлежитъ судъ надъ монархами. Можно ли призывать меня къ отвѣту за то что маршалъ Броль не Тюреннъ? Я не въ состояніи изъ филина сдѣлать орла. Справедливо ли укорять меня за то что я не намѣренъ еще двадцать разъ драться за Французовъ? Это было бы работой Пенелопы, ибо маршалъ Броль поставилъ себѣ правиломъ разрушать то что̀ созидали другіе. Слѣдуетъ ли сердиться на меня за то что для собственной безопасности заключилъ я миръ и постарался освободиться изъ союза, который, по собственному вашему сознанію, вы заключили лишь съ сожалѣніемъ?“ *

Но вскорѣ послѣ Бреславльскаго договора Фридрихъ убѣдился что положеніе его далеко не такъ прочно какъ могло ему казаться въ началѣ. Нельзя было германскому государю оставаться спокойнымъ въ то время какъ война продолжала свирѣпствовать въ Германіи; послѣ удаленія Пруссаковъ, дѣла Австрійцевъ пошли лучше, а Марія-Терезія лишь съ отчаяніемъ согласилась на уступку Силезіи и конечно поспѣшила бы воспользоваться сколько-нибудь благопріятными обстоятельствами чтобы нанести ударъ своему заклятому врагу. Франція имѣла право считать себя обманутою самымъ недостойнымъ образомъ. Курфюрстъ Саксонскій былъ обиженъ тѣмъ что Фридрихъ, съ цѣлью втянуть его въ союзъ, обѣщалъ ему Моравію, а между тѣмъ о Моравіи нечего было и думать. Наконецъ у Россіи, по заключеніи Абовскаго мира, были развязаны руки, и какъ было ручаться что она останется равнодушною къ тому что̀ происходило въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нею? Мало-по-малу торжествующій тонъ

* *Pol. Corr.* II, 270—271.

Фридриха измѣнился. Онъ старался изгладить тяжелое впечатлѣніе произведенное во Франціи его образомъ дѣйствій и доказывалъ что обстоятельства противъ его воли заставили измѣнить свою политику. „Я смотрю, писалъ онъ маршалу Бель-Илю, на все это дѣло (то-есть на борьбу союзниковъ съ Австріей) какъ на плаваніе предпринятое нѣсколькими съ одною цѣлью: буря разбила ихъ корабль, и каждый изъ путешественниковъ долженъ помышлять о безопасности, спасаться вплавь и добраться до какого бы то ни было берега. Съ этого берега я простираю руки къ моимъ союзникамъ и забочусь о своемъ спасеніи только для того чтобы спасти ихъ насколько это въ моихъ силахъ". Но ближе всего простиралъ Фридрихъ руки къ державѣ которая не находилась съ нимъ въ союзѣ, простиралъ ихъ къ Россіи, необходимой для него потому что съ теченіемъ времени новые планы созрѣвали въ его головѣ.

Нельзя ли было побудить С.-Петербургскій кабинетъ чтобъ онъ гарантировалъ ему обладаніе Силезіей—вотъ чего домогался Фридрихъ. Еслибъ удалось ему достигнуть этой цѣли, то затѣмъ можно было бы мало-по-малу привлечь Россію къ совмѣстному образу дѣйствій съ Пруссіей. Фридрихъ началъ хлопотать объ этомъ вскорѣ послѣ заключенія Бреславльскаго договора, но встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны Бестужева, который въ это критическое время, когда безчисленныя нити разныхъ интригъ переплетались при нашемъ дворѣ, когда императрица не могла вполнѣ освободиться отъ чужеземныхъ и въ высшей степени вредныхъ вліяній, всячески старался чтобы Россія не вовлечена была въ опасные для нея союзы. Ему приходилось выдерживать при этомъ тяжкую борьбу. Шетарди уѣхалъ, но остались другіе, между которыми Лестокъ и Мардефельдъ стояли на первомъ планѣ. „Я ни на одну минуту, писалъ замѣнившій маркиза Шетарди Дальйонъ, не упускаю изъ виду погубленія братьевъ Бестужевыхъ; господа Брюммеръ, Лестокъ и генералъ-прокуроръ Трубецкой не меньше моего этимъ занимаются. Первый изъ нихъ сказалъ мнѣ вчера что готовъ прозакладывать голову въ успѣхѣ этого дѣла; князь Трубецкой надѣется найти что-нибудь на чемъ можно поймать Бестужевыхъ; онъ клянется что если это ему удастся, то ужь доведетъ дѣло до того что оба брата понесутъ на эшафотъ свои головы". Стараніями этой гнусной партіи было создано и раздуто до невѣроятныхъ размѣровъ лѣтомъ 1743 года такъ-называемое

Лопухинское дѣло или дѣло Ботты д'Адорно. Очень понятно что переворотъ возведшій на престолъ Елисавету Петровну породилъ и недовольныхъ; есѣ кому жилось хорошо при прежнемъ правительствѣ сожалѣли о немъ и утѣшали себя пустыми надеждами что новый порядокъ вещей долго не продержится; недоволенъ былъ и австрійскій посланникъ Ботта, видя что императрица далеко не обнаруживаетъ такого сочувствія къ Австріи какое привыкъ онъ встрѣчать въ Аннѣ Леопольдовнѣ. Все ограничивалось впрочемъ болтовней, никакого плана, никакой организаціи не было, но Лестокъ и его друзья умѣли выставить Елисаветѣ Петровнѣ всю эту исторію въ такомъ свѣтѣ что она серіозно считала себя въ опасности. Извѣстно какія страшныя казни повлекло за собой упомянутое дѣло; цѣль не была однако достигнута; не удалось открыть ровно ничего что могло бы компрометтировать вице-канцлера или его брата, хотя жена его послѣдняго и оказалась въ числѣ осужденныхъ. Важнѣе всего было то что отношенія наши къ Вѣнскому двору испортились, ибо императрица потребовала удовлетворенія „за богомерзкіе неоднократные въ конфидентныхъ обхожденіяхъ имѣвшіеся разговоры Ботты, за продерзостныя его слова, ругательныя выраженія и злостныя намѣренія", а правительство Маріи-Терезіи отвѣчало что во всякомъ случаѣ надо выслушатьБотту и имѣть основательныя доказательства его вины, а основательнымъ нельзя считать того что Лопухины и другія лица показывали подъ пыткой о своихъ съ нимъ разговорахъ.

Никто такъ не радовался разказанному нами событію какъ Фридрихъ. Конечно онъ очень хорошо зналъ кѣмъ и какъ оно было подготовлено и въ своихъ мемуарахъ ядовито замѣчаетъ что кнутъ ухитрился открыть существованіе заговора, но съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ спѣшилъ онъ извлечь изъ этого пользу. „Случай, писалъ онъ Мардефельду, кажется мнѣ слишкомъ хорошимъ (l'occasion me paraît trop belle), и вы должны употребить всѣ старанія чтобы подорвать во мнѣніи императрицы кредитъ партій австрійской, англійской и саксонской. Нужно ковать желѣзо пока оно горячо, внушить императрицѣ что между всѣми европейскими государями только на мою искреннюю дружбу она можетъ вполнѣ разчитывать: самъ по себѣ Ботта никогда не отважился бы на подобное дѣло если бы не имѣлъ секретныхъ инструкцій

сть своего двора. а потому императрица можетъ видѣть чего слѣдуетъ ей ожидать отъ Венгерской королевы". Въ другомъ письмѣ его къ тому же лицу мы читаемъ: „Было бы непростительною оплошностью упустить теперешній удобный случай закрѣпить мои отношенія къ Россіи такою связью чтобъ я одинъ, за исключеніемъ другихъ, пользовался расположеніемъ, чтобъ я одинъ могъ устанавливать тамъ ненастье и ведро, смотря по тому какъ мнѣ выгоднѣе (que moi seul, à l'exclusion des autres, soit le plus favorisé, que j'y puisse faire seul la pluie et le beau temps, selon ma convenance). Еслибъ я счелъ необходимымъ остановить въ Германіи честолюбивые замыслы Вѣнскаго и Лондонскаго дворовъ, быть-можетъ императрица согласится дать въ мое распоряженіе нѣсколько своихъ войскъ, хотя бы не болѣе 4 или 5.000 человѣкъ, чтобъ и она могла участвовать въ славѣ обезпечить миръ Германіи и спасти эту страну отъ угрожающаго ей порабощенія. Не щадите же ничего для достиженія моихъ цѣлей. Я отдалъ секретное приказаніе банкирской конторѣ Шлиттербера въ Петербургѣ открыть вамъ кредитъ до 20.000 экю, которыми вы можете распоряжаться для подкуповъ; если эта сумма окажалась бы недостаточною, то получите еще столько же. C'est l'heure de berger: надо чтобъ я имѣлъ Россію теперь или не удастся мнѣ ее имѣть никогда". * Чтобы стать твердою ногой въ Петербургѣ было, по мнѣнію Фридриха, только одно вѣрное средство, а именно во что бы то ни стало погубить Бестужева. „Его величество, писалъ секретарь короля Эйхель, приказалъ внушить г. Мардефельду что не долженъ онъ щадить ни золота, ни интригъ и никакихъ усилій чтобы низвергнуть вице-канцлера; если будетъ противиться этому Воронцовъ, то не надо церемониться и съ нимъ, а вообще employer le vert et le sec для достиженія цѣли". Какъ извѣстно Фридрихъ потребовалъ отозванія Ботты, который не задолго предъ тѣмъ какъ разыгралась исторія связанная съ его именемъ былъ переведенъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Онъ старался показать что оскорбленъ Вѣнскимъ дворомъ отнюдь не менѣе чѣмъ сама императрица Елисавета. Нѣжная его заботливость объ ея безопасности не знала никакихъ границъ. Ему хотѣлось поддерживать императрицу въ томъ настроеніи что враги ея не дремлютъ, что

* *Pol. Corr.* II. 406—412.

они изощряютъ свой умъ въ изысканіи средствъ низвергнуть ее съ престола и что она можетъ полагаться только на людей въ родѣ Лестока. „Вы должны, писалъ онъ Мардефельду, испросить аудіенцію у императрицы или довести до ея свѣдѣнія чрезъ вполнѣ преданныхъ вамъ лицъ что я во имя Бога серіозно умоляю ее подумать о собственной ея безопасности; съ разныхъ сторонъ получаю я свѣдѣнія о направленныхъ противъ нея замыслахъ; Австрійцы, Англичане, Саксонцы, Датчане одинаково считаютъ своимъ интересомъ низвергнуть ее съ престола; Датчане и Англичане даже не дѣлаютъ изъ этого тайны и открыто говорятъ что со дня на день ждутъ революціи въ Россіи". * Фридрихъ совѣтовалъ императрицѣ принять строгія мѣры противъ Брауншвейгской фамиліи и заточить ее въ Сибири въ такое мѣсто которое и по названію было бы мало извѣстно. Не полагаясь вѣроятно что Мардефельдъ съ надлежащею ловкостью исполнитъ данныя ему наставленія, онъ рѣшился писать ей самъ, но посланникъ не счелъ возможнымъ вручить его письмо. „Мои друзья, доносилъ онъ, совѣтуютъ мнѣ не дѣлать этого, ибо императрица начинаетъ сердиться когда ей говорятъ объ окружающихъ ее опасностяхъ; она убѣждена что твердо упрочилась на престолѣ." Очевидно страхъ возбужденный такъ-называемымъ заговоромъ Ботты мало-по-малу исчезалъ.

Вообще же императрица была очень довольна Фридрихомъ. По увѣренію Мардефельда, однажды, когда предостерегали ее что Россія можетъ поссориться съ Австріей и Англіей, она отвѣчала: „что мнѣ за дѣло до этого коль скоро я въ хорошихъ отношеніяхъ съ Прусскимъ королемъ". Несмотря на то никакъ не удавалось удалить ея совѣтника, который со дня на день могъ измѣнить ея образъ мыслей, и это приводило въ отчаяніе Фридриха. „Не понимаю, говорилъ онъ, чѣмъ объясняется такое пристрастіе императрицы къ вице-канцлеру; тутъ должна быть какая-нибудь скрытая причина, которую желательно было бы разгадать". Мардефельдъ представлялъ разгадку такого рода: „Всѣмъ здѣсь извѣстно что императрица не любитъ вице-канцлера и даже не питаетъ къ нему довѣрія; тѣмъ не менѣе она не рѣшается отказаться отъ его услугъ, вопервыхъ, потому что считаетъ его очень свѣдущимъ въ политическихъ дѣлахъ, а вовторыхъ, по той

---

* *Pol. Corr.* III, 8—9.

причинѣ что не знаетъ кѣмъ замѣнить его. Только генералъ-прокуроръ князь Трубецкой былъ бы пригоденъ для этого, но еще неизвѣстно выиграли ли бы мы отъ подобной перемѣны. Трубецкой, обладая всѣми пороками Бестужева, гораздо умнѣе, предпріимчивѣе его, имѣетъ болѣе связей и сдѣлался бы современемъ еще опаснѣе для насъ чѣмъ теперешній вице-канцлеръ.“ Фридрихъ соглашался что нечего желать возвышенія князя Трубецкаго, но указывалъ на Румянцева и вообще готовъ былъ помириться съ какою угодно кандидатурой, лишь бы удалось сломить шею Бестужеву: „не жалѣйте денегъ, повторялъ онъ Мардефельду; ничего не значитъ если даже та или другая часть будетъ просто выброшена за окно. Такъ какъ честность ваша мнѣ достаточно извѣстна, то вы не можете опасаться чтобъ я вздумалъ дѣлать придирки относительно того какъ будетъ употреблена ввѣренная вамъ сумма; если хотите, то для успокоенія вашего я готовъ даже впередъ выслать вамъ квитанцію что всѣ счеты между нами покончены.“

Какъ нарочно именно въ это время враждебная Бестужеву партія при дворѣ еще болѣе усилилась. Шетарди вернулся въ Россію. Французское правительство, послѣ того какъ Фридрихъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, старалось укрѣпить свое вліяніе въ Петербургѣ и отправило туда прежняго своего уполномоченнаго, который имѣлъ тамъ столько прочныхъ связей; императрица Елисавета была рада этому назначенію и даже чуть ли не первая подала о немъ мысль. Съ одной стороны, появленіе при Русскомъ дворѣ Шетарди тревожило Фридриха, ибо онъ не имѣлъ права разчитывать чтобы Франція, оскорбленная Бреславльскимъ договоромъ, сообразовалась въ своей политикѣ съ его интересами, и дѣйствительно мы видимъ что онъ зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ маркиза. Онъ подозрѣвалъ что тотъ будетъ хлопотать объ установленіи недоброжелательнаго для Пруссіи союза между Россіей, Франціей и Швеціей, но вскорѣ опасенія его на этотъ счетъ разсѣялись. * Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

---

* Герцогъ Броль въ своемъ сочиненіи „La première lutte de Frédéric II et Marie Thérèse“ (*Revue des deux mondes*, 15 mars 1882) говоритъ: „J'ai eu la patience de parcourir la correspondance de M. de la Chétardie et y ai cherché vainement quoique se soit qui ressemble à cette étrange imputation“.

зналъ что преданные ему люди въ Петербургѣ найдутъ въ Шетарди надежнаго сообщника для низверженія вице-канцлера, ибо это было одинаково въ интересахъ какъ Берлинскаго, такъ и Версальскаго дворовъ. Вотъ почему Мардефельду дано было приказаніе дѣйствовать въ самомъ тѣсномъ согласіи съ французскимъ уполномоченнымъ.

Въ книгѣ Вандала, на которую мы уже ссылались неоднократно, находятся любопытныя подробности о вторичномъ пребываніи Шетарди въ Россіи. До сихъ поръ полагали что онъ не привезъ грамотъ отъ Людовика XV съ императорскимъ титуломъ для Елисаветы, и именно вслѣдствіе этого долженъ былъ оставаться *безхарактернымъ*, то-есть не имѣлъ официальнаго значенія посланника. Оказывается однако что грамоты были ему вручены, хотя двоякаго рода.—въ одной титулъ былъ опущенъ, а въ другой онъ красовался: „A sa majesté *imperiale*, notre chère soeur et très parfaite amie Elisabeth, *imperatrice* et *autocratice* de toutes les Russies". Амело предписалъ маркизу воспользоваться послѣднею изъ этихъ грамотъ въ самую рѣшительную минуту, когда интрига будетъ ведена настолько успѣшно что останется лишь окончательно произвести благопріятное впечатлѣніе на императрицу. „Врожденная необузданность характера, говоритъ Вандаль, ненависть къ братьямъ Бестужевымъ и безпредѣльная самоувѣренность какъ бы омрачили разумъ Шетарди. Онъ покинулъ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать исключительно на императрицу и чуждаться сношеній съ ея министрами, но посланникъ не можетъ поступать такимъ образомъ не нарушивъ самыхъ элементарныхъ обязанностей своего официальнаго положенія. Именно вслѣдствіе того Шетарди и предпочелъ явиться въ Россію не въ званіи посла, а просто какъ французскій дворянинъ лично извѣстный государынѣ. Онъ держалъ бы въ карманѣ королевскія грамоты, а между тѣмъ императрица видалась бы съ нимъ, приглашала бы его къ себѣ; въ интимныхъ бесѣдахъ онъ разчитывалъ возстановить свое вліяніе надъ нею, обнаружить ей коварство Бестужева, подготовить его погибель, а затѣмъ, когда развязка будетъ уже не далеко, личный другъ императрицы превратится въ официальнаго представителя своего двора: онъ открыто усвоитъ дипломатическій характеръ и вручитъ свои грамоты. Такимъ образомъ

овладѣетъ онъ позиціей съ боя, вступитъ въ нее съ поднятымъ челомъ и торжествующимъ взоромъ.“ *

Вслѣдъ за Шетарди появлялось на сценѣ новое лицо. Императрица Елисавета задумала женить своего племянника, и выборъ ея остановился на принцессѣ Ангальтъ-Цербтской. Отецъ ея былъ фельдмаршалъ прусской службы и губернаторъ Штеттина, слѣдовательно находился въ близкихъ отношеніяхъ ко Фридриху, который прямо утверждаетъ въ своихъ мемуарахъ что сватовство было устроено имъ. По мнѣнію Соловьева, ** король преувеличивалъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, ибо „всѣ пружины приводились въ дѣйствіе Брюммеромъ и Лестокомъ, а Мардефельду тутъ нечего было дѣлать“. На это можно возразить что и Лестокъ, и Брюммеръ давно уже привыкли исполнять то что̀ имъ предписывалось изъ Берлина или что̀ подсказывалъ имъ прусскій посланникъ въ Петербургѣ. Достаточно просмотрѣть политическую корреспонденцію Фридриха чтобъ убѣдиться съ какою рабскою вѣрностью почти буквально они воспроизводили не только мысли, но чуть ли не самыя выраженія короля. Бестужевъ предлагалъ въ невѣсты принцессу Маріанну, дочь курфирста Саксонскаго Августа, но это укрѣпило бы связь между Россіей и Саксоніей,—обстоятельство чрезвычайно опасное для Пруссіи. Шетарди отъ 10 декабря 1743 года доносилъ министру Амело: „Брюммеръ и Лестокъ, провѣдавъ о происках вице-канцлера, представили царицѣ что принцесса изъ сильнаго дома едва ли будетъ склонна къ послушанію, а надо избрать такую для которой подобный бракъ былъ бы подлиннымъ счастіемъ“. Но Фридрихъ еще за три мѣсяца предъ тѣмъ писалъ Мардефельду: „необходимо научить Лестока что, по моему мнѣнію, интересы императрицы настоятельно требуютъ что если она хочетъ держать въ своихъ рукахъ великаго князя наслѣдника, то пусть не женитъ его на принцессѣ изъ большаго и сильнаго дома, а выберетъ ему невѣстой дочь какого-либо изъ незнатныхъ германскихъ князей, которая вслѣдствіе того будетъ признательна единственно самой императрицѣ за свое счастіе и никогда не причинитъ ей неудовольствія, не будетъ составлять противъ нея партіи“ ***. Дѣло подъ руководствомъ Фридриха ведено было

---

* *Vandal*, 186—187.

** *Исторія Россіи*, XXI, 314.

*** *Pol. Corr.* II, 417.

очень ловко. Бестужевъ ничего не зналъ, и для самого Петра Ѳеодоровича пріѣздъ Цербтскихъ принцессъ былъ неожиданностью. Предварительно цѣлые два мѣсяца велъ Фридрихъ переписку съ матерью будущей великой княгини, стараясь всячески приготовить ее къ предназначавшейся для нея роли: „je lui apprends la danse haute“, писалъ онъ Мардефельду,—задача не легкая, ибо принцессѣ Іоаннѣ-Елисаветѣ, женщинѣ по природѣ безтактной и взбалмошной, привыкшей къ скромной сферѣ, предстояло теперь вдругъ перенестись на широкое поприще, окунуться въ омутъ интригъ и служить дѣятельнымъ ихъ орудіемъ. Еще не успѣла она собраться какъ Фридрихъ уже посвятилъ ее въ свои тайны: „Искреннее участіе принимаемое мною въ судьбѣ вашего семейства, писалъ ей король, побуждаетъ меня сообщить вамъ что по всѣмъ получаемымъ мною извѣстіямъ условленное между нами дѣло идетъ очень хорошо и не нужно только пропускать благопріятной минуты“.

Императрица Елисавета находилась въ Москвѣ когда прибыла въ Петербургъ принцесса Цербтская со своею дочерью. Здѣсь уже нетерпѣливо ждали ее коноводы извѣстной партіи. „Мардефельдъ и я, писалъ Шетарди министру Амело, зная обѣихъ принцессъ, поджидаемъ ихъ въ Петербургѣ, съ тою цѣлью чтобы въ отсутствіи царицы никого къ нимъ не допускать.... Необходимо принцессѣ-матери не много заразъ говорить, ибо все что она слышитъ скоро позабываетъ.“ Весной 1747 года тонъ Фридриха становился все самоувѣреннѣе. „Я даже не предвижу возможности, говорилъ онъ, чтобъ ударъ не попалъ въ цѣль“, а ударъ былъ направленъ противъ Бестужева. Какія же причины заставляли короля такъ страстно желать низверженія нашего вице-канцлера? Почему именно въ описываемое время домогался онъ подчинить себѣ во что бы то ни стало русскую политику?

IV.

Загадка объясняется тѣмъ что Фридрихъ задумалъ снова взяться за оружіе. Онъ приготовлялся къ такъ-называемой второй Силезской войнѣ, до такой степени для него неудачной что поклонники его славной памяти и до сихъ поръ недоумѣваютъ зачѣмъ онъ ее предпринялъ. Въ оставленныхъ

имъ мемуарахъ излагаетъ онъ побужденія свои далеко неудовлетворительно, ссылаясь главнымъ образомъ на созрѣвшую въ немъ увѣренность что нейтралитетъ былъ для него невозможенъ, что рано или поздно пришлось бы ему обнажить оружіе для защиты завоеванной области. „По правдѣ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ его историковъ *, едва ли не было бы лучше и въ политическомъ, и въ военномъ, и даже въ нравственномъ отношеніи еслибъ онъ выждалъ предполагаемаго имъ нападенія на свои предѣлы, вмѣсто того чтобы предупреждать его такимъ нападеніемъ на другихъ, которое недостаточно оправдывалось во мнѣніи публики.“ Въ послѣдствіи, въ манифестѣ своемъ объ объявленіи войны, король прямо заявилъ что нѣтъ у него распрей съ Венгерскою королевой, которыя требовали бы разрѣшенія оружіемъ, но если такъ, то что же заставило его ополчиться въ походъ? Забота о свободѣ Священной Римской имперіи, отвѣчалъ онъ, сознаніе своихъ обязанностей ко вновь избранному императору Карлу VII (курфирсту Баварскому). Прошло уже три года какъ состоялось это избраніе, а между тѣмъ Карлъ все еще вынужденъ былъ въ ожесточенной борьбѣ отстаивать свои права: подобный образъ дѣйствій его враговъ не угрожалъ ли стариннымъ вольностямъ Германіи и не было ли бы слѣдствіемъ ихъ побѣды порабощеніе страны? Фридрихъ очень старательно развивалъ эту тему; она встрѣчается почти во всѣхъ официальныхъ его заявленіяхъ, но было бы большою наивностью вѣрить тому чему не вѣрилъ онъ самъ. Въ письмахъ своихъ онъ постоянно подсмѣивался надъ своимъ имперскимъ патріотизмомъ; въ мемуарахъ своихъ онъ говоритъ: „я разыгрывалъ роль хорошаго патріота чтобы привлечь къ себѣ нѣмецкихъ князей“. Въ какой мѣрѣ была дорога ему имперія видно, между прочимъ, изъ того что еще въ мартѣ 1743 года пытался онъ завязать переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ, а именно предлагалъ содѣйствовать избранію императоромъ супруга Маріи-Терезіи, эрцгерцога Франца, если за эту услугу будетъ ему обѣщано дальнѣйшее расширеніе его владѣній. Отъ самой Австріи не требовалъ онъ никакихъ уступокъ, но—писалъ въ инструкціи своему посланнику въ Вѣнѣ—„Священная Римская имперія достаточно обширна, и по сосѣдству съ Пруссіей можно найти то что̀ будетъ вполнѣ

* Oncken, *Das Zeitalter Friedrichs des grossen*, I, 393—394.

пригодно для меня“ *. Еслибы въ Вѣнѣ отозвались сколь-нибудь сочувственно на это предложеніе, то Фридрихъ готовъ былъ идти дальше,—онъ лелѣялъ мысль о томъ чтобы вообще подѣлить господство надъ Германіей между Габсбургами и Гогенцоллернами.

Марія-Терезія не хотѣла однако и слышать о замыслахъ своего противника. Тогда остановился онъ на томъ чтобы соединить подъ своимъ водительствомъ германскихъ князей и самому принять титулъ несмѣняемаго начальника всѣхъ имперскихъ войскъ **. Онъ сдѣлался бы наслѣдственнымъ майордомомъ, императору принадлежали бы внѣшнія почести, а ему дѣйствительная власть. Вообще возвышеніе Пруссіи въ Германіи путемъ расширенія ея предѣловъ и предоставленія виднаго мѣста ея королю, вотъ что̀ поглощало его умъ въ то самое время когда въ офиціальныхъ своихъ манифестахъ онъ провозглашалъ что „ничего не желаетъ для себя и выступаетъ лишь въ качествѣ простаго союзника въ борьбѣ, единственною цѣлью коей должно быть обезпеченіе старинныхъ вольностей Германіи“. Заявленія такого рода не помѣшали ему однако заключить съ Карломъ VII трактатъ, по которому тотъ заблаговременно обязывался, если будетъ завоевана Богемія, уступить ему значительную часть сѣверныхъ ея округовъ. Несчастный императоръ записалъ по этому поводу въ своемъ дневникѣ: „Съ сильнымъ сокрушеніемъ сердца согласился я на такую уступку, но жестокосердіе Вѣнскаго двора не оставило мнѣ другаго выхода. Этотъ дворъ стремится къ уничтоженію моей династіи, и чтобы спасти ее вынужденъ былъ я соединиться тѣснѣйшими узами съ Прусскимъ королемъ, самымъ могущественнымъ и непримиримъ врагомъ Лотарингскаго дома.“ Планъ Фридриха, разчитанный на содѣйствіе если не всѣхъ, то большей части германскихъ князей, страдалъ однако существеннымъ недостаткомъ. Князья эти не могли оказать пользы еслибы не получали денежнаго пособія; ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи на собственныя средства содержать войско. Надлежало поэтому заручиться согласіемъ какой-либо державы

---

* *Pol. Corr.*, II, 352.

** Lieutenant-général à perpétuité des troupes de l'empire. Фридрихъ подробно изложилъ этотъ планъ въ инструкціи Клингграфену, своему посланнику при Баварскомъ дворѣ. См. *Pol. Corr.* II, 483—485.

выдавать имъ субсидіи, а такою державой при тогдашнихъ обстоятельствахъ была только Франція. Фридрихъ поневолѣ долженъ былъ искать союза съ нею, хотя бы онъ менѣе всего желалъ этого, ибо Франція служила бы ему лишь помѣхой въ германскихъ дѣлахъ; онъ хотѣлъ одинъ распоряжаться въ Германіи, боялся ея соперничества, но крайняя необходимость заставила его искать сближенія съ Людовикомъ XV. Рѣшаясь на это онъ принималъ однако мѣры чтобы какъ можно болѣе ослабить свою зависимость отъ Версальскаго двора, имѣть возможность въ случаѣ нужды опереться противъ него на другія государства, привлекши ихъ вполнѣ къ своей системѣ, а кто же могъ служить лучше для этой цѣли какъ не Швеція и Россія? Не задолго предъ тѣмъ только-что удалось ему уладить дѣло о бракосочетаніи своей сестры Ульрики со Шведскимъ наслѣднымъ принцемъ; тутъ открывалось новое и широкое поприще для его вліянія, но вліяніе это было еще въ зародышѣ. Швеція не послѣдовала бы за нимъ будучи сдерживаема Россіей; напротивъ она не отказалась бы служить ему еслибы Россія дѣйствовала съ нимъ заодно, вотъ первая выгода которую пріобрѣлъ бы онъ отъ своего союза съ Петербургскимъ дворомъ; чрезъ тотъ же дворъ можно было обуздывать Саксонскаго курфирста, который, какъ предвидѣлъ Фридрихъ, не замедлилъ бы присоединиться къ его врагамъ; наконецъ Россія сама по себѣ, склонившись на его сторону, усиливала въ такой мѣрѣ его значеніе что онъ могъ усвоить себѣ вполнѣ самостоятельный образъ дѣйствій относительно Франціи. Союзъ съ Россіей и Швеціей становился такимъ образомъ предметомъ неотложной и настоятельной необходимости для Фридриха; на этомъ сосредоточивались всѣ его помыслы и долго не рѣшался онъ подписать договоръ свой съ Версальскимъ дворомъ, выжидая чтобы выяснились опредѣленно отношенія его къ императрицѣ Елисаветѣ.

Надежды его съ этой стороны были, какъ казалось ему, далеко не безосновательны. Правда до сихъ поръ онъ не успѣвалъ подчинить себѣ русскую политику. Мы уже видѣли что онъ всячески хлопоталъ о томъ чтобы Россія гарантировала ему обладаніе Силезіей, предлагая ей въ свою очередь такую же гарантію относительно пріобрѣтеній сдѣланныхъ ею по Абовскому миру въ Финляндіи, но всѣ эти старанія не привели ни къ чему. Такая гарантія, сказано было въ

резолюціи императрицы на докладъ вице-канцлера Бестужева, „не взаимственна съ обѣихъ сторонъ быть имѣетъ, яко пріобрѣтенная къ Россійской сторонѣ чрезъ послѣдній трактатъ со Швеціей малая часть Финляндіи весьма не сравнительна Силезіи, которую король Прусскій получилъ; къ тому же помянутая новая въ Финляндіи конкетта уже въ постановленную прежнимъ союзнымъ трактатомъ генеральную конвенцію довольно и точно включена, и для того въ сей новой гарантіи кажется никакой нужды нѣтъ“ *. Императрица Елисавета лишь въ ноябрѣ 1743 года согласилась присоединиться къ Бреславльскому трактату, но не иначе какъ подъ условіемъ чтобы, кромѣ Пруссіи, пожелали этого и Австрія и Англія. Подобный трактатъ не обязывалъ Россію ни къ чему точно также какъ нисколько не была стѣснена ея свобода дѣйствій оборонительнымъ трактатомъ еще прежде того (въ мартѣ 1743), заключеннымъ съ Пруссіей, о которомъ самъ Фридрихъ выражался что это „un assemblage de mots sans âme, qui ne promettent et ne roulent sur rien“. Но съ того времени обстоятельства измѣнились. Дѣло Ботты оставило по себѣ глубокій слѣдъ: хотя въ концѣ 1744 года можно было считать его улаженнымъ, ибо Вѣнскій дворъ согласился наконецъ дать удовлетвореніе котораго требовали въ Петербургѣ, но императрица Елисавета даже и послѣ этого не могла совершенно подавить въ себѣ недоброжелательное чувство къ Австріи, а это чувство всячески старалась поддерживать въ ней извѣстная партія, ряды коей, какъ упомянуто выше, значительно пополнились въ описываемое время. Отъ происковъ этой партіи зависѣло очень многое для Фридриха. „Судя по тому, писалъ онъ Мардефельду, какъ вы условились съ принцессой Цербстской, мнѣ кажется почти совершенно невозможнымъ чтобъ и на этотъ разъ замыселъ не удался. Уполномочиваю васъ объявить принцессѣ что если будетъ она ловко дѣйствовать на императрицу съ цѣлію погубить Бестужева и устроить мои дѣла въ Россіи такъ какъ мнѣ желательно, то я постараюсь доставить сестрѣ ея мѣсто коадъютрисы аббатства, которое занимала до сихъ поръ сестра моя Ульрика. Не теряйте времени: участь моя зависитъ отъ вашего искусства и отъ успѣха задуманнаго нами плана“ **. „Если мнѣ придется имѣть дѣло только съ

---

* Мартенсъ, *Собр. трактатовъ*, V, 354.

** *Pol. Corr.* III, 79—81.

королевой Венгерскою, читаемъ мы въ другомъ его письмѣ къ тому же лицу, то перевѣсъ всегда будетъ на моей сторонѣ. Главное условіе—условіе *sine qua non*—въ нашемъ дѣлѣ, то—погубить Бестужева, ибо иначе ничего не будетъ достигнуто. Намъ нужно имѣть такого министра при Русскомъ дворѣ который заставлялъ бы императрицу дѣлать то что̀ мы хотимъ (qui fasse faire à l'imperatrice ce que nous voulons)". Мардефельдъ доносилъ что по его наущенію Лестокъ уже намекалъ Елисаветѣ Петровнѣ о воинственныхъ намѣреніяхъ Фридриха и будто бы намеки эти приняты были очень доброжелательно. „Дай Богъ, сказала императрица, чтобы Прусскій король всегда былъ расположенъ ко мнѣ какъ теперь". „Ваше величество можете разчитывать на это, замѣтилъ Лестокъ, ибо независимо отъ личнаго уваженія къ вамъ, онъ и изъ собственнаго интереса долженъ дорожить дружбой съ вами. Повидимому намѣревается онъ въ непродолжительномъ времени выступить со всѣми своими силами на помощь императору (Карлу VII)".—„Дай-то Богъ", отвѣчала Елисавета. При такомъ настроеніи Мардефельдъ не сомнѣвался въ возможности заключить союзъ съ Россіей, но предупреждалъ лишь короля что едва ли Русское правительство отдастъ подъ его начальство отрядъ Калмыковъ и казаковъ, о которыхъ король безпрерывно упоминалъ въ своихъ письмахъ: „это потому, говорилъ посланникъ, что въ Россіи принято правиломъ чтобъ означенные народы (sic), то-есть Калмыки и казаки, не служили никогда въ арміяхъ какой бы то ни было иностранной державы; боятся чтобъ они не уразумѣли различія между своимъ бытомъ и бытомъ другихъ націй". Нетерпѣніе Фридриха было такъ велико что останавливаясь на предположеніи о неудачѣ проэковъ направленныхъ противъ Бестужева, онъ возбуждалъ вопросъ о томъ нѣтъ ли какой-нибудь возможности сойтись съ этимъ министромъ. „Если, говорилъ онъ Мардефельду въ письмѣ отъ 4 іюля 1744 года,* противъ всякаго ожиданія и по велѣнію рока, гибельнаго для самой императрицы, вице-канцлеръ удержится на своемъ мѣстѣ, то вы должны будете измѣнить политику, и не переставая поддерживать тѣсныя сношенія съ прежними друзьями, употребите всѣ старанія чтобы Бестужевъ измѣнилъ свои чувства и свой образъ дѣйствій относительно меня; для

* *Pol. Corr.* III, 169.

пріобрѣтенія его довѣрія и дружбы придется израсходовать значительныя суммы денегъ. Съ этою цѣлію уполномочиваюсь предложить ему отъ 100.000 до 120.000, даже до 150.000 червонцевъ, которые будутъ доставлены вамъ тотчасъ какъ окажется въ томъ нужда. Нужно только чтобы вы принялись за это дѣло съ большою осторожностію и искусствомъ, иначе можете натолкнуться на отказъ со стороны министра, который еще болѣе повредитъ намъ похваляясь своимъ поступкомъ предъ императрицей." Время шло, время чрезвычайно дорогое для Фридриха—и между тѣмъ ничего опредѣленнаго не получалъ онъ изъ Петербурга. „Не могу же я, восклицалъ онъ, оставаться дольше въ этомъ состояніи неизвѣстности сообщите же мнѣ наконецъ вполнѣ точно какъ идутъ дѣла не опасайтесь смутить меня, ибо гораздо лучше знать истину какъ бы ни была она непривлекательна, чѣмъ колебаться между страхомъ и надеждой. Съ часу на часъ ожидаю я отъ васъ курьера..."

Курьеръ прибылъ и привезъ извѣстіе о катастрофѣ Шетарди. Въ то время какъ маркизъ въ тѣсномъ союзѣ съ Мардефельдомъ, принцессой Цербстскою и Лестокомъ подводилъ подкопы подъ Бестужева, вице-канцлеръ зорко слѣдилъ, благодаря перлюстраціи его писемъ, за всѣми нитями этой интриги. Перлюстрація играла тогда большую роль въ любомъ изъ европейскихъ государствъ и въ широкихъ размѣрахъ практиковалась также и въ Россіи („извѣстная перлюстрація писемъ, которая множествомъ какъ рѣка течетъ", выразился потомъ Воронцовъ въ письмѣ своемъ къ императрицѣ); всѣмъ было это извѣстно, и Мардефельдъ даже два раза протестовалъ противъ распечатыванія его писемъ, но получилъ отвѣтъ что императрица находитъ его заявленіе „крайне страннымъ и удивительнымъ"*, дѣйствительно страннымъ, потому что Фридрихъ отнюдь не лучше постулалъ у себя, страннымъ и по той причинѣ что какое же было другое средство дѣйствовать противъ дипломатовъ которые, забывая обязанности своего офиціальнаго положенія, упражнялись въ самыхъ возмутительныхъ подлогахъ [illegible]? Изъ книги Вандаля мы узнаемъ что Франц[illegible] сначала совѣтовало, а потомъ приказывало Шетарди представить императрицѣ данныя ему грамоты; въ теченіе послѣднихъ двухъ

* *Мартенсъ*, V. 361.

мѣсяцевъ каждый курьеръ привозилъ ему напоминаніе объ этомъ, но онъ медлилъ, стараясь довести задуманное имъ дѣло до конца, и дождался наконецъ того что былъ съ позоромъ изгнанъ изъ Россіи. Версальскій дворъ не обнаружилъ ни малѣйшаго намѣренія вступиться за Шетарди, да и трудно было сдѣлать это въ виду слишкомъ очевидныхъ фактовъ. „При теперешнихъ обстоятельствахъ, писалъ Фридрихъ маршалу Ноалю, было бы лучше всего еслибы король тотчасъ же отправилъ въ Петербургъ другаго посланника, который выразилъ императрицѣ негодованіе его величества на поведеніе маркиза и привезъ бы ей признаніе императорскаго ея титула. Если вы поступите иначе, то увеличите только число своихъ враговъ въ Россіи, а между тѣмъ вы не имѣете средствъ отмстить за себя; вотъ почему благоразуміе требуетъ затаить гнѣвъ и послѣдовать моему совѣту“ *.

За однимъ непріятнымъ для Фридриха извѣстіемъ послѣдовало и другое, которое должно было особенно тяжело поразить его. Въ іюнѣ 1744 года разыгралась исторія Шетарди, а въ слѣдующемъ затѣмъ мѣсяцѣ Бестужевъ занялъ должность остававшуюся нѣкоторое время вакантною по смерти князя Черкасскаго,—назначенъ былъ канцлеромъ. Положеніе его видимо упрочивалось, чему не мало способствовало и то что нѣсколько позднѣе удалось ему женить своего сына на племянницѣ фаворита графа Разумовскаго, но враги его отнюдь не думали считать свое дѣло проиграннымъ. Какому-нибудь Лестоку или принцессѣ Цербстской не по силамъ было вести съ нимъ борьбу, но въ Петербургѣ оставался Мардефельдъ, вполнѣ достойный быть ихъ руководителемъ. Посланникъ Прусскаго короля употреблялъ всѣ усилія чтобы завязать тѣсныя сношенія съ лицомъ способнымъ какъ нельзя лучше служить для его цѣлей, а именно съ Михаиломъ

* По возвращеніи на родину, Шетарди получилъ приказаніе не выѣзжать изъ своихъ помѣстій, а затѣмъ долженъ былъ находиться нѣкоторое время въ военной службѣ прежде чѣмъ снова выступилъ на дипломатическое поприще. Онъ приписывалъ это вліянію Фридриха и обратился къ нему съ объясненіями и жалобами. Король отвѣчалъ очень любезно (*Pol. Corr.* VI, 469), увѣряя что строгія мѣры относительно маркиза нисколько не встрѣчали его одобренія, „но къ сожалѣнію, говорилъ онъ, необходимость заставляетъ иногда правительство въ критическихъ обстоятельствахъ взваливать вину на своихъ агентовъ“.

Иларіоновичемъ Воронцовымъ, который одновременно съ повышеніемъ Бестужева былъ назначенъ вице-канцлеромъ. Воронцовъ принадлежалъ къ числу лицъ пользовавшихся полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы еще до вступленія ея на престолъ и игралъ видную роль въ переворотѣ 25 ноября 1741 года; съ этихъ поръ почести обильно сыпались на него; камеръ-юнкеръ, затѣмъ камергеръ, генералъ-поручикъ, кавалеръ ордена Александра Невскаго, онъ привлеченъ былъ теперь, въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, къ завѣдыванію иностранною политикой когда ему только-что минуло тридцать лѣтъ; онъ не прошелъ никакой дипломатической школы, не успѣлъ усвоить себѣ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, но это не послужило препятствіемъ для того чтобы занять ему одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ государствѣ. Едва ли кому казалось это страннымъ вслѣдствіе близости его къ Елисаветѣ, съ которою онъ даже породнился женившись на двоюродной ея сестрѣ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Фридриху, имѣвшему вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ что происходило при Русскомъ дворѣ, не трудно было предугадать блестящую карьеру Воронцова, и онъ заранѣе началъ употреблять мѣры чтобы склонить его на свою сторону. Онъ прислалъ ему орденъ Чернаго Орла и по его же ходатайству получилъ Воронцовъ отъ Римскаго императора Карла VII графское достоинство. По многимъ причинамъ возвышеніе Воронцова могло только радовать Фридриха: „теперь дѣла наши пойдутъ лучше, писалъ онъ фельдмаршалу Шметтау, потому что товарищемъ канцлера назначенъ человѣкъ который всегда поступалъ относительно меня очень честно“ (qui de tout temps a agi fort honnêtement avec moi). Ликовала и извѣстная партія въ Петербургѣ, какъ это видно между прочимъ изъ письма съ которымъ принцесса Цербстская обратилась къ Воронцову тотчасъ по его назначеніи. „Вся Германія воспрянула духомъ, говорила она, узнавъ что ваше сіятельство привлечены къ управленію дѣлами“; затѣмъ начинается апологія Прусскаго короля, „который, присоединивъ къ себѣ Силезію, не можетъ помышлять о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ; не таковы его намѣренія, какъ не замедлитъ онъ объявить это самъ, но въ качествѣ курфирства и одного изъ могущественнѣйшихъ германскихъ государей нельзя ему относиться равнодушно къ тому какъ Вѣнскій дворъ унижаетъ достоинство священной главы

государста, явно стремясь низвергнуть императора и возложить корону на эрцгерцога Тосканскаго". Письмо было очевидно писано какъ бы подъ диктовку самого Фридриха *. На Воронцова возлагаемы были надежды что онъ выступитъ представителемъ направленія въ политикѣ противнаго тому которое преслѣдовалъ канцлеръ, хотя Фридрихъ и получалъ извѣстіе что совершенно полагаться на него нельзя, что это человѣкъ далеко не отличавшійся ни стойкостью своихъ убѣжденій, ни твердостію характера. Прусскій посланникъ въ Стокгольмѣ Финкенштейнъ доносилъ между прочимъ: „Гилленборгъ и Тессинъ говорили мнѣ что у нихъ есть такія доказательства лукавства и двоедушія Воронцова, которыя заставляютъ ихъ считать его столь же злонамѣреннымъ какъ и Бестужевъ, но быть-можетъ еще болѣе опаснымъ потому что онъ превосходитъ канцлера своимъ образованіемъ; по словамъ ихъ, онъ притворился другомъ маркиза Шетарди, но въ то же время былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его погибели; въ то самое время какъ онъ интриговалъ противъ него сообща съ Бестужевымъ и даже за нѣсколько дней до катастрофы Воронцовъ посѣтилъ маркиза и просилъ его не можетъ ли тотъ доставить ему мѣсто посланника во Франціи, все это единственно съ цѣлію усыпить его, отвести ему глаза отъ опасности". Быть-можетъ по натурѣ Воронцовъ и не былъ интриганомъ; быть-можетъ при другихъ обстоятельствахъ, въ болѣе спокойное время, онъ оказался бы полезнымъ и честнымъ государственнымъ человѣкомъ, но съ нимъ случилось то что̀ не рѣдко бываетъ съ людьми которые вдругъ возносятся на не подобающую для нихъ высоту и при томъ среди ожесточенной борьбы партій. Умомъ своимъ онъ могъ все понять, но не былъ въ состояніи, подобно Бестужеву, положить душу на какое-нибудь дѣло; главный недостатокъ его заключался не въ свойствахъ ума, а въ характерѣ, нерѣшительномъ и малодушномъ. Еслибъ указанъ былъ ему опредѣленный путь и онъ встрѣтилъ бы сильную поддержку, то вѣроятно неуклонно держался бы его, но другое дѣло когда приходилось выбирать этотъ путь самому, а тутъ еще примѣшивалась значительная доля самолюбія и тщеславія, на которыя умѣла искусно дѣйствовать окружавшая среда. Такіе люди не способны сами руководить интригой,

---

* *Архивъ кн. Воронцова*, I, 417—419.

но они легко могутъ сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ интригановъ, и Воронцовъ доказалъ это своимъ примѣромъ. Съ самаго вступленія своего въ должность вице-канцлера онъ былъ опутанъ кознями партіи враждебной не только Бестужеву, но и вообще русскимъ интересамъ: „важный другъ“ (ami important) все чаще и чаще упоминается въ письмахъ какъ Фридриха, такъ и его посланниковъ при нашемъ дворѣ; Воронцевъ сильно скомпрометтировалъ себя и потомъ самъ приходилъ въ отчаяніе отъ этого, ибо намъ кажется что нельзя заподозрить искренность словъ содержащихся въ извѣстномъ письмѣ къ императрицѣ Елисаветѣ отъ 1749 года: „Я ни на кого не жалуюсь, но только плачуся о горестномъ и бѣдномъ моемъ состояніи; единственно защиты, покрова и милости вашего величества себѣ испрашиваю, а особливо когда помышляю что ежелибы возможно было, всемилостивѣйшая государыня, нынѣшнее мое состояніе на прежнее перемѣнить, когда я будучи при вашемъ величествѣ камеръ-юнкеромъ и камергеромъ, неоцѣненною милостію и повѣренностью наслаждался и тогда никакихъ заботъ и опасеній ни отъ кого не имѣлъ. Нынѣ же, столь много честью и чинами пожалованъ, возведенъ, въ повседневномъ безпокойствѣ и печали нахожуся, лишаясь предражайшей оной вашей милости и прежней повѣренности къ себѣ, которыхъ ничего болѣе въ свѣтѣ имѣть не желалъ. Я бы съ радостію сіе премѣненіе жизни учинить желалъ, ежелибы токмо сіе премѣненіе компатибельно и безъ предосужденія устава свѣта сего быть могло.“

Не дождавшись благопріятнаго для него оборота дѣлъ въ Россіи, Фридрихъ рѣшился начать войну. Мардефельду поручено было объяснить его намѣреніе въ Петербургѣ. „Такъ какъ Венгерская королева, писалъ Фридрихъ, всегда старалась причинить всевозможное зло императрицѣ Елисаветѣ, и сама императрица неоднократно заявляла что ей было бы пріятно еслибъ я напалъ на королеву, то полагаю что рѣшеніе мое будетъ одобрено, тѣмъ болѣе что я не имѣю въ виду никакихъ завоеваній, а желаю только возстановить миръ въ Германіи, поддержать установленную въ ней систему и помочь императору Карлу VII вступить въ свои права, которыя оспариваютъ у него самыми несправедливыми и возмутительными способами; все это не имѣетъ никакого отношенія къ Бреславльскому договору, къ которому прибавлю

императрица, а потому я ожидаю отъ ея дружбы что она не допуститъ Польскаго короля стать въ ряду моихъ враговъ.“ Въ собственноручномъ письмѣ къ Елисаветѣ Фридрихъ указывалъ еще на другую причину побудившую его будто бы взяться за оружіе: „Считаю долгомъ, говорилъ онъ, извѣстить ваше величество, какъ самую дорогую мою союзницу, о принятомъ мною намѣреніи оказать помощь императору противъ королевы Венгерской, которая хочетъ лишить его престола. Но что̀ болѣе всего склонило меня къ такому предпріятію, это несомнѣнно желаніе отмстить королевѣ за недостаточное уваженіе къ особѣ вашего величества, за гнусный заговоръ маркиза Ботты и постоянныя попытки Вѣнскаго двора возвести на престолъ юнаго Ивана.“ Мы уже знаемъ что Фридрихъ намѣревался образовать подъ своимъ предводительствомъ союзъ германскихъ князей: въ этомъ союзѣ предлагалъ онъ занять мѣсто великому князю Петру Ѳедоровичу какъ герцогу Голштинскому *—новая уловка съ цѣлію расположить къ себѣ Россію. А между тѣмъ вдругъ вторгнулся онъ со своими войсками въ Саксонію и провелъ ихъ чрезъ эту страну въ Богемію; курфирсту, находившемуся тогда въ Варшавѣ, написалъ онъ письмо, въ которомъ старался выставить этотъ неожиданный поступокъ какъ нѣчто весьма обыкновенное; министру его Брюлю обѣщалъ титулъ владѣтельнаго князя, а пользовавшемуся сильнымъ вліяніемъ при Дрезденскомъ дворѣ патеру Гварини кардинальскую шапку, въ надеждѣ что быть-можетъ подъ вліяніемъ ихъ курфирстъ не будетъ слишкомъ роптать за нанесенную ему обиду.

Какъ уже замѣчено выше, Фридрихъ нуждался въ Русскомъ правительствѣ главнымъ образомъ для того чтобъ оно сдерживало Саксонію, но льстивыя заявленія его не производили никакого эффекта. „Онъ подлинно толь необыкновенно ласкательно или паче сказать уловительно пишетъ, говорилъ Бестужевъ, что мнѣ при чтеніи его писемъ италіянская весьма правдивая пословица на умъ пришла, а именно: кто чрезвычайно льститъ и по губамъ мажетъ, тотъ или обманулъ или обмануть ищетъ.“ Безцеремонное нарушеніе королемъ Бреславльскаго договора и вторженіе его

* Письмо Фридриха къ Елисаветѣ и инструкція Мардефельду о переговорахъ съ ея наслѣдникомъ въ *Pol. Corr.* III, 247—249.

во владѣнія курфирста Саксонскаго сильно встревожили наше правительство. Императрица была тогда въ Кіевѣ; Воронцову, находившемуся при ней, изложилъ Бестужевъ подробно свой взглядъ на опасности угрожавшія со стороны Пруссіи. Очевидно, говорилъ онъ, король стремится осуществить предпріятія „украшенныя добрымъ претекстомъ успокоенія всего, а дѣйствительно приведеніемъ всего въ замѣшательство“. Изо всѣхъ сосѣдей Россіи онъ самый близкій и могущественный, а потому и самый опасный, „хотя бъ онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера и нрава не былъ каковъ у него суще есть“; со вступленія своего на престолъ онъ уже неоднократно доказывалъ какъ мало цѣны имѣютъ въ его глазахъ принимаемыя имъ на себя обязательства: „можно ли послѣ сего такому принцу вѣру подавать, который свои наиторжественнѣйшіе обѣщанія и трактаты толь мало держитъ? Чего другія державы себѣ отъ того обѣщать могутъ? И чего мы ожидать имѣемъ, когда сему всегда новыми проектами наполненному принцу понравится съ нами такимъ же образомъ поступить?“ Не можетъ быть сомнѣнія, продолжалъ Бестужевъ, относительно той политики которую должна усвоить себѣ Россія: „ежели сосѣда моего домъ горитъ, то я натурально принужденъ ему помогать тотъ огонь для своей собственной безопасности гасить“. Неужели дожидаться пока король Прусскій разгромитъ союзныя съ Россіей государства, а затѣмъ „военнымъ пламенемъ и нашу имперію съ трехъ сторонъ воспалитъ, яко съ одной стороны онъ самъ, съ другой Швеціей (гдѣ онъ впредь довольно власти имѣть будетъ), а съ третьей, по искреннимъ своимъ съ Франціей союзамъ, Турками дѣйствовать будетъ?“ Необходимо заранѣе препятствовать замысламъ короля, а для этого „ничего болѣе не надобно какъ только твердость показать, которая въ ея императорскомъ величествѣ болѣе нежели въ какой другой принцессѣ обитаетъ“. Письмо Бестужева отправлено было 11 августа, а ровно чрезъ мѣсяцъ послѣ того, 11 сентября, Воронцовъ представилъ императрицѣ въ Кіевѣ свое мнѣніе о положеніи дѣлъ. Онъ находился вдали отъ дурныхъ вліяній, гнѣздившихся въ Петербургѣ, да на первыхъ порахъ, почти тотчасъ же по вступленіи своемъ въ должность, не совсѣмъ удобно было вступать ему въ борьбу съ канцлеромъ по коренному вопросу нашей иностранной

политики,—все это въ связи съ тѣмъ что сильная аргументація Бестужева не могла не произвести впечатлѣнія на его умъ, достаточно объясняетъ почему въ означенномъ мнѣніи онъ сталъ совершенно на точку зрѣнія канцлера. Вся его задача заключалась въ томъ чтобы подробнѣе развить соображенія содержавшіяся въ присланномъ ему письмѣ. „Въ усиленіи короля Прусскаго и что онъ хитрый, скрытный и конкеративный нравъ имѣетъ, спрашивалъ Воронцовъ, кто порукой по немъ есть что онъ противъ Россіи ничего не предпріиметъ? Положимъ что теперь вскорѣ онъ ничего не начнетъ и въ разсужденіи томъ что имѣетъ любовь и почтеніе къ вашему величеству, а долго ли оная продолжится никто жъ еще не ручался; а буде станетъ противъ Польши дѣйствовать и не токмо отбирать пристойные къ себѣ города и земли, но и конфедераціи заведя короля Польскаго съ престола свергнетъ и такого властью и силой своею посадитъ отъ котораго самъ въ покоѣ останется, а противъ Россіи всякіе неконченные еще споры и притензіи на Украйну, Смоленскъ и Лифляндію (какъ Поляки чинить обыкли) производить и тѣмъ обезпокоивать ее конечно заставитъ, тогда что̀ будемъ дѣлать?“ Воронцовъ указывалъ на происки Фридриха въ Швеціи и Турціи, которыя не откажутъ ему конечно въ помощи когда созрѣетъ у него планъ „Россію со всѣхъ сторонъ поубавить“. Не слѣдуетъ ли теперь же принять противъ него мѣры „держась натуральныхъ и старинныхъ друзей“, ибо „когда всѣ дружескія державы въ несостояніе приведены будутъ и помощи дать не возмогутъ, тогда по человѣческому разуму никакого спасенія уже имѣть не видится.“ По мнѣнію вице-канцлера, надлежало расположить „въ неоплошную позитуру“ на границахъ Лифляндіи и Польши достаточное количество войска, такъ чтобы часть его была всегда готова двинуться въ походъ; „объявить свою высочайшую персону всѣмъ находящимся въ войнѣ державамъ медіатрисой и вступить въ соглашеніе съ дружественными Россіи державами, между прочимъ и съ Голландіей.“ Бестужевъ былъ очень доволенъ отзывомъ Воронцова; онъ послѣшилъ выразить ему даже „пріятное удивленіе“ что мысли ихъ такъ совпали, хотя въ сущности удивляться этому было нечего.

Въ то время какъ совѣтники императрицы Елисаветы обсуждали какой политики держаться имъ относительно

Прусскаго короля, военныя дѣйствія начатыя имъ шли очень неудачно. Онъ всегда старался быстро напасть на противника и однимъ или двумя смѣлыми и рѣшительными ударами сокрушить его. Въ своихъ *Principes généraux de la guerre* онъ говоритъ: „Войны наши должны быть ведены скоро и живо. Для насъ вовсе не пригодно затягивать дѣло. Командующему прусскою арміей слѣдуетъ напрягать всѣ усилія чтобы по возможности безотлагательно довести дѣло до развязки; пусть погибнетъ въ бою нѣсколько солдатъ болѣе чѣмъ страдаетъ цѣлая нація". Вторгнувшись въ Богемію, Фридрихъ очевидно разчитывалъ сообразоваться съ этими правилами и такъ твердо былъ увѣренъ въ успѣхѣ что не сдѣлалъ никакихъ приготовленій на случай если война затянется, а между тѣмъ именно это и произошло. Онъ овладѣлъ Прагой, но это не привело его ни къ чему. Фельдмаршалъ Траунъ, котораго называлъ онъ въ послѣдствіи своимъ учителемъ въ военномъ дѣлѣ, тщательно уклонялся отъ сраженій; Фридриху угрожала опасность быть отрѣзаннымъ отъ Силезіи, у него оказывался недостатокъ и въ снарядахъ, и въ провіантѣ, все это заставило его очистить Богемію, которую одно время онъ считалъ уже своею добычей. Послѣдствіемъ такой тяжкой неудачи была крайняя деморализація войска. „У насъ нѣтъ болѣе арміи, писалъ министру Подевильсу находившійся при королѣ графъ Мюнховъ: то что̀ мы видимъ предъ собой это не болѣе какъ сбродъ людей, которыхъ удерживаютъ въ рядахъ привычка и авторитетъ офицеровъ, но и сами офицеры недовольны, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ недовольство доходитъ до отчаянія. Еще какое-нибудь неудачное дѣйствіе въ это время года, и въ войскѣ неминуемо вспыхнетъ мятежъ." Словомъ, кампанія была полнѣйшимъ фіаско, и самъ Фридрихъ откровенно сознавался въ этомъ говоря: „репутація наша погибаетъ такъ же скоро какъ мы ее пріобрѣли". Но за однимъ несчастіемъ слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. Въ Варшавѣ заключенъ былъ трактатъ, которымъ Австрія, Англія и Голландія привлекли къ себѣ Саксонію, обязавшуюся за англійскія деньги дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Фридриха. Въ январѣ 1745 года умеръ императоръ Карлъ VII. а преемникъ его курфюрстъ Максимиліанъ-Іосифъ отказался ото всякихъ притязаній на австрійское наслѣдство и кромѣ того изъявилъ готовность содѣйствовать избранію на императорскій престолъ супруга Маріи-Терезіи. Изъ Россіи

приходили тревожныя вѣсти; на Французовъ нечего было разчитывать, потому что они были всецѣло поглощены своими предпріятіями во Фландріи. Горизонтъ омрачался со всѣхъ сторонъ, но хуже всего было то что Фридрихъ потерялъ подъ собой почву: не повторялъ ли онъ во всѣхъ своихъ манифестахъ что ополчился единственно съ цѣлью отстаивать права императора Карла VII, но императоръ лежалъ въ гробу, и Фридриху не оставалось повидимому ничего болѣе какъ сложить оружіе, сложить его обезславленнымъ послѣ неудачнаго похода. Наиболѣе близкія къ нему лица убѣждали его подчиниться этой крайности, заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. „При всемъ безграничномъ моемъ уваженіи къ священной особѣ вашего величества, писалъ Подевильсъ, осмѣливаюсь высказать что вы будете отвѣтственны и предъ самимъ собой, и предъ потомствомъ, если подвергнете свое государство случайности потерпѣть такой разгромъ отъ котораго никогда оно не оправится". Отвѣтъ Фридриха замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ: съ одной стороны проявляется въ этомъ отвѣтѣ рѣдкое величіе его духа никогда не склонявшагося подъ самыми тяжкими ударами, съ другой нельзя не изумляться тому эгоизму съ которымъ готовъ былъ онъ судьбы цѣлой страны принести въ жертву своему честолюбію. „Я предпочитаю, говорилъ онъ, погибнуть съ честью чѣмъ утратить на всю жизнь мою славу и релутацію. Всегда гордился я тѣмъ что болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствовалъ возвышенію моего дома; я игралъ почетную роль между европейскими вѣнценосцами: все это личныя для меня обязательства, которыя я рѣшился поддерживать цѣной моей жизни и благополучія. Вы разсуждаете какъ честный человѣкъ, и еслибъ я былъ Подевильсомъ, то разсуждалъ бы точно такъ же, но я перешагнулъ черезъ Рубиконъ и теперь или не долущу умалить мое могущество или же пусть все и даже самое имя Прусаковъ будетъ погребено вмѣстѣ со мною. Впрочемъ успокойтесь и потерпите. Мое рѣшеніе принято, мы всѣ готовы погибнуть за благо отечества и за славу моего дома. Безполезно было бы обращаться ко мнѣ съ противными этому совѣтами: найдется ли такой трусъ капитанъ корабля, который, будучи окруженъ непріятелями и сдѣлавъ все для своего спасенія, не предпочелъ бы въ ту минуту когда убѣдился бы что не откуда ему ожидать помощи взорвать на воздухъ свое судно, лишь бы не осуществились

надежды враговъ что оно сдѣлается ихъ добычей? Вспомните что королева Венгерская, женщина, не отчаялась въ своей участи когда непріятель приближался къ ея столицѣ и наводнилъ самыя цвѣтущія ея провинціи. Почему знать, какой-нибудь значительный успѣхъ, и мы можемъ подняться такъ высоко какъ никогда“ *.

Надежды выраженныя въ этихъ послѣднихъ словахъ осуществились. Фридрихъ велъ уже не наступательную, а оборонительную войну, отстаивалъ Силезію противъ вторгнувшагося въ нее непріятеля, какъ вдругъ побѣда одержанная имъ 4 іюня 1745 года при Гогенфридбергѣ радикально измѣнила его положеніе. Первымъ слѣдствіемъ ея было то что Англія склонилась на его сторону. Король Георгъ II, встревоженный высадкой претендента Карла-Эдуарда въ Шотландію, согласился подписать такъ-называемую Ганноверскую конвенцію, которою гарантировалъ Фридриху обладаніе Силезіей и обязывался побудить Австрійцевъ и Саксонцевъ къ заключенію съ нимъ мира. Но это еще не входило въ разчеты Маріи-Терезіи, не хотѣвшей примириться съ мыслію что Силезія попрежнему останется въ рукахъ ея врага. Война продолжалась, но на этотъ разъ съ рѣшительнымъ перевѣсомъ на сторонѣ Фридриха, который послѣ побѣды своей при Гогенфридбергѣ былъ неотступно поглощенъ одною мыслію—отмстить Саксонцамъ за ихъ образъ дѣйствій, нанести имъ такой ударъ отъ котораго долго не могли бы они оправиться. Курфирста Августа считалъ онъ заклятымъ своимъ врагомъ или, вѣрнѣе, самъ питалъ къ нему непреодолимую ненависть. По смерти Карла VII Франція задумала выставить Августа кандидатомъ на императорскій престолъ: она считала это выгоднымъ для себя; ибо будучи обязанъ ей своимъ возвышеніемъ, онъ порвалъ бы связи соединявшія его съ Австріей, да къ тому же Французское правительство было не прочь найти въ немъ опору противъ такого ненадежнаго союзника какъ Прусскій король. Дѣла Фридриха шли тогда слишкомъ дурно чтобы могъ онъ воспротивиться означенному плану; онъ не мѣшалъ Французамъ, но лишь настолько чтобы могли они поссорить курфирста съ Вѣнскимъ дворомъ, а не обезпечить его избраніе. „Пристрастіе Французскаго правительства къ Саксоніи поистинѣ непостижимо, восклицалъ онъ;

---

* *Pol. Corr.* IV, 134—135.

рано или поздно мы непремѣнно сцѣлимся изъ-за этого вопроса“: Впрочемъ самъ Августъ и министръ его Брюль не поддались на ловушку, отстранили предложеніе Лудовика XV, но это нисколько не примирило ихъ съ Фридрихомъ, который писалъ Подельвису: „надо поступить съ Саксоніей такъ чтобъ она поняла какой громадный вредъ мы можемъ причинить ей и поставила бы себѣ правиломъ на будущее время заискивать въ насъ“.

Итакъ съ поворотомъ счастія новые воинственные планы возникали въ умѣ Фридриха, и это приводило въ отчаяніе его министровъ, которые были убѣждены что затронуть Саксонію значило сдѣлать вызовъ Россіи. Подевильсъ и на этотъ разъ явился органомъ общаго тревожнаго чувства. „Вы вѣчно со своими робкими совѣтами, отвѣчалъ ему король; мнѣ кажется вы готовы довести свое мягкосердіе до того что позволили бы отрѣзать себѣ одинъ членъ за другимъ до тѣхъ поръ пока добрались бы до вашей головы. Я уже предвидѣлъ что вы выдвинете ваше обычное пугало—Московію, но повѣрьте что Саксонія будетъ испечена прежде чѣмъ въ Петербургѣ узнаютъ о начатіи военныхъ дѣйствій“. Если Фридрихъ говорилъ съ такою увѣренностію, то это потому что изъ Петербурга получалъ онъ весьма успокоительныя извѣстія. По мнѣнію Мардефельда, Россія рѣшительно не была въ состояніи предпринять что-либо серіозное: „У Русскаго правительства, писалъ онъ, страшный недостатокъ денегъ, полки только въ половинномъ составѣ, повсюду въ Имперіи неудовольствіе, которое со дня на день можетъ перейти въ мятежъ. Собака которая лаетъ не кусается; канцлеръ попрежнему трубитъ въ трубы, но здѣсь очутились бы въ очень затруднительномъ положеніи, еслибы ваше величество заявили что сочтете непріязненнымъ дѣйствіемъ приближеніе русскихъ войскъ къ границамъ Пруссіи.“ * На основаніи всего этого Мардефельдъ утверждалъ что Россія останется безучастною зрительницей дальнѣйшихъ подвиговъ Фридриха, и повидимому Воронцовъ поддерживалъ его въ этомъ убѣжденіи: по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ писемъ короля къ его посланнику мы читаемъ: „Свѣдѣнія полученныя вами отъ вице-канцлера окончательно подкрѣпили принятое мною рѣшеніе не щадить Саксонію“. Случилось однако иначе. Съ тѣхъ поръ какъ заключенъ

* Koser въ *Preuss. Jahrb.* XLVII, 287.

былъ въ Варшавѣ упомянутый выше договоръ, Фридрихъ не переставалъ выставлять курфирста предъ Русскимъ дворомъ въ самомъ ненавистномъ свѣтѣ, постоянно доказывалъ что его образъ дѣйствій относительно Пруссіи былъ воплющею несправедливостью, требовалъ вмѣшательства Россіи чтобъ обуздать его, но въ Петербургѣ всякій разъ отвѣчали на это что онъ поступаетъ отнюдь не хуже чѣмъ самъ Фридрихъ; если король, вступившись за главу имперіи, напалъ на Марію-Терезію, хотя по его же собственному заявленію не имѣлъ никакой причины враждовать съ нею, то почему курфирстъ не могъ дѣйствовать противъ него на такомъ же точно основаніи? Въ послѣднее время роли ихъ даже измѣнились далеко не къ выгодѣ Фридриха, который продолжалъ войну, хотя Карлъ VII находился уже въ могилѣ, тогда какъ въ сентябрѣ 1745 года состоялось наконецъ избраніе императоромъ Франца Лотарингскаго, и курфирстъ Августъ исполнялъ только свой долгъ, помогая ему своимъ оружіемъ. Австрійскія войска вторгнулись въ Силезію, — что же страннаго если и вспомогательныя войска саксонскія двинулись туда вмѣстѣ съ ними? А между тѣмъ Прусскій король именно за это и хотѣлъ разгромить Саксонію такъ чтобъ она долго не могла оправиться отъ пораженія. Въ Петербургѣ очень хорошо понимали его замыслы и рѣшено было принять мѣры, но тутъ тотчасъ же обнаружилось разногласіе между канцлеромъ и его товарищемъ. Воронцовъ, вопреки мнѣнію еще такъ недавно представленному имъ императрицѣ въ Кіевѣ, вдругъ оказался весьма податливымъ относительно Пруссіи и доказывалъ что двинуть войско было бы неудобно по разнымъ причинамъ, что Поляки будутъ препятствовать переходу Русскихъ чрезъ ихъ земли, что рекрутскій наборъ вызоветъ чрезвычайные расходы, тогда какъ казна и безъ того уже истощена, а потому благоразумнѣе ограничиться простымъ заявленіемъ Прусскому королю чтобъ онъ воздержался отъ нападенія на Саксонію, присоединивъ къ этому угрозу, если онъ будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи. Въ сущности Фридрихъ только и желалъ чтобы Россія не шла далѣе протестовъ. „Главнымъ образомъ, говорилъ онъ въ письмѣ къ Подевильсу, нужно добиться чтобы Русскіе не двигались, это дастъ мнѣ возможность выиграть время, а вы знаете пословицу: *chi a tempo, a vita*“. Мнѣніе Воронцова вполнѣ согласовалось слѣдовательно съ тѣмъ о чемъ было предписано

хлопотать Мардефельду. Бестужевъ со своей стороны подробно изложилъ мысли * издавна руководившія его политикой. „Ваше императорское величество, говорилъ онъ, нужды не имѣете отъ какой-либо посторонней державы вспоможенія и помощи требовать, но паче въ славномъ обстоятельствѣ себя усматриваете со всѣхъ сторонъ искаемою и упрашиваемою быть, и вся Европа зрѣніе свое на ваше величество установила, ожидая, какъ вамъ угодно будетъ при нынѣшнихъ конъектурахъ дѣйствовать, ибо въ состояніи находитесь балансъ на ту сторону куда изволите преклонить и твердою резолюціей безсмертную себѣ честь пріобрѣсти, теченіе злоключительной войны удержать и къ окончанію привести.“ Но пользуясь такимъ завиднымъ положеніемъ можетъ ли Россія оставаться безучастною къ тому что происходитъ вокругъ нея, и если вознамѣрится она прибѣгнуть ко вмѣшательству, то въ чью пользу? Для рѣшенія этого вопроса Бестужевъ считалъ необходимымъ „генеральную систему постановить, которая всему прочему основаніемъ служить могла бы“, то-есть разсмотрѣть отношенія Россіи къ разнымъ державамъ съ точки зрѣнія пользы происходящей для нея отъ союзовъ съ ними. Прежде всего указывалъ онъ на союзъ съ Англіей: „сей союзъ, наидревнѣйшій есть, ибо оный на взаимной безопасности обѣихъ коронъ противъ Швеціи, Даніи, Пруссіи и Польши, на взаимномъ благѣ обоихъ государствъ и на производимой англійскою націей въ здѣшней Имперіи коммерціи основанъ“; Петръ Великій, „который, какъ весь свѣтъ признавать имѣетъ, свои и своей Имперіи интересы совершенно зналъ“, постоянно заботился о поддержаніи тѣсныхъ сношеній съ Великобританіей. Такой же политикѣ слѣдовалъ онъ и относительно Саксоніи, „неотмѣнно желалъ Саксонскій дворъ колико возможно наивяще себѣ присвоить, дабы польскіе короли сего дома совокупно съ нимъ Рѣчь Посполитую въ уздѣ держали“. Затѣмъ союзъ съ Пруссіей такъ же могъ бы быть полезенъ для Россіи, „ежели бы мы свѣдомы не были, коль мало Прусскій король свое слово и свои обязательства додерживаетъ, и коль мало на всѣ его ласкательныя обнадеживанья положиться можно“. Бестужевъ указывалъ на явно завоевательную политику Фридриха, на неразборчивость его въ средствахъ для достиженія

* Мнѣніе его см. въ *Архивѣ кн. Воронцова*, II, 76—93.

цѣлей, искусно приводя выдержки изъ извѣстнаго мнѣнія Воронцова, въ которомъ такъ убѣдительно выставлены были опасности могущія произойти для Россіи отъ замысловъ Прусскаго короля. Россія желала бы жить въ добромъ мирѣ съ обоими своими сосѣдями, и съ королемъ Фридрихомъ. и съ курфирстомъ Августомъ, но какъ скоро возгорѣлась между ними распря,—возгорѣлась исключительно по винѣ перваго изъ нихъ,—то можетъ ли Русское правительство отдать Саксонію въ жертву Пруссіи, должно ли оно спокойно смотрѣть на усиленіе государя который интригуетъ противъ Россіи въ Швеціи, Турціи и въ Польшѣ. Австрія уже пострадала отъ него, Саксоніи угрожаетъ онъ разгромомъ, и если осуществитъ этотъ планъ, то рано или поздно образуетъ коалицію противъ Россіи: не требуетъ ли благоразуміе остановить его вовремя? Вопросъ поставленный Бестужевымъ былъ подвергнутъ обсужденію въ двухъ засѣданіяхъ чрезвычайнаго совѣта и рѣшенъ вполнѣ согласно со мнѣніемъ канцлера. Императрица приказала изъ Лифляндіи и Эстляндіи отправить въ Курляндію такое число полковъ какое можно будетъ расположить тамъ на зимнихъ квартирахъ, условиться съ Дрезденскимъ дворомъ насчетъ направленія и пропитанія этого вспомогательнаго войска, а Прусскому королю представить чтобъ онъ воздержался отъ нападенія на Саксонію, иначе Россія будетъ вынуждена дѣйствовать противъ него. Воронцову не только не удалось настоять на своемъ предложеніи, но Елисавета такъ ясно показала ему свое неудовольствіе что онъ вынужденъ былъ тотчасъ же отправиться за границу. Едва ли можно объяснять это только тѣмъ что взгляды его не сошлись со взглядами канцлера; по всему вѣроятію Бестужевъ уже имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія подъ какими вліяніями дѣйствовалъ онъ и представилъ императрицѣ доказательства, которыя произвели на нее сильное впечатлѣніе; позднѣе, когда начался процессъ Лестока, мы видимъ изъ допросныхъ пунктовъ этому проходимцу что за всѣми сношеніями и дѣйствіями Воронцова слѣдили очень зорко, знали какъ нельзя лучше что онъ пользуется милостями Прусскаго короля, и нельзя сомнѣваться что надзоръ такого рода учрежденъ былъ за нимъ уже давно.

Фридрихъ былъ крайне смущенъ, узнавъ о рѣшеніи принятомъ Русскимъ правительствомъ. „Эти проклятыя случайности портятъ все дѣло, писалъ онъ Подевильсу; проводить весь свой вѣкъ въ тревогахъ, это значитъ не жить, а

ежедневно умирать по нѣсколькy разъ". Неудовольствіе короля обнаружилось главнымъ образомъ противъ Мардефельда, который какъ нарочно до самой послѣдней минуты присылалъ успокоительныя извѣстія изъ Петербурга; впрочемъ и послѣ этого онъ продолжалъ утѣшать короля что бояться нечего, что Россія во всякомъ случаѣ не можетъ выставить болѣе 15.000 войска: „сообщить Мардефельду, приказывалъ Фридрихъ, что я очень недоволенъ его донесеніями; онъ воображаетъ что 15.000 Русскихъ не значатъ ровно ничего; полагаетъ ли онъ что я подобно Людовику XIV могу всюду противопоставить имъ 20.000?" Мардефельдъ писалъ между прочимъ: „Появился указъ что такъ какъ король Прусскій объявилъ войну Саксоніи, то императрица посылаетъ ей вспомогательное войско. Вотъ ло истинѣ много шума и мало дѣла, или я очень ошибаюсь! Всѣ здравомыслящіе люди убѣждены здѣсь что канцлеръ склонилъ къ этой мѣрѣ императрицу единственно съ цѣлью вытянуть побольше денегъ отъ Саксонцевъ; по слухамъ онъ очень недоволенъ тѣмъ что я не обнаруживаю ни малѣйшаго безпокойства относительно его происковъ." На этомъ письмѣ Фридрихъ начерталъ замѣтку: „удивляюсь что о столь затруднительномъ дѣлѣ разсуждаетъ Мардефельдъ такъ легкомысленно". * Вообще онъ понялъ въ это время что посланникъ его, точно такъ же какъ прежде Шетарди, дѣйствовалъ очень безразсудно. „Ошибка Мардефельда, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, заключалась въ томъ что онъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ еслибъ удалось ему заручиться расположеніемъ императрицы и ближайшихъ ея фаворитовъ; другіе дипломаты, его соперники, старались напротивъ сблизиться преимущественно съ канцлеромъ, и именно поэтому побѣда досталась имъ." ** Дѣйствительно такъ, но сойтись съ канцлеромъ можно было бы только на почвѣ общихъ политическихъ интересовъ, взаимнаго уваженія къ правамъ и потребностямъ той и другой стороны, а этого Фридрихъ и не хотѣлъ допустить: его цѣлью было совершенно подчинить себѣ русскую политику, направлять ее такъ или иначе, согласно своимъ видамъ. Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, хорошо изучившій его, графъ Кейзерлингъ, писалъ Бестужеву: „Разсудите, ваше сіятельство, сами—возможно ли по

* *Pol. Corr.* IV, 331 и 339.

** Ib., IV, 359.

извѣстному намѣренію Берлинскаго двора къ намъ чаять чтобы король случай изъ рукъ упустилъ свои виды въ Россіи споспѣшествовать? По нынѣшней его системѣ не можетъ между нами и имъ никакой дружбы состояться; яко же и склонность его такъ далеко его отъ сего отводитъ что всѣ тѣ кои о истинномъ интересѣ Россіи усердствуютъ, по сему основанію ему власно какъ терніе въ глазахъ суть.“ * Фридрихъ какъ будто и не признавалъ что Россія имѣетъ свои законные интересы, съ которыми слѣдуетъ считаться; въ безконечномъ рядѣ его писемъ мы не видимъ чтобъ онъ когда-нибудь, хотя на минуту, счелъ нужнымъ стать на эту точку зрѣнія, а потому всѣ—къ сожалѣнію очень немногіе—наши государственные люди которые отстаивали національную политику являлись въ его глазахъ интриганами руководившимися самыми низкими корыстными разчетами. Ненависть его къ Бестужеву была безпредѣльна, но онъ какъ бы умышленно не понималъ что если борьба съ „бѣшенымъ канцлеромъ“ (cet enragé chancelier) не по силамъ даже такому искусному бойцу какъ онъ, то Бестужевымъ должно быть руководить и твердое убѣжденіе, и преданность своей странѣ, и ясное сознаніе той роли которую она была призвана играть въ средѣ европейскихъ государствъ. Вмѣсто этого Фридрихъ пріискивалъ для его дѣятельности объясненія одно мизернѣе другаго—будто бы Бестужевъ не могъ забыть обиды что еще прежній король, Фридрихъ-Вильгельмъ I не далъ ему какого-то ордена, будто находился онъ на содержаніи у Англичанъ, хотя неудачныя попытки Мардефельда, которому приказано было предложить канцлеру 150.000 червонцевъ, доказывали достаточно краснорѣчиво что не такъ легко было подкупить его совѣсть. Если распря между Фридрихомъ и знаменитымъ министромъ Елисаветы принимала все болѣе и болѣе личный характеръ, то главнымъ виновникомъ этого былъ не министръ. Мы видѣли сейчасъ что Фридрихъ убѣдился въ безтактности своихъ друзей и довѣренныхъ лицъ въ Петербургѣ, которые хотѣли вести дѣло съ самою императрицей, помимо канцлера и даже въ явной враждѣ съ нимъ, но мысль эта явилась у него мимолетно: и онъ самъ, и его посланники возвратились тотчасъ же къ прежней системѣ, или быть-можетъ уже поздно было мѣнять ее. Вообще

* *Архивъ князя Воронцова*, III, 327.

обширная корреспонденція Фридриха, въ которой высказывается онъ часто съ поразительною откровенностью, оставляетъ очень смутное впечатлѣніе относительно того какъ смотрѣлъ онъ на Россію, и это замѣчено было еще иностранными дипломатами находившимися при его дворѣ. По словамъ лорда Гиндфорда „король боялся Россіи болѣе чѣмъ Бога“, а маркизъ Валори говорилъ что „руссофобія наслѣдственна въ Берлинѣ; Русскихъ трепещутъ здѣсь какъ лѣшаго“. Нельзя отрицать этого, принимая въ разчетъ какъ усиленно заботился король о томъ чтобы привязать къ себѣ Россію и какое смущеніе овладѣвало имъ всякій разъ когда получалъ онъ извѣстіе что она начинаетъ вооружаться. Но наряду съ этимъ вдругъ овладѣвала имъ поразительная самоувѣренность и онъ начиналъ увѣрять что не придаетъ ей никакого значенія. „По зрѣломъ разсужденіи, писалъ онъ Финкенштейну, я не могу себѣ представить какую особенную нужду имѣемъ мы въ Россіи; не понятны для меня и выгоды которыя могли бы быть достигнуты моимъ домомъ отъ союза съ нею: въ сущности и безъ Московскаго государства мы въ состояніи устроиться какъ нельзя лучше.“ Противорѣчія такого рода объяснялись не минутнымъ настроеніемъ короля, но вообще тѣмъ что онъ не составилъ себѣ опредѣленнаго понятія о нашемъ отчествѣ, и это было причиной громадныхъ ошибокъ его не только въ описываемое время, но и въ будущемъ. „Съ одинаковою запальчивостью, говорилъ Тирконелль, замѣнившій маркиза Валори въ Берлинѣ, отзывается король о Россіи крайне презрительно, а завтра судитъ о ней совсѣмъ иначе.“

Фридрихъ достигъ своей цѣли, разгромилъ Саксонію прежде чѣмъ Русскіе успѣли исполнить свою угрозу. Произошло это отъ того что время года—глубокая осень и зима—было неблагопріятно для движенія нашихъ войскъ, да и вообще состояніе ихъ, не завидное конечно отъ воли канцлера, было далеко не завидно, какъ доказала это въ послѣдствіи и Семилѣтняя война. Бестужевъ, считавшій не безполезнымъ вести очень любезную переписку съ находившимся за границей Воронцовымъ, сообщалъ ему по этому поводу: „когда теперь пострадавшей сторонѣ подать помощь болѣе не время, то ничего иного не осталось какъ о томъ, а наиглавнѣйше о непредупрежденіи сего злополучія сожалѣть; ежели бы кіевское вашего сіятельства мнѣніе въ дѣйство произведено было, то конечно всего того не воспослѣдовало бы...

Сожалительно что при знатномъ усиленіи короля Прусскаго ея величество впредь почти ежегодно принуждена будетъ движенія войсками и потребные на то убытки для своей и Польши безопасности чинить.“ Послѣ Кессельдорфской битвы Фридрихъ разорилъ Саксонію какъ только могъ и принудилъ Австрійцевъ и Саксонцевъ къ миру, который и заключенъ былъ 25 декабря 1745 года въ Дрезденѣ. И на этотъ разъ не обратилъ онъ ни малѣйшаго вниманія на интересы союзной съ нимъ Франціи. Лудовикъ XV, извѣщенный впрочемъ о начатіи мирныхъ переговоровъ, не могъ конечно воспрепятствовать имъ и въ отвѣтѣ своемъ королю замѣтилъ только: „ваше величество можете сами лучше чѣмъ кто-нибудь другой давать себѣ мудрые совѣты; прислушивайтесь къ тому что̀ скажетъ вашъ умъ.“—„Вашему величеству угодно, отвѣчалъ Фридрихъ, чтобъ я руководился своимъ умомъ; я поступилъ по вашему желанію и умъ мой внушаетъ мнѣ какъ можно скорѣе окончить войну, которая, не имѣя прямой цѣли вслѣдствіе кончины императора Карла VII, причиняетъ лишь безполезное пролитіе крови; умъ говоритъ что пора мнѣ подумать о собственной безопасности, что многочисленная армія Московитовъ угрожаетъ мнѣ со стороны Курляндіи, что войска Трауна легко могли бы сдѣлать диверсію въ Саксонію, что вообще фортуна измѣнчива и что я не въ состояніи ожидать дѣйствительной помощи отъ своихъ союзниковъ.“ *

Послѣ Дрезденскаго мира война продолжалась еще почти цѣлые три года между Австріей и морскими державами съ одной стороны, Франціей и Испаніей съ другой. Русское правительство было раздражено конечно неудачною ролью которую разыграло оно при разгромѣ Саксоніи и это было одною изъ главныхъ причинъ того что въ самомъ началѣ 1746 года императрица Елисавета согласилась вступить въ переговоры о союзномъ договорѣ съ Вѣнскимъ дворомъ. На основаніи его Россія и Австрія обязывались, въ случаѣ если сдѣлано будетъ нападеніе на одну изъ нихъ, то другая двинетъ на помощь ей 30.000 войска (исключая нападенія на Россію со стороны Персіи, а на Австрію со стороны Италіи); король и республика польскіе приглашаются къ этому союзу, установленному на 25 лѣтъ, равно и король Англійскій въ качествѣ курфирста Ганноверскаго. Къ трактату

* *Pol. Corr.*, IV, 389—390.

присоединено было шесть секретныхъ статей: первая изъ нихъ (секретнѣйшая) гласила что если Турки нападутъ на одну изъ договаривающихся сторонъ, то другая немедленно объявитъ имъ войну; изъ остальныхъ статей особенную важность представляла четвертая, въ которой было сказано что хотя Марія-Терезія и отказалась отъ Силезіи и графства Глацъ, но не замедлитъ предъявить на нихъ свои права, если Прусскій король начнетъ войну съ нею; въ виду этой случайности обѣ договаривающіяся стороны должны держать наготовѣ по 30.000 войска, а затѣмъ, когда наступитъ дѣйствительная опасность, то вдвое болѣе, за что Вѣнскій дворъ уплатитъ Россіи два милліона гульденовъ. Трактатъ о которомъ идетъ рѣчь имѣлъ въ виду главнымъ образомъ Пруссію и не относился къ происходившей войнѣ уже потому что Пруссія перестала принимать въ ней участіе. Значеніе его было громадно: двѣ державы соединялись тѣсными узами для ясно обозначенной цѣли и этимъ самымъ обезпечили себѣ, какъ увидимъ, рѣшительное вліяніе на послѣдующія событія.

Война за австрійское наслѣдство прекратилась въ 1748 году, но неизвѣстно сколько времени было бы еще суждено продолжаться ей еслибы не вмѣшательство Россіи. Воюющія стороны были истощены до крайности, Голландіи угрожала опасность отъ Французовъ, успѣшно дѣйствовавшихъ въ австрійскихъ Нидерландахъ,—все это побудило морскія державы начать переговоры о томъ не согласится ли Русское правительство дать имъ вспомогательное войско. Въ 1747 году состоялась по этому поводу конвенція, сильно встревожившая Фридриха. Мысль о томъ что появленіе Русскихъ въ Европѣ можетъ совершенно измѣнить положеніе дѣлъ, что Австрія воспользуется этимъ для нападенія на него, не давала ему покоя и онъ уже разчитывалъ шансы предстоявшей борьбы. „Вы все повторяете, писалъ онъ Мардефельду, что Русскихъ нечего страшиться потому что у нихъ мало хорошихъ генераловъ и войска ихъ плохи; на это я отвѣчаю что въ настоящее время дѣло идетъ вовсе не о достоинствахъ русскихъ военачальниковъ, а о численности непріятеля. Если королева Венгерская заключитъ миръ съ Французами и рѣшится напасть на меня въ Силезіи, то она можетъ выставить по крайней мѣрѣ 60.000, къ которымъ присоединятся 20.000 Саксонцевъ, прибавьте къ этому 30.000 Русскихъ—вотъ уже 110.000. У меня 120.000, но вѣдь часть ихъ надо отдѣлить для содержанія гарнизоновъ, и какихъ же громадныхъ

расходовъ потребуетъ война! Затѣмъ если регулярныя русскія войска не внушаютъ мнѣ опасенія, то тѣмъ болѣе боюсь я казаковъ, Татаръ и всего этого люда. которые могутъ опустошить и выжечь цѣлую область въ какую-нибудь недѣлю, прежде чѣмъ успѣешь остановить ихъ. Вотъ почему я все-таки полагаю что было бы гораздо лучше выторговать миръ у злонамѣреннаго министра (ministre malintentionné), выплативъ ему отъ ста до двухсотъ тысячъ червонцевъ." Фридрихъ, какъ видимъ, постоянно возвышалъ сумму. Онъ не прочь былъ прибѣгнуть и къ другому отчаянному средству. „Если не удастся дѣйствовать подкупомъ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ Мардефельду, то необходимо вамъ подумать о революціи въ пользу того для кого она можетъ быть устроена" (il faut que vous pensiez absolument à une révolution à fair en faveur de qui elle puisse être). Одно время распространились слухи что не могло состояться соглашеніе между Россіей и морскими державами относительно русскаго вспомогательнаго корпуса, и Фридрихъ обольщалъ себя надеждой что это повлечетъ паденіе ненавистнаго ему канцлера: „онъ очутится въ невыносимомъ положеніи, ибо сдѣланы уже значительные расходы совершенно напрасно: какъ будетъ онъ объяснять императрицѣ неудачу предложеннаго имъ плана?" Войска однако двинулись за границу, извѣстная партія въ Петербургѣ сопровождала ихъ желаніями чтобъ они были разбиты, единственно для того чтобы погубить Бестужева! Со своей стороны Фридрихъ писалъ: „Мнѣ кажется что важному другу (Воронцову) слѣдовало бы привлечь къ себѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, съ цѣлью возбудить въ императрицѣ угрызенія совѣсти по поводу того что канцлеръ посылаетъ столько Русскихъ далеко за предѣлы ихъ отечества и заставляетъ ихъ проливать кровь за дѣло совсѣмъ чуждое интересамъ Россіи." *

Походъ совершился съ честью, подъ предводительствомъ Репнина. Достаточно было появленія русскихъ войскъ чтобы склонить противниковъ къ миру, хотя войскамъ нашимъ и не пришлось обнажить оружія. Ахенскій трактатъ 1748 года, укрѣпившій между прочимъ за королемъ Прусскимъ Силезію и графство Глацъ, не произвелъ такихъ существенныхъ измѣненій какихъ можно было ожидать отъ столь продолжительной борьбы; имъ заканчивался лишь первый актъ драмы, развязка коей была еще впереди.

* *Pol. Corr. V*, 516.

V.

„Для всей Европы, говоритъ Вольтеръ въ своей *Исторіи царствованія Людовика XV*, не было болѣе счастливаго времени какъ время отъ Ахенскаго мира до 1755 года. Торговля процвѣтала отъ Петербурга до Кадикса; изящныя искусства были въ почетѣ; между государствами господствовало благородное соревнованіе; Европа походила на семью члены коей сблизились послѣ долгихъ распрей.“ Слова эти доказываютъ только какъ мало политическаго смысла было у Вольтера и какія недостаточныя свѣдѣнія имѣлъ онъ о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ. По поводу настроенія господствовавшаго въ Европѣ слѣдовало бы напротивъ повторить слова сказанныя когда-то Прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, что нельзя высунуться изъ окна безъ каски на головѣ. Ахенскій миръ не удовлетворилъ никого, и болѣе всѣхъ недоволенъ былъ имъ Фридрихъ: „миръ этотъ невыгоднѣе всего что̀ только могло приключиться королю“ (cette paix est tout ce que pouvait arriver de plus désavantageux au roi), писала сестра его, шведская принцесса Ульрика. Не удалось расхитить австрійское наслѣдство, не удалось существенно ослабить Австрію,—правда, Силезія осталась за Пруссіей, но однимъ изъ печальныхъ послѣдствій этого важнаго пріобрѣтенія было то что Пруссія чувствовала себя совершенно изолированною. Отношенія къ Англіи были очень дурны и все предвѣщало что они должны еще ухудшиться вслѣдствіе возникшаго вопроса о вознагражденіи за убытки причиненные англійскими крейсерами прусской морской торговлѣ. На Французское правительство трудно было положиться: оно видимо сторонилось отъ своего бывшаго союзника, и даже графъ Сенъ-Северинъ, уполномоченный Людовика XV на Ахенскомъ конгрессѣ, вступившій послѣ того въ министерство, прямо заявилъ посланнику Фридриха Шамбріе и шведскому посланнику Шефферу что было бы лучше еслибъ они видались съ нимъ не такъ часто какъ прежде, иначе это можетъ скомпрометтировать Францію въ глазахъ Англіи.* Словомъ, Фридрихъ тяготился своимъ одиночествомъ,

---

* *Pol. Corr.* VI, 327—328.

а между тѣмъ противники его пользовались наступившимъ затишьемъ чтобы почти со всѣхъ сторонъ окружить его цѣпью союзовъ. Австрія и Россія успѣли привлечь къ состоявшемуся между ними въ 1746 году трактату Англію, хотя при этомъ король Георгъ II призналъ обязательнымъ для себя только самый трактатъ, а не секретныя и сепаратныя его статьи, одна изъ коихъ была направлена, какъ извѣстно, противъ Оттоманской Порты. Не такъ удачны были дѣйствія ихъ относительно Дрезденскаго двора, который ламятуя полученный имъ урокъ не хотѣлъ накликать на себя новую грозу и къ тому же былъ сдерживаемъ вліяніемъ на него Франціи, но ни для кого не были тайной тѣ чувства которыя онъ питалъ къ своему сосѣду.

Надежды улучшить свое положеніе въ Петербургѣ, казалось, совсѣмъ покинули Фридриха. Основаны онѣ были, какъ извѣстно, на томъ чтобы замѣнить канцлера Бестужева товарищемъ его Воронцовымъ. Въ 1745 году Воронцовъ вынужденъ былъ уѣхать за границу, и хотя многіе полагали въ то время что кредитъ его окончательно палъ при дворѣ, Фридрихъ былъ увѣренъ что обстоятельства не замедлятъ снова выдвинуть его впередъ. Таково было и мнѣніе Мардефельда, увѣрявшаго что вице-канцлеръ предпринялъ поѣздку по доброй волѣ, съ цѣлью „пріобрѣсти необходимыя для него свѣдѣнія и затѣмъ, по возвращеніи домой, открыто начать борьбу со своимъ соперникомъ“. Фридрихъ нетерпѣливо ожидалъ Воронцова, приказалъ даромъ возить его въ предѣлахъ своего государства, оказывалъ ему всевозможныя любезности, но при личномъ знакомствѣ видимо разочаровался въ немъ. Со своимъ геніальнымъ умомъ и умѣньемъ распознавать людей онъ тотчасъ же понялъ что притязанія Воронцова далеко не соотвѣтствуютъ его способностямъ. Правда, онъ нашелъ что Воронцовъ „одушевленъ самыми лучшими намѣреніями и сильно возбужденъ противъ канцлера“, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: „Воронцовъ—человѣкъ крайне робкій, удрученный мрачными и печальными мыслями и гораздо болѣе заботящійся о своемъ здоровьи чѣмъ о дѣлахъ своего отечества; я не возлагаю на него большихъ надеждъ“. * Конечно, продолжительныя бесѣды съ Прусскимъ королемъ и съ другими лицами—между прочимъ Воронцовъ сдѣлалъ значительный крюкъ чтобы

* *Pol. Corr.* V, 120—121.

посѣтить принцессу Цербстскую—не остались безъ слѣда: онъ вернулся съ болѣе чѣмъ когда-нибудь злыми намѣреніями противъ канцлера. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того Фридрихъ писалъ Мардефельду: „Увѣрьте графа Воронцова что я такъ много полагаюсь на его дружбу, опытность и искусство что никогда не предприму ничего не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ; онъ можетъ смѣло на это разчитывать.“ Въ Берлинѣ ожидали что вице-канцлеръ, явившись въ Петербургъ, тотчасъ же начнетъ дѣйствовать, но проходили недѣли и мѣсяцы, а дѣятельность его не проявлялась ни въ чемъ. Онъ получалъ безпрерывно разные совѣты и не былъ въ состояніи воспользоваться ими. Такъ напримѣръ когда пронесся слухъ о женитьбѣ сына Бестужева на племянницѣ графа А. Г. Разумовскаго, тщетно Фридрихъ убѣждалъ Воронцова подѣйствовать на фаворита чтобы тотъ выбралъ женихомъ для своей родственницы сына Румянцева, „очень краснваго, по слухамъ, молодаго человѣка“. Многія другія указанія въ томъ же родѣ оставались безъ послѣдствій. „Признаюсь, писалъ Фридрихъ, крайне прискорбно мнѣ что кредитъ этого достойнаго человѣка нисколько не улучшается и онъ не въ состояніи оказать даже самой ничтожной услуги своимъ друзьямъ.“ Дѣйствительно, положеніе его было незавидно; вернувшись въ Петербургъ онъ вступилъ въ исправленіе своей должности, но не замедлилъ убѣдиться что все главное и существенное идетъ помимо его; Пецольдъ извѣщалъ отъ 4 ноября 1747 года что Бестужевъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приглашалъ Воронцова на происходившія по пятницамъ конференціи съ иностранными посланниками, сосредоточилъ у себя всю работу въ канцеляріи, а ему посылалъ лишь кое-какія бумаги по своему выбору. Все это конечно дѣлалось съ вѣдома имлератрицы,—дѣлалось потому что сильныя подозрѣнія тяготѣли надъ Воронцовымъ, какъ видно между прочимъ изъ допросныхъ пунктовъ Лестоку, напримѣръ изъ слѣдующаго: „Извѣстно что во время бывшей здѣсь съ морскими державами негоціаціи о перелущеніи имъ помощнаго корпуса, ты старался всѣ тайности, особливо же о секретныхъ артикулахъ оной, у вице-канцлера свѣдать и о всемъ томъ прусскому посланнику пересказывалъ; и понеже не токмо съ вѣдома вице-канцлера ты то дѣлалъ, но, какъ извѣстно уже и доказано, онъ и самъ прусскому министру такія открытія чинилъ, съ тобою жь бывъ въ тѣсной

дружбѣ, ничего отъ тебя не скрывалъ, то ты долженъ объявить, какимъ образомъ вице-канцлеръ королю Прусскому преданъ и какія онъ еще болѣе откровенія чинилъ?“ Воронцовъ еще въ 1747 году обратился къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ старался убѣдить ее что страдаетъ совершенно безвинно и умолялъ ее перемѣнить гнѣвъ на милость. „Я сердцевѣдца Бога во свидѣтели представляю и себя на Его страшный и праведный судъ предаю, говорилъ онъ, что какъ до сего несчастнаго моего чина вице-канцлера вашему императорскому величеству вѣрный и истинный рабъ былъ, столь болѣе нынѣ въ семъ чину желаю себя достойнымъ учинить вящей высочайшей милости вашего величества. Я никакого пристрастія и ненависти ни къ какому иностранному государю не имѣлъ, не имѣю и впредь имѣть не буду; они всѣ у меня дотолѣ въ почтеніи содержатся, доколѣ къ вашему императорскому величеству въ искренней дружбѣ и любви пребудутъ.“ Вице-канцлеръ, „преклоняя колѣна предъ стопами“ государыни, заклиналъ ее „разрѣшить его отъ несчастной анаѳемы“, но просьба не достигла цѣли, и императрица попрежнему продолжала отговариваться тѣмъ что напрасно онъ воображаетъ будто находится въ немилости. Но немилость была очевидна. Все болѣе и болѣе устраняемъ былъ онъ отъ дѣлъ. „Чтобы сказать правду, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Петербургѣ, я не вижу какую пользу приносятъ свѣдѣнія которыя сообщаетъ намъ важный другъ, и его мелкія интриги; еслибы продолжалъ я выдавать ему содержаніе, то это значило бы все равно что бросать за окно деньги.“ *

Положеніе Мардефельда при Русскомъ дворѣ давно уже сдѣлалось невыносимымъ. Онъ не скомпрометтировалъ себя такъ явно и такъ грубо какъ Шетарди, но не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію что онъ былъ душой всѣхъ интригъ направленныхъ противъ нашей политики. Еще въ 1746 году, вскорѣ по заключеніи союзнаго договора съ Австріей, императрица Елисавета потребовала отозванія его изъ Россіи, но Фридрихъ подъ всякими предлогами медлилъ, ибо трудно было ему найти другаго человѣка который такъ хорошо зналъ бы петербургское общество. Лишь лѣтомъ 1747 года прибылъ преемникъ Мардефельда, Финкенштейнъ, состоявшій предъ тѣмъ при Стокгольмскомъ дворѣ. Въ данной ему инструкціи **

---

* *Pol. Corr.* VI, 269.

** *Pol. Corr.* V, 293—295.

говорилось что „такъ какъ графъ Бестужевъ повидимому болѣе чѣмъ когда-нибудь упрочилъ свое вліяніе, то слѣдуетъ употребить все что̀ только человѣчески возможно (tout ce qui est humainement possible) чтобы склонить русскаго канцлера къ интересамъ короля, внушить ему болѣе расположенія къ его величеству, а баронъ Мардефельдъ укажетъ какими средствами можно лучше достигнуть этой цѣли и чрезъ кого именно надо дѣйствовать на него,—чрезъ его ли родственниковъ, чрезъ креатуръ или приверженцевъ“: средства были тѣ же самыя на которыя и прежде возлагалъ Фридрихъ столько надеждъ, а именно подкупъ. Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Петербургъ Финкенштейнъ убѣдился что вліяніе Бестужева почти безгранично. „Императрица, писалъ онъ, имѣла большія обязательства относительно Франціи, и канцлеръ заставилъ ее забыть ихъ; она питала дружбу и уваженіе къ вашему величеству, и канцлеръ умѣлъ внушить ей недовѣріе и холодность къ вамъ; она желала добра Шведамъ, любила Шведскаго наслѣднаго принца: канцлеръ измѣнилъ въ ней эти чувства на ненависть и раздраженіе; она ненавидѣла Вѣнскій дворъ и благодаря канцлеру сдѣлалась теперь совершенно Австрійкой; она трепетала мысли отдать кому-нибудь на иждивеніе свои военныя силы, но канцлеръ побудилъ ее принять англійскія и голландскія субсидіи; она была расположена къ Голштинскому дому, относилась враждебно къ Даніи, но совершенно измѣнила теперь эти чувства вслѣдствіе стараній того же канцлера.“ * Бороться съ Бестужевымъ было поэтому труднѣе чѣмъ когда-нибудь и не предвидѣлось чтобы какія-либо другія средства могли заставить его измѣнить свою политику. „По моему мнѣнію, говорилъ Мардефельдъ, было бы гораздо лучше еслибы графъ Финкенштейнъ обратился прямо къ самому канцлеру; пусть при этомъ, расточая ему всякія любезности, онъ взвалитъ всю вину на меня, пусть увѣряетъ его что я ненавистными своими извѣтами воспрепятствовалъ королю обнаружить ему полное довѣріе. Я не буду нисколько въ претензіи на подобный образъ дѣйствій и одобряю его ото всего сердца.“ **

Конечно и эта уловка была пущена въ ходъ новымъ посланникомъ, но не могла увѣнчаться успѣхомъ по той

---

* *Koser., Preus. Jahrbücher*, XLVII, 297.

** Тамъ же, 294.

причинѣ что расположеніе канцлера нужно было Фридриху для осуществленія своихъ цѣлей, а цѣли эти, какъ увидимъ, отнюдь не соотвѣтствовали интересамъ Россіи. „Мнѣ не остается ничего болѣе, доносилъ Финкенштейнъ отъ 2 сентября 1747 года, какъ поддерживать связи съ нашими прежними друзьями, узнавать отъ нихъ о всемъ что̀ происходитъ и терпѣливо выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ".

Но подобный образъ дѣйствій не удовлетворялъ Фридриха, въ умѣ коего созрѣли планы, которые проводилъ онъ чрезвычайно настойчиво еще прежде Ахенскаго мира и особенно послѣ 1748 года. Взоры его обращены были на Швецію. Въ письмахъ своихъ онъ не переставалъ повторять что Шведскій вопросъ имѣетъ преобладающую важность, что на немъ главнымъ образомъ должно быть сосредоточено вниманіе. Король Шведскій, котораго Фридрихъ Великій сравнивалъ съ неспособнымъ къ службѣ офицеромъ, очень довольнымъ тѣмъ что получилъ мѣсто городничаго,* былъ одержимъ тяжкою болѣзнью: безпрерывно ожидали его кончины, и уже носились слухи что съ воцареніемъ его преемника Адольфа-Фридриха долженъ совершиться важный переворотъ во внутреннемъ управленіи страны, будетъ утверждено самодержавіе. Прусскій король былъ чрезвычайно заинтересованъ въ этомъ. Тѣсный союзъ со Швеціей казался ему громаднымъ пріобрѣтеніемъ, и еще въ 1746 году писалъ онъ Подевильсу: „Пусть нашъ посланникъ разкажетъ наслѣдному принцу извѣстную басню о какомъ-то молодцѣ который задумалъ вырвать хвостъ у лошади, схватилъ его обѣими руками и сталъ тащить изо всѣхъ силъ; разумѣется, это не привело ни къ чему, но когда онъ началъ вырывать одинъ волосъ за другимъ, то достигъ своей цѣли. Смыслъ басни очень ясенъ; Россія желаетъ зла одинаково и Пруссіи и Швеціи; дѣйствуя противъ той и другой порознь, она можетъ причинить имъ много вреда, но если мы соединимся, то принуждена будетъ уважать насъ".** Старанія Фридриха увѣнчались успѣхомъ. Въ 1747 году заключилъ онъ со Швеціей оборонительный союзъ, но въ сущности едва ли могъ считать это значительною побѣдой въ

---

* Il considérait son poste à peu près comme un vieux lieutenant-colonel regarde un petit gouvernement qui procure une retraite honorable (*Oeuvres*, II, 18).

** *Pol. Corr.* V, 59—60.

виду того печальнаго положенія въ какомъ находилась означенная страна. По внутреннему своему устройству она много приближалась къ Польшѣ, безначаліе господствовало повсюду, король не могъ сдѣлать ни одного шага безъ согласія сената, но кромѣ того и онъ самъ и сенатъ подлежали контролю тайной коммиссіи назначавшейся общимъ собраніемъ сословій: въ сущности власть сосредоточивалась въ рукахъ продажной, дошедшей до крайняго растлѣнія аристократіи. При такомъ порядкѣ вещей нельзя было много полагаться на Швецію; вотъ почему Фридрихъ такъ ревностно желалъ чтобы возстановлено было тамъ самодержавіе, тѣмъ болѣе что самодержавнымъ королемъ долженъ былъ сдѣлаться принцъ находившійся съ нимъ въ близкомъ родствѣ. Въ маѣ 1748 года Финкенштейнъ писалъ ему изъ Петербурга: „Кончина короля Шведскаго, повидимому очень близкая въ виду удручающихъ его болѣзненныхъ припадковъ, будетъ имѣть громадное значеніе для всего Сѣвера. Несомнѣнно что здѣшніе министры, какъ только узнаютъ о событіи, не поскупятся на обычныя свои бравады относительно Швеціи и употребятъ всѣ старанія чтобъ усилить свою партію и пріобрѣсти вліяніе въ сеймѣ. Это очень понятно съ ихъ стороны, ибо они уже знаютъ что непремѣнно будетъ возбужденъ вопросъ о перемѣнѣ формы правленія. Но если Шведы примутся за дѣло съ толкомъ, то они устроятъ его съ надлежащею быстротой, такъ что все кончится въ теченіе нѣсколькихъ дней и можно будетъ сослаться на совершившійся фактъ. Иначе Россія непремѣнно вмѣшается, тѣмъ болѣе что имѣетъ для этого и предлогъ, такъ какъ по Ништадтскому миру гарантировала существующую нынѣ въ Швеціи форму правленія. Если смерть короля послѣдуетъ именно теперь, то это будетъ особенно благопріятно въ виду того что 30.000 Русскихъ находятся въ заграничномъ походѣ“. Фридрихъ соглашался что дѣйствительно трудно было бы выбрать болѣе удобную минуту и почти негодовалъ на Шведскаго короля зачѣмъ не сходитъ онъ въ могилу. „Было бы желательно чтобы старый Сатурнъ убрался поскорѣе (il serait à desirer que le vieux Saturne decampât bientôt), писалъ онъ сестрѣ своей наслѣдной принцессѣ Ульрикѣ; почти каждый изъ героевъ жилъ годомъ долѣе чѣмъ слѣдовало бы для его славы, но этотъ простираетъ наглость (impertinence) ужь

не на одинъ годъ, а на цѣлый рядъ лѣтъ." * Въ ожиданіи смерти короля Фридрихъ совѣтовалъ наслѣдному принцу выхлопотать у сената значительную прибавку на содержаніе своего двора, а достигнувъ этого, соблюдать строгую экономію чтобъ имѣть средства пріобрѣсти приверженцевъ; онъ указывалъ ему на Англійскаго короля, „который, откладывая ежегодно извѣстную часть своихъ доходовъ, очень успѣшно производитъ подкупы въ парламентѣ". Тонъ его писемъ становился все настойчивѣе. „Надѣюсь, писалъ онъ прусскому посланнику въ Стокгольмѣ Роду, что сестра моя не ограничится словами; необходимо чтобы въ желанную минуту батареи были у нея на готовѣ, чтобы не допущено было ни малѣйшаго промежутка между кончиной короля и осуществленіемъ ея плановъ. Поддерживайте ее энергически въ этомъ настроеніи."

Но если Фридрихъ желалъ переворота въ Швеціи, то Россія никакъ не могла допустить этого. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ** онъ объяснялъ такимъ образомъ политику Бестужева по Шведскому вопросу: „Настоящая причина почему Бестужевъ столь сильно возстановленъ противъ Швеціи заключается въ задушевномъ его желаніи чтобъ эта страна очутилась въ такомъ же подчиненіи Россіи въ какомъ находится теперь Польша. Онъ началъ заботиться объ этомъ еще въ первые годы царствованія имлератрицы Елисаветы, но лишь только узналъ что Швеція заключила со мною союзъ, къ которому присоединилась и Франція, то пришелъ въ неописанную ярость; онъ чувствовалъ что Швеція ускользаетъ отъ него, что трудно ему возстановить тамъ свое вліяніе, и вотъ почему старается онъ теперь увѣрить будто серіозно встревоженъ *какими-то замыслами* измѣнить шведское государственное устройство; все это съ его стороны не болѣе какъ предлогъ чтобы завербовать себѣ какъ можно болѣе приверженцевъ въ Стокгольмѣ." Письмо это относится уже къ осени 1749 года, когда въ образѣ мыслей короля—по причинамъ о которыхъ скажемъ сейчасъ—произошелъ рѣзкій поворотъ, когда онъ началъ удерживать Шведское правительство ото всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ такъ быстро вошелъ въ новую роль что утверждалъ

---

* *Pol. Corr.* V, 424.

** *Pol. Corr.* VII, 150.

будто никто и не думалъ о перемѣнѣ формы правленія въ Швеціи, будто онъ самъ, по крайней мѣрѣ, никогда не высказывался въ этомъ смыслѣ; но мы видѣли насколько тутъ было правды. Фридрихъ отступилъ, ибо убѣдился что не будетъ имѣть союзниковъ противъ Россіи; онъ разчитывалъ что удастся исполнить интересовавшій его планъ прежде чѣмъ Русское правительство приметъ мѣры, что оно будетъ застигнуто врасплохъ, а между тѣмъ изъ Петербурга получались извѣстія о значительныхъ вооруженіяхъ, о передвиженіи нашихъ войскъ на границу Финляндіи; мало того, Фридрихъ узналъ что Бестужевъ возбудилъ даже въ Копенгагенѣ вопросъ о томъ чтобъ отстранить отъ престола наслѣднаго принца Альфонса-Фридриха и доставить корону принцу Фридриху Гессенскому, зятю Англійскаго короля Георга II. Все предвѣщало слѣдовательно войну еслибы не была устранена мысль о государственномъ переворотѣ въ Швеціи, но ни Пруссія по своему изолированному положенію, ни Швеція вслѣдствіе своихъ внутреннихъ неурядицъ не могли желать войны. Поэтому Фридрихъ вдругъ обратился къ сестрѣ своей принцессѣ Ульрикѣ съ письмомъ* долженствовавшимъ не мало удивить ее послѣ всѣхъ тѣхъ увѣщаній которыя она получала отъ него. „Политическое искусство, говорилъ онъ, состоитъ, любезная сестра, главнымъ образомъ въ томъ чтобы примѣняться къ обстоятельствамъ, не отступать предъ отважными рѣшеніями въ одно время и дѣйствовать уклончиво въ другое. Надо сознаться что телерешнее положеніе Европы отнюдь не благопріятно для задуманнаго вами плана.“ Подробно доказывалъ онъ что нельзя ожидать поддержки со стороны какой бы то ни было державы. Франція „всегда старалась пользоваться своими союзниками для достиженія своихъ цѣлей, льстить имъ когда ей нужно и пренебрегать ими когда они безполезны для нея“; такъ поступала она и относительно Швеціи; къ тому же Французское правительство слишкомъ дорожитъ только-что состоявшимся миромъ чтобы пуститься въ новыя предпріятія. Фридрихъ имѣлъ уже доказательства этого: онъ освѣдомился какой политики намѣренъ держаться Версальскій дворъ и получилъ отвѣтъ въ которомъ много говорилось о „тираніи Россіи надъ ея сосѣдями“, выражена была готовность поднять противъ Россіи

* *Pol. Corr.* VI, 242—243.

Турокъ, но не заключалось ни слова о какихъ бы то ни было обязательствахъ со своей стороны. Ошибочно было бы возлагать надежды и на Оттоманскую Порту. Французскій посланникъ въ Константинополѣ Дезальёръ хлопоталъ чтобы султанъ вступилъ въ союзъ съ Пруссіей и уже представленъ былъ проектъ этого союза, выработанный въ Берлинѣ, но Турки противопоставили ему свой проектъ, о которомъ Фридрихъ писалъ: „рѣшительно не вижу какую пользу можно было бы извлечь мнѣ изъ подобнаго соглашенія, ибо въ сущности оно почти ни къ чему не обязываетъ Турокъ; они мнѣ нужны главнымъ образомъ противъ Австріи, которая не замедлитъ явиться на помощь Россіи, а именно объ этомъ они и не хотятъ слышать.“ * На основаніи изложенныхъ здѣсь соображеній, Фридрихъ не переставалъ съ конца 1749 года доказывать принцессѣ Ульрикѣ что нечего и помышлять объ установленіи самодержавія въ Швеціи, что надо отложить этотъ планъ до болѣе удобнаго времени, что благоразуміе требуетъ заботиться лишь о томъ чтобъ обезпечить спокойное вступленіе на престолъ Адольфа-Фридриха, а для этого слѣдуетъ держаться уклончивой политики относительно Россіи. „Не забудьте, говорилъ онъ, что при крайнемъ разстройствѣ своихъ финансовъ Швеція не въ состояніи вести сколько-нибудь продолжительную войну, армія ваша нуждается въ коренномъ преобразованіи и нѣтъ у васъ ни одного способнаго генерала которому вы могли бы ввѣрить начальство надъ нею. До тѣхъ поръ пока все это явится у васъ, храните въ тайнѣ ваши намѣренія и обнаружьте ихъ лишь когда будете достаточно сильны.“ **

Но примирившись съ неудачей своей интриги, Фридрихъ имѣлъ возможность убѣдиться что если никакая держава не оказала бы ему поддержки, то съ другой стороны ни одна изъ нихъ не желала поощрять и Россію, еслибы Россія прибѣгла къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи. Въ Европѣ тотчасъ по прекращеніи продолжительной войны ощущалась потребность хоть во временномъ отдыхѣ. Впрочемъ Русское правительство и не думало нарушать миръ; политика его была ясна какъ нельзя болѣе; цѣлью этой политики было не

---

* О переговорахъ съ Турціей см. письма Фридриха въ VII томѣ *Pol. Corr.*, особенно мемуаръ сообщенный маркизу Валори, 230—232.

** *Pol. Corr.* VI, 260.

допустить по смерти короля государственнаго переворота въ Швеціи, низвергнуть министерство, слишкомъ явно сочувствовавшее этому плану, и содѣйствовать тому чтобы новый государь окружилъ себя людьми совершенно другаго направленія. Россія возвысила свой голосъ какъ только замѣтила опасность. Въ 1749 году посланникъ нашъ при Стокгольмскомъ дворѣ Н. И. Панинъ представилъ декларацію противъ возстановленія самодержавія въ Швеціи,—декларацію написанную твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, не оставлявшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія что Россія не допуститъ подобнаго замысла. Такихъ деклараций было три; каждая вызывала отвѣтъ со стороны Шведскаго правительства, * которое упорно отрицало приписываемыя ему намѣренія, но считало оскорбительнымъ для себя дать формальное обязательство въ видѣ международной конвенціи что никогда и впредь не посягнетъ оно на существовавшую конституцію. Фридрихъ воспользовался этими переговорами для хитраго маневра: онъ очень хорошо зналъ что дѣло не дойдетъ до войны, онъ повторялъ это во всѣхъ своихъ письмахъ, тѣмъ безопаснѣе было для него дать такой оборотъ дѣлу будто страшная опасность угрожаетъ Швеціи отъ неломѣрнаго властолюбія Россіи и будто онъ готовъ ополчиться для огражденія своей союзницы. Всѣмъ представителямъ своимъ при иностранныхъ дворахъ разослалъ онъ циркуляръ извѣщавшій ихъ о томъ что онъ считаетъ необходимымъ начать военныя приготовленія; вслѣдъ затѣмъ обратился онъ къ Русскому правительству съ заявленіемъ въ которомъ выражалъ надежду что императрица Елисавета удовольствуется объясненіями Стокгольмскаго кабинета, не доведетъ распрю до послѣдней крайности,—иначе пришлось бы ему поневолѣ исполнить обязательства возложенныя на него союзнымъ трактатомъ со Швеціей. Версальскій дворъ согласился поддержать его декларацией въ такомъ же смыслѣ. Фридрихъ торжествовалъ; онъ хотѣлъ увѣрить будто удалось ему образовать нѣчто въ родѣ коалиціи противъ Россіи, удалось остановить ее угрозой что она будетъ имѣть дѣло съ соединенными силами Пруссіи, Франціи, Швеціи и быть-можетъ даже Турціи. „Теперь, говорилъ онъ маркизу Валари, можно быть спокойнымъ; пусть умретъ Шведскій король, Русскіе не предпримутъ ничего: voilà, mon ami, un jeu d'échecs bien arrangé.“

---

* Подробности см. у Соловьева, *Ист. Россіи*, т. XXIII, гл. 1.

Король Шведскій скончался 25 марта 1751 года, и наслѣдный принцъ Адольфъ-Фридрихъ, принимая корону, далъ клятвенное обѣщаніе считать государственными измѣнниками и своими непріятелями всѣхъ тѣхъ кто будетъ стремиться къ измѣненію государственнаго устройства. На чьей же сторонѣ оказалась побѣда? Россія могла бы считать себя побѣжденною лишь въ томъ случаѣ еслибы дѣйствительно имѣла въ виду поработить Швецію, но подобные планы приписывались ей только Фридрихомъ, а сама она никогда не обнаруживала ихъ; напротивъ, онъ лелѣялъ мысль о возстановленіи самодержавія въ Швеціи, но теперь долженъ былъ радоваться уже тому что наслѣдный принцъ водворился на прежнихъ условіяхъ. Дипломатическій походъ, который старался онъ устроить противъ Россіи, причинилъ ему только вредъ, ибо въ Петербургѣ были справедливо раздражены принятою имъ на себя ролью.

Съ этого времени отношенія двухъ дворовъ окончательно испортились. Финкенштейнъ доносилъ что ему нельзя оставаться въ Петербургѣ, что императрица не допускаетъ его къ себѣ и канцлеръ почти не говоритъ съ нимъ. Если онъ узнавалъ что-нибудь, то чрезъ другихъ посланниковъ, а самъ не пользовался ни малѣйшимъ вліяніемъ. Онъ былъ замѣненъ Гольцемъ, человѣкомъ болѣзненнымъ, только и помышлявшимъ о томъ какъ бы ему поскорѣе убраться изъ Россіи. Весной 1749 года умерла невѣстка Бестужева, племянница Разумовскаго, и у Фридриха мелькнула надежда, не повлечетъ ли это за собой низверженіе канцлера. „Изъ депешъ вашихъ вижу, писалъ онъ Гольцу, что Воронцовъ, удрученный немилостью императрицы, думаетъ удалиться отъ дѣлъ; сообщите ему что я умоляю его вооружиться терпѣніемъ, повременить, ибо мнѣ положительно извѣстно что канцлеръ въ высшей степени встревоженъ кончиной жены своего сына. По всему вѣроятію это отразится на отношеніяхъ его ко графу Разумовскому, и Воронцовъ долженъ былъ бы употребить всѣ старанія чтобы пріобрѣсти расположеніе фаворита.“ Фридрихъ придавалъ значеніе даже самымъ ничтожнымъ мелочамъ которыя могли повредить ненавистному ему министру: такъ напримѣръ получилъ онъ извѣстіе что лакеи какого-то богатаго иностранца въ Петербургѣ, Миллера, избили камердинера Бестужева; канцлеръ вспылилъ и намѣревался привлечь самого Миллера къ отвѣту, а тотъ бросился

искать покровительства у П. И. Шувалова. Тотчасъ же Фридрихъ отправляетъ къ своему посланнику въ Парижѣ, баро-ну Шамбріе, письмо, въ которомъ мы съ удивленіемъ встрѣчаемъ слѣдующія строки: „Извѣстите г. Пюизьё (французскаго министра иностранныхъ дѣлъ), но только умоляя его сохранить это въ величайшей тайнѣ, что произошло событіе которое можетъ имѣть важныя послѣдствія для общаго хода дѣлъ“, и затѣмъ начинается подробный разказъ о подравшихся лакеяхъ, о вмѣшательствѣ въ это дѣло Петра Шувалова и пресловутой жены его Мавры Егоровны... Но „событіе“ не отразилось на судьбахъ Европы, и Бестужевъ не переставалъ завѣдывать русскою политикой. Странное дѣло, Фридрихъ былъ убѣжденъ что отношенія его къ Россіи зависятъ отъ личности одного человѣка, что еслибы не Бестужевъ, то ему удалось бы измѣнить настроеніе императрицы, но по непостижимому противорѣчію прибѣгалъ къ такимъ дѣйствіямъ которыя должны были очень невыгодно для него отражаться на самой Елисаветѣ. Примѣромъ можетъ служить возбужденный лично ею вопросъ о возвращеніи на родину русскихъ рослыхъ солдатъ, отданныхъ на службу прускому королю Фридриху-Вильгельму I; посланникъ нашъ въ Берлинѣ графъ Чернышевъ доносилъ * что эти несчастные безпрерывно одолѣвали его просьбами что уже нѣсколько лѣтъ сряду лишены были возможности говѣть и пріобщаться Св. Таинъ, что единственною для нихъ радостью было бы на старости лѣтъ снова увидать отечество. Елисавета, при своей набожности, отнеслась очень сочувственно къ ихъ участи и приказала начать о нихъ переговоры, но Фридрихъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ. „Предположимъ даже, писалъ онъ своему посланнику въ Петербургѣ, что я снискалъ бы личное расположеніе императрицы, къ чему это послужило бы мнѣ?“ Очевидно Фридрихъ продолжалъ думать что Елисавета при своей безпечности не въ состояніи обнаруживать послѣдовательнаго и рѣшительнаго вліянія на дѣла, что она слѣпо подчинялась людямъ умѣвшимъ руководить ею и не обращалъ вниманія что все болѣе и болѣе развивалось у нея чувство ненависти къ нему, которое самые довѣренные ея совѣтники должны были принимать въ разчетъ.

---

* См. *Русскій Архивъ* 1866, стр. 1539.

Достаточно было сколько-нибудь значительнаго случая чтобъ окончательно поссорить его съ императрицей. Случай этотъ представился осенью 1750 года: представитель нашъ при Берлинскомъ дворѣ Россъ жаловался что король высказалъ ему явное презрѣніе на какомъ-то, празднествѣ происходившемъ во дворцѣ, пригласивъ къ ужину всѣхъ министровъ за исключеніемъ его. Бестужевъ предложилъ для предупрежденія на будущее время „такихъ короля Прусскаго презрительныхъ поступковъ и показанной чрезъ то весьма чувствительной образы (оскорбленія)“ немедленно отозвать Росса. Въ то время Гольца уже не было въ Петербургѣ; мѣсто его занималъ секретарь прусскаго посольства Варендорфъ, которому сообщена была декларація излагавшая причины столь рѣшительнаго поступка. Варендорфъ такъ перепугался что не хотѣлъ принять означенную декларацію, старался насильно вложить ее въ карманъ явившагося къ нему чиновника, затѣмъ по почтѣ прислалъ ее къ канцлеру, который по почтѣ же препроводилъ ее къ нему въ Берлинъ *.

Дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прерваны, а еще прежде того прекратились они съ Франціей. Фридрихъ лишенъ былъ возможности получать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о томъ что происходило въ Петербургѣ. До начала Семилѣтней войны неоднократно дѣлалъ онъ шаги къ примиренію, но всякій разъ попытки эти оказывались тщетными. Такъ напримѣръ въ 1754 году полковникъ нашей службы Лейтрумъ доносилъ ** что при проѣздѣ своемъ чрезъ Потсдамъ узналъ онъ отъ прусскаго генералъ-адъютанта Буденброка о желаніи короля видѣться съ нимъ. Буденброкъ съ большими предосторожностями провелъ его во дворецъ, гдѣ Фридрихъ долго бесѣдовалъ съ нимъ, обсуждалъ по пунктамъ всѣ причины неудовольствія противъ него Русскаго двора и старался опровергнуть ихъ. „Король, говорилъ Лейтрумъ, желалъ чрезъ меня дать знать о своихъ склонностяхъ и всегдашнемъ намѣреніи къ содержанію добраго согласія, не взирая на всѣ противныя разглашенія; его величество прибавилъ къ тому еще сіе, что завѣщаніе Петра Великаго есть неоспоримымъ доказательствомъ что польза Россіи

---

* См. Мартенса *Собр. тракт.*, V, 363.

** См. *Архивъ кн. Воронцова*, IV, 46—48.

велитъ быть въ соглассіи съ Прусіей,* что для сего онъ ничего не требуетъ, а готовъ со своей стороны дать; что онъ былъ бы весьма радъ ежелибъ ему позволено было въ Петербургъ послать въ тайнѣ кого-нибудь, который могъ бы изъявить его намѣренія, но что онъ не можетъ отважиться на то безъ надлежащаго пачпорта, опасаясь для акредитованной имъ особы какого-либо приключенія или омбража.“ Порученіе данное Лейтруму не имѣло успѣха, да и вообще выборъ лица сдѣланъ былъ, кажется, очень неудачно. Французскій посланникъ Ла-Тушъ, которому Фридрихъ сообщилъ о своей попыткѣ, писалъ въ Парижъ: „Если это тотъ самый баронъ Лейтрумъ который въ послѣднюю войну былъ адъютантомъ Буденброка и которому вѣжливо предложили выйти въ отставку, то напрасно король обратился къ нему. Нельзя не удивляться что столь просвѣщенный государь обнаруживаетъ довѣріе къ такому пустѣйшему человѣку. Я зналъ его въ Швабіи: это лгунъ, хвастунъ, негодяй въ полномъ смыслѣ слова, которому лишь случайно удалось потомъ опредѣлиться въ русскую службу“. Нѣсколько времени спустя, а именно въ маѣ 1755 года, графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ проѣзжалъ чрезъ Франкфуртъ-на-Одерѣ. Извѣстно что къ брату своему канцлеру питалъ онъ непримиримую вражду изъ семейныхъ разчетовъ; недоброжелатели знаменитаго министра, особенно Воронцовъ, старались всячески поддерживать эту распрю; еще во время Лопухинскаго дѣла, Михаилъ Бустужевъ, находившійся въ опалѣ потому что жена его была замѣшана въ этомъ дѣлѣ, обратился къ „женерозному сердцу“ Воронцова и встрѣтилъ въ немъ поддержку; переписка ихъ, напечатанная въ *Архивѣ князя Воронцова*, показываетъ что съ тѣхъ поръ никогда не прерывались тѣсныя

---

* По поводу завѣщанія Петра Великаго любопытно что нашъ посланникъ при Берлинскомъ дворѣ графъ Кейзерлингъ, относившійся вообще недружелюбно къ политикѣ Фридриха, соглашался однако въ разговорѣ съ Подевильсомъ что было бы хорошо еслибы между Россіей и Пруссіей установился союзъ выгодный для обѣихъ странъ. „При этомъ, доносилъ Подевильсъ, онъ замѣтилъ что самъ видѣлъ (?) собственноручную записку императора Петра (il se souvenait d'avoir vu lui-même un manuscrit de la propre main de l'empereur Pierre le grand). содержавшую основныя правила для его преемниковъ, въ которой между прочимъ онъ совѣтовалъ поддерживать дружбу съ Пруссіей“. См. *Pol. Corr.*, IV, 412.

ихъ сношенія. Неудивительно что и въ политическихъ вопросахъ Михаилъ Бестужевъ склонялся на сторону вице-канцлера,—это видно между прочимъ изъ разговоровъ которые проѣздомъ чрезъ Франкфуртъ велъ онъ съ находившимся тамъ старымъ своимъ знакомымъ фельдмаршаломъ Швериномъ. Онъ разказывалъ ему что возвращается на родину противъ желанія своего брата, о которомъ отзывался вообще съ большимъ ожесточеніемъ, а также противъ желанія дворовъ Вѣнскаго, Лондонскаго и Дрезденскаго. но разчитываетъ на вполнѣ благосклонный пріемъ со стороны императрицы: именно по той причинѣ что она расположена къ нему, означенные дворы и не желали бы видѣть его въ Петербургѣ. Примиреніе Россіи съ Пруссіей было бы громовымъ ударомъ какъ для нихъ, такъ и для канцлера, но онъ не задумывается предложить свои услуги съ этою цѣлью. Пусть Шверинъ напишетъ королю, — если намѣренія его искренни, то можно будетъ уладить дѣло при помощи Воронцова. Фридрихъ разумѣется поспѣшилъ отвѣчать что будетъ безконечно благодаренъ Бестужеву, что ничего такъ не домогается онъ какъ сближенія съ Россіей, которой всегда желалъ добра, но всѣ поступки его были умышленно выставляемы императрицѣ въ ненавистномъ свѣтѣ *. Но и эти переговоры остались безъ слѣда. Очевидно Бестужевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, понялъ что почва не благопріятна для нихъ.

Въ разговорѣ съ Лейтрумомъ Фридрихъ выразился что „никого другаго знать не желаетъ кромѣ господина вице-канцлера“, только чрезъ него хотѣлъ бы возстановить свои сношенія съ Петербургскимъ дворомъ, но едва ли онъ самъ считалъ это возможнымъ, ибо былъ убѣжденъ что канцлеръ пользуется безграничнымъ вліяніемъ. Повидимому въ началѣ пятидесятыхъ годовъ это дѣйствительно было такъ: чего недоставало Бестужеву? Не только преодолѣлъ онъ козни враждебныхъ его политикѣ державъ, но Россія прервала съ ними дипломатическія сношенія, не было при дворѣ иностранныхъ посланниковъ которые могли бы вредно вліять на императрицу и подкупами составлять себѣ партіи въ средѣ окружавшихъ ее лицъ. Племянникъ вице-канцлера, графъ Александръ Романовичъ, описываетъ въ своей автобіографіи такимъ

---

* Kover. *Preus. Jahrbücher*, XLVII, 478—479.

образомъ свои впечатлѣнія въ это время: „Въ домѣ дяди мнѣ случалось встрѣчать иностранныхъ министровъ; нѣкоторые изъ нихъ были такъ любезны что приглашали меня посѣщать ихъ, и дядя разрѣшалъ мнѣ это, хотя между ними и русскимъ обществомъ существовало нѣчто въ родѣ преграды (une espèce de barrière) особенно съ тѣхъ поръ какъ былъ высланъ маркизъ Шетарди. Канцлеръ устроилъ такимъ образомъ что почти не было сообщенія между Русскими и представителями чужеземныхъ дворовъ; онъ убѣдилъ императрицу въ необходимости этого.“ Но враги Бестужева не допустили его долго наслаждаться своимъ торжествомъ. Главное затрудненіе въ борьбѣ съ нимъ состояло въ томъ что они не могли выдвинуть никого кто былъ бы способенъ замѣнить его въ руководствѣ дѣлами, но въ 1753 году произошло примиреніе между императрицей и Воронцовымъ, на котораго тотчасъ же посыпались милости; ему пожаловано было огромное помѣстье Маріенбургъ въ Ливоніи; Воронцовъ опирался на Шуваловыхъ, вліяніе коихъ особенно усилилось съ тѣхъ поръ какъ одинъ изъ нихъ, Иванъ Ивановичъ, сдѣлался въ концѣ 1749 года фаворитомъ. „Въ 1751 и 1752 годахъ, говоритъ А. Р. Воронцовъ, кредитъ Бестужева значительно упалъ; пользуясь добродушіемъ императрицы онъ выводилъ ее изъ терпѣнія своею подозрительностью, насильственными мѣрами, своими безпрерывными навѣтами противъ окружавшихъ ее лицъ“: вотъ въ чемъ обвиняли его, а къ этому присоединилось еще обвиненіе въ неломѣрномъ властолюбіи, въ желаніи все забрать въ свои руки. Елисавета, никогда не любившая его, не могла замѣнить его Воронцовымъ, неблагонадежность коего была очень хорошо извѣстна ей, но Воронцовъ сумѣлъ наконецъ заставить забыть о своихъ грѣхахъ и вполнѣ усвоилъ себѣ принципы которые постоянно отстаивалъ канцлеръ. „Важный другъ“ Фридриха отшатнулся отъ своего патрона. „Въ немъ произошла рѣзкая перемѣна. писалъ англійскій посланникъ Уильямсъ; онъ созналъ свою ошибку и полагаетъ что Россія должна относиться въ высшей степени подозрительно къ Прусскому королю, естественному и опасному своему врагу.“ Только подъ этимъ условіемъ и могъ онъ возвратить себѣ прежнее расположеніе императрицы, у которой недовѣріе къ политикѣ Фридриха принимало все болѣе и болѣе характеръ личной къ нему ненависти. Успокоившись относительно Воронцова съ этой

стороны, Елисавета не задумалась бы конечно при первомъ удобномъ случаѣ отдать предпочтеніе ему, связанному съ нею въ прежнее время столь близкими отношеніями, предъ человѣкомъ котораго она держала при себѣ и которому даже подчинилась лишь по необходимости. Бестужевъ видѣлъ опасность и старался принимать мѣры противъ нея. Именно въ 1753 году, когда соперникъ его опять занялъ прочное положеніе при дворѣ, начинаетъ онъ сближаться съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной. У нихъ были общіе враги. Екатерина ненавидѣла Шуваловыхъ. „Я не пропускала ни одного случая, говоритъ она въ своихъ мемуарахъ, показывать имъ какъ они мнѣ милы; я выражала имъ глубокое презрѣніе и указывала другимъ на ихъ злость и глупость; вездѣ гдѣ могла выставляла я смѣшныя ихъ стороны и преслѣдовала ихъ сарказмами, которые потомъ распространялись по городу и дѣлались достояніемъ злыхъ языковъ: словомъ, я мстила имъ всѣми средствами, какія только могла придумать; въ ихъ присутствіи я нарочно была внимательна съ тѣми кого они не любили; такъ какъ у нихъ было много враговъ, то это облегчало мнѣ дѣло.“ Бестужевъ, котораго великая княгиня имѣла право считать до тѣхъ поръ злѣйшимъ своимъ недоброжелателемъ, оцѣнилъ огромный ея умъ, понималъ трудное ея положеніе при дворѣ и на тѣсномъ союзѣ съ нею основывалъ важные планы относительно будущаго. Первый шагъ сдѣланъ былъ впрочемъ Екатериной, которая послала къ нему для переговоровъ Сергѣя Салтыкова. „Старикъ, говоритъ она, принялъ его какъ нельзя болѣе радушно и бесѣдовалъ съ нимъ обо мнѣ и о всѣхъ обстоятельствахъ касающихся меня такъ какъ будто жилъ въ моей комнатѣ“. Съ этой минуты рѣшились они идти однимъ путемъ. Въ числѣ услугъ которыя канцлеръ началъ оказывать великой княгинѣ была между прочимъ и та что онъ доставилъ ей возможность вести переписку съ ея матерью, принцессой Цербстскою *; посредникомъ служилъ саксонскій министръ Брюль, которому Бестужевъ доставлялъ письма и получалъ отвѣты на нихъ чрезъ Фуика, секретаря саксонскаго посольства въ Петербургѣ. Изъ корреспонденціи этой видно между прочимъ

---

* Любопытныя подробности объ этомъ см. въ статьѣ Германа, Der russiche Hof unter Kaiserin Elisabeth (*Historisches Taschenbuch*, 298—311).

съ какими огромными предосторожностями велась она. Однажды Екатерина извиняется что долго не могла отвѣчать на письмо матери: „à cause que l'apparition d'un écritoire et de ce qu'il faut pour écrire une lettre, demande des précautions qui ne sont pas à negliger“; въ другой разъ Бестужевъ проситъ принцессу Цербстскую не удивляться если доставленное ей письмо Екатерины очень измято, „parce que les poches du jupon de son altesse servent d'unique cassette à cette digne princesse“. Екатерина постоянно выражается съ восторгомъ о своемъ новомъ другѣ: „Я очень обрадовалась, говоритъ она матери, что вы одобряете тѣсный, но чрезвычайно секретный союзъ мой съ его превосходительствомъ г. канцлеромъ. Признаюсь, я въ восхищеніи отъ его поступковъ и питаю къ нему безграничное довѣріе; да продлитъ Господь Богъ его дни и его здоровье!“ Въ другомъ письмѣ отзывается она о немъ такимъ образомъ: „Если я упоминаю о своихъ друзьяхъ, то разумѣется первое между ними мѣсто принадлежитъ канцлеру. Онъ не перестаетъ доказывать мнѣ свою преданность, но и на мою признательность можетъ разчитывать до тѣхъ поръ пока будетъ длиться моя жизнь. Въ дружескихъ своихъ чувствахъ онъ не похожъ на другихъ людей: у него эти чувства выражаются не въ словахъ только, но постоянно на самомъ дѣлѣ. Я не сомнѣваюсь, любезная матушка, что и вы его любите, но увѣряю васъ что еслибы вы знали всѣ подробности нашего сближенія, то почитали и уважали бы его какъ отца.“ Бестужевъ, сближаясь съ великою княгиней, преслѣдовалъ опредѣленную цѣль—подготовить ей путь къ самодержавію. Сама Екатерина говоритъ о планахъ его слѣдующее: „Болѣзненное состояніе императрицы и ея частыя конвульсіи заставляли всѣхъ помышлять о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по своему мѣсту, и по своимъ умственнымъ способностямъ конечно долженъ былъ тревожиться болѣе чѣмъ кто-либо другой: онъ зналъ что великому князю съ давнихъ поръ успѣли внушить къ нему отвращеніе: ему очень хорошо была извѣстна неспособность этого принца, рожденнаго быть наслѣдникомъ столькихъ престоловъ. Очень понятно что этотъ государственный человѣкъ желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ; для него не было тайной что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ направленнымъ противъ него. Кромѣ того лично меня онъ считалъ, быть-можетъ, единственнымъ существомъ

на которомъ въ случаѣ смерти императрицы могли опереться надежды общества. Вслѣдствіе всего этого онъ составилъ планъ чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву былъ провозглашенъ императоромъ, но въ то же время я признана была бы его соучастницей въ управленіи. Онъ писалъ и переписывалъ свой проектъ много разъ, измѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ повидимому очень имъ занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на это какъ на бредни, считала проектъ вреднымъ для государства, которое было бы раздираемо смутами при всякой ссорѣ между мной и не любившимъ меня супругомъ.“ Дѣйствительно, отъ подобнаго двоевластія не могло произойти ничего кромѣ вреда; человѣкъ съ такимъ обширнымъ умомъ, какъ Бестужевъ, не могъ не сознавать этого. и вотъ почему трудно вѣрить чтобы проектъ его былъ таковъ какимъ изображаетъ его Екатерина: да и къ чему допускала бы она его предаваться столь опасному упражненію еслибы не сочувствовала его мысли? Все показываетъ что между нею и канцлеромъ происходили совѣщанія о гораздо болѣе отважномъ переворотѣ, о томъ чтобъ, устранивъ вовсе отъ престола Петра Ѳедоровича, провозгласить ее регентшей до совершеннолѣтія ея сына или даже прямо императрицей. Много свѣта пролили бы конечно относящіяся къ этому дѣлу депеши англійскаго посла Уильямса, а также переписка его съ великою княгиней. но онѣ еще не обнародованы, и только отрывочныя извлеченія изъ нихъ находимъ мы у Соловьева. „Іоаннъ Васильевичъ (Грозный), говорила Екатерина Уильямсу, хотѣлъ уѣхать въ Англію, но я не намѣрена просить убѣжища у Англійскаго короля. потому что рѣшилась царствовать или погибнуть“. Конечно рѣшеніе такого рода созрѣло у нея не вдругъ и она готовилась осуществить его разчитывая на преданныхъ ей людей, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало канцлеру. Еще не наступило время приводить въ исполненіе означенный планъ. но Бестужевъ былъ постоянно озабоченъ мыслью объ его успѣхѣ и сообразовалъ съ нимъ всѣ свои дѣйствія.

VI.

Весной 1756 года вспыхнула между Франціей и Англіей война, долженствовавшая рѣшить вопросъ громадной важности, которая изъ этихъ державъ успѣетъ утвердить свое господство въ Остъ-Индіи и въ состояніи ли будетъ англо-саксонская раса распространить свое преобладаніе въ Сѣверной Америкѣ, не опасаясь посторонняго соперничества. Неизбѣжность столкновенія предвидѣлась уже давно, но правительство Людовика XV употребляло всѣ усилія чтобы по возможности отдалить его. Кому неизвѣстны подвиги Дюпле и Лабурдоне? Первый изъ нихъ, столько же полководецъ сколько геніальный государственный человѣкъ, стремился прямо къ тому чтобы подчинить Остъ-Индію Франціи и съ необычайнымъ искусствомъ пользовался для этого страшною анархіей въ которой очутилась страна послѣ пораженія нанесеннаго ей въ 1738 и 1739 годахъ Персидскимъ шахомъ. Власть Великаго Могола признавалась только по имени; намѣстникъ его въ Деканѣ помышлялъ о полной независимости: набобы стоявшіе во главѣ провинцій не исполняли его приказаній и были въ непримиримой враждѣ между собой. Все это открывало широкое поприще для вмѣшательства во внутреннія дѣла полуострова. Дюпле поставилъ себѣ задачей усиливать раздоры между туземцами, привлечь часть ихъ на свою сторону, съ помощью ихъ стать твердою ногой въ нѣкоторыхъ областяхъ и затѣмъ мало-по-малу подчинить себѣ остальныя: онъ возбудилъ междуусобія, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе имѣя подъ своимъ начальствомъ 4.000 французскихъ солдатъ и 2.000 сипаевъ, и въ концѣ 1750 года достигъ того что новый намѣстникъ Великаго Могола призналъ его губернаторомъ всѣхъ провинцій лежавшихъ на югъ отъ рѣки Кришны. Такимъ образомъ область почти съ 30милліоннымъ населеніемъ находилась подъ властію Французовъ: что значили въ сравненіи съ этимъ пріобрѣтенія сдѣланныя до тѣхъ поръ англійскою компаніей! Страшная опасность угрожала ей, но она умѣла выставить противъ Дюпле человѣка одареннаго столь же рѣдкими способностями, Роберта Клейва, рѣшившагося вырвать у него побѣду. Первыя его дѣйствія—между которыми особенное

вниманіе останавливаетъ на себѣ геройская защита занятаго имъ города Аркота—были чрезвычано удачны и тѣмъ не менѣе не по силамъ была бы ему борьба съ французскимъ полководцемъ еслибъ этотъ послѣдній былъ сколько-нибудь энергически поддержанъ своимъ правительствомъ. Случилось однако то чего никакъ не могъ онъ ожидать. Франція еще разъ обнаружила примѣръ той жалкой несостоятельности которая заставила Фридриха II выразиться объ этой странѣ, когда однажды говорили при немъ что она страдаетъ главнымъ образомъ отъ недостатка денегъ: „напротивъ, во Франціи очень много денегъ; чего недостаетъ ей, такъ это сильной королевской власти; до тѣхъ поръ пока не явится во главѣ ея государь который энергически проникнется сознаніемъ своихъ интересовъ. или министръ который возмѣстилъ бы подобнаго государя, она всегда будетъ слаба". Уже на Ахенскомъ конгрессѣ Французское правительство не задумалось возвратить Англичанамъ Мадрасъ, одно изъ самыхъ славныхъ завоеваній Лабурдоне; теперь, а именно въ октябрѣ 1754 года, когда шелъ вопросъ о всей будущности Ость-Индіи, когда такъ сильно было тамъ французское вліяніе. Людовикъ XV заключилъ съ Англіей договоръ, по которому обѣ стороны обязывались возвратить Великому Моголу то что было захвачено ими изъ его владѣній, и кромѣ того строго соблюдать чтобы никто изъ ихъ подданныхъ не занималъ никакихъ должностей на службѣ у туземныхъ владѣтелей. Настоящій смыслъ этого трактата былъ таковъ что на основаніи его Франція отказывалась отъ цѣлаго пріобрѣтеннаго ею царства, Англія же отъ нѣсколькихъ ничтожныхъ мѣстечекъ.

Людовикъ XV разчитывалъ упрочить этою невѣроятною уступкой миръ, но произошло тотчасъ же нѣчто совершенно противное его ожиданіямъ. Враги Франціи убѣдились изъ его образа дѣйствій лишь въ томъ что нечего церемониться съ государствомъ такъ мало дорожившимъ собственными интересами: какъ скоро удовлетворены были одни ихъ требованія, они выступили съ другими, еще болѣе назойливыми, на этотъ разъ не въ Ость-Индіи, а въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ принадлежали Французамъ Луизіана и Канада. Споръ шелъ о томъ слѣдуетъ ли, какъ основательно утверждали Французы, понимать подъ „Акадіей" (Новою Шотландіей) уступленною Англіи по Утрехтскому миру только Акадійскій

полуостровъ или же всю область по обѣ стороны рѣки Св. Лаврентія; затѣмъ, кому должна принадлежать территорія Огіо—Французамъ ли нуждавшимся въ ней чтобъ установить связь между Луизіаной и Канадой, или Англичанамъ, полагавшимъ что ихъ владычеству въ Сѣверной Америкѣ былъ бы нанесенъ тяжкій ударъ, еслибы Франція осуществила этотъ планъ. Вытѣснить ее во что бы то ни стало изъ Канады—вотъ что имѣли они въ виду: „наши тринадцать колоній, говорилъ Веніаминъ Франклинъ, не могутъ считать себя безопасными до тѣхъ поръ пока Канада будетъ оставаться въ рукахъ Французовъ“. Какъ уже упомянуто выше, въ 1756 году началась война, и Людовикъ имѣлъ полное право быть довольнымъ первыми дѣйствіями своихъ войскъ: французскій адмиралъ Ла-Галлисоньеръ вышелъ изъ Тулонской гавани прежде чѣмъ непріятель успѣлъ проникнуть въ его намѣренія, напалъ на островъ Минорку и овладѣлъ имъ. Одновременно съ извѣстіемъ объ этомъ, Англійское правительство получило другое, долженствовавшее не менѣе сильно встревожить его: Франція заключила съ Генуэзскою республикой договоръ, которымъ подготовлялось въ будущемъ ея господство надъ Корсикой. Поразительный контрастъ представляютъ эти первые шаги ея съ тѣмъ позоромъ которымъ покрыла она себя въ дальнѣйшемъ ходѣ войны.

Но еще прежде чѣмъ дошло дѣло до оружія, Европа была уже сильно озабочена, какимъ образомъ отразится на ея интересахъ приготовлявшаяся борьба между двумя могущественными державами. Онѣ вступили въ распрю изъ-за своихъ колоній, а слѣдовательно можно было повидимому надѣяться что и военныя ихъ дѣйствія будутъ происходить исключительно на морѣ. Англія, по крайней мѣрѣ, разчитывая на превосходство своего флота, имѣла достаточно причинъ желать этого, но вѣроятно ли было предположить что она достигнетъ своей цѣли? Соперница ея, значительно уступавшая ей морскими своими силами, должна была изыскивать всякія средства чтобы поразить ее на континентѣ, а средство для этого представлялось очень удобное: надлежало лишь направить оружіе противъ Ганновера. Георгъ II дорожилъ этимъ родовымъ наслѣдіемъ своего дома чуть ли не болѣе чѣмъ остальными своими владѣніями и готовъ былъ на всякія жертвы чтобъ оградить его отъ разгрома. Кромѣ того Франція могла угрожать Голландіи. Если

же война коснется этихъ областей, то гдѣ было ручательство что она не приметъ еще болѣе широкихъ размѣровъ? Напротивъ, все предвѣщало что она сдѣлается общеевропейскою. „Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ Ранке, наравнѣ съ могуществомъ финансовымъ и военнымъ придавали болѣе чѣмъ когда-нибудь важности могуществу федеративному, то-есть прочнымъ союзамъ, которые возвышали значеніе государства во время мира и могли служить ему надежною опорой во время войны.“ Мы уже видѣли что Ахенскій конгрессъ далеко не обезпечилъ спокойствія Европы; повсюду господствовало убѣжденіе что вскорѣ начнется снова война, и каждое изъ государствъ заботилось о томъ чтобы не быть застигнутымъ въ расплохъ этою невзгодой, заранѣе старалось пріобрѣсти союзниковъ.

Такъ, между прочимъ, Англійское правительство могло кажется вполнѣ разчитывать на Австрію и Россію, съ которыми еще недавно, въ войнѣ за австрійское наслѣдство, дѣйствовало оно въ тѣсномъ согласіи. Лишь только обнаружились раздоры его съ Франціей, обратилось оно къ Вѣнскому двору съ предложеніемъ союза: Австрійцы должны были оказать ему помощь въ Ганноверѣ и кромѣ того оградать принадлежавшія имъ Нидерланды отъ Французовъ, которые не могли не вторгнуться въ эти провинціи чтобы нанести ударъ Голландіи. Казалось бы, собственный интересъ побуждалъ къ тому Австрію, но въ сущности было не такъ. Нидерланды почти противъ ея желанія были навязаны ей по Утрехтскому миру; земли эти были слишкомъ удалены отъ нея, да и обладаніе ими было сопряжено съ обременительными условіями. Охрана въ нихъ пограничныхъ съ Франціей крѣпостей возлагалась по трактатамъ на Голландцевъ, которымъ Австрія обязана была выплачивать за это субсидію; тѣ же трактаты значительно стѣсняли торговлю Бельгіи ради голландскихъ интересовъ. Марія-Терезія поставила себѣ задачей сдѣлаться вполнѣ самостоятельною правительницей австрійскихъ Нидерландовъ, во всякомъ случаѣ освободиться отъ весьма тягостной роли стоять тамъ на стражѣ противъ Франціи, тягостной потому что всякій разъ когда происходило столкновеніе между Франціей и морскими державами она неминуемо должна была принимать участіе въ ихъ распряхъ: съ этою цѣлью перестала она выдавать субсидіи Голландцамъ, измѣнила тарифъ и приняла цѣлый рядъ

другихъ мѣръ, вызывавшихъ сильное неудовольствіе Англійскаго правительства. Все показывало что Вѣнскій дворъ отнюдь не намѣренъ ради Нидерландовъ вступить тотчасъ же во враждебныя отношенія къ Франціи, но онъ нисколько не отказывался отъ союза съ Англіей, а лишь желалъ чтобы союзъ этотъ принесъ существенныя выгоды и для него. Ограждать Бельгію и Голландію значило ни болѣе ни менѣе какъ служить чужимъ интересамъ, а причемъ же были бы тутъ интересы самой Австріи? Въ Вѣнѣ знали что Англійское правительство очень нуждалось въ помощи Австрійцевъ и приняли твердое намѣреніе продать свои услуги дорогою цѣною.

Вопросъ былъ поставленъ очень ясно: союзъ между двумя державами, говорили совѣтники Маріи-Терезіи, возможенъ только въ томъ случаѣ если война будетъ ведена одинаково какъ въ англійскихъ, такъ и въ австрійскихъ интересахъ. Не трудно было догадаться чего желаетъ Австрія. Въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати лѣтъ преслѣдовала она одну завѣтную мысль—исторгнуть Силезію изъ рукъ Фридриха, нанести ударъ возникавшему могуществу государства въ которомъ она уже предвидѣла страшнаго и непримиримаго противника. Марія-Терезія не думала скрывать что она выжидаетъ лишь благопріятныхъ обстоятельствъ для осуществленія этого плана и позволительно ли было надѣятся что она не вспомнитъ о немъ теперь когда вся Европа готовилась взяться за оружіе? „У Франціи есть вѣрный союзникъ—Прусскій король, говорили въ Вѣнѣ англійскому посланнику Кейту: нельзя дѣйствовать противъ Франціи не начавъ въ то же время войну и съ нимъ; эту послѣднюю задачу мы готовы принять на себя и въ этомъ отношеніи вы можете смѣло разчитывать на самый тѣсный союзъ съ нами.“ Кейтъ доносилъ своему двору что Австрійское правительство смотритъ на положеніе дѣлъ исключительно съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ Пруссіи, и что Англія можетъ разчитывать на ея помощь единственно въ томъ случаѣ если согласится содѣйствовать раздробленію Прусскаго государства. Извѣстія такого рода возбуждали въ Лондонѣ неудовольствіе и даже нѣкоторое удивленіе. Не даромъ выразился Кауницъ, говоря о невѣдѣніи Англичанъ относительно всего что̀ касалось политики континентальной Европы: „c'est étonnant tout ce que les Anglais ne savent pas“. Для всѣхъ было ясно что война

грозитъ принять самые широкіе размѣры, но министры Георга II продолжали убаюкать себя надеждой что имъ удастся помѣшать этому: на материкѣ Европы они видѣли главнымъ образомъ Ганноверъ и полагали что различныя государства, отложивъ на время попеченіе о собственныхъ интересахъ, согласятся служить ихъ цѣлямъ направленнымъ противъ Франціи. И вдругъ имъ предлагаютъ сдѣлать нападеніе на Фридриха! Но вмѣсто того чтобы локализовать войну, не значитъ ли это распространить ее на всѣ концы Европы? Домогательства Вѣнскаго двора должны были тѣмъ болѣе встрѣтить отпоръ со стороны англійскихъ министровъ что въ это самое время явилась уже у нихъ мысль привлечь на сторону Англіи и Прусскаго короля, заключить съ нимъ формальный договоръ. Англія мечтала о союзѣ съ Австріей, Пруссіей, Россіей—съ этою послѣднею державой, какъ увидимъ ниже, велись тоже переговоры—и еслибы старанія ея увѣнчались успѣхомъ, то дѣйствительно общій миръ не былъ бы нарушенъ въ теченіе всего того времени пока она сводила бы свои счеты съ Франціей. Но нужно было много ослѣпленія чтобы разчитывать на возможность заставить Австрію идти по одному пути съ Пруссіей.

Продолжительные переговоры между Лондономъ и Вѣной не приводили ни къ какому результату. Въ августѣ 1755 года происходилъ въ присутствіи Маріи-Терезіи и императора ея супруга совѣтъ, на которомъ было постановлено изъ двухъ золъ избрать меньшее, а именно: такъ какъ Англія не хочетъ оказать помощи противъ Пруссіи, то не помогать и ей противъ Франціи, держаться строгаго нейтралитета, ибо вмѣшательство Австріи въ войну только ослабило бы ея силы безо всякой существенной для нея пользы. Но могла ли великая держава удовольствоваться подобною ролью? Не тяжело ли было среди возникавшихъ многознаменательныхъ обстоятельствъ отказаться отъ завѣтнаго плана? Мысль эта не давала покоя Маріи-Терезіи, и неудивительно что въ томъ же августѣ мѣсяцѣ, когда состоялось упомянутое нами рѣшеніе, оно вдругъ было замѣнено другимъ громадной важности. Въ лицѣ Кауница Марія-Терезія нашла наконецъ министра вполнѣ сочувствовавшаго ея видамъ и обладавшаго способностями для того чтобы подготовить осуществленіе ихъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Дѣло шло о радикальномъ переворотѣ въ установившейся

ъ давняго времени системѣ политическихъ союзовъ. Начиная съ Франциска I до Лудовика XIV Франція считала основнымъ правиломъ своей политики вести упорную борьбу съ Габсбургскимъ домомъ; лучшіе ея государственные люди и полководцы—Ришелье, Мазаринъ, Конде, Тюреннь, Виллярсъ прославились энергіей и искусствомъ, которыя обнаруживали они въ этой вѣковой распрѣ со злѣйшимъ врагомъ своей страны; они нанесли ему сильные удары и достигли того что Франція не имѣла уже причины опасаться въ такой мѣрѣ какъ прежде соперничества съ Австрійскимъ домомъ. Несмотря на то вражда продолжалась, она коренилась въ преданіяхъ, и во всѣхъ важныхъ волросахъ раздѣлявшихъ Европу Австрія и Франція находились неизбѣжно въ противныхъ одна другой лагеряхъ. Продолжительная война окончившаяся Ахенскимъ миромъ доказала еще разъ что примиреніе между ними было невозможно. Не наступило ли однако время измѣнить эти отношенія? Не представлялось ли возможности убѣдить Французское правительство что положеніе Европы не таково какимъ оно было въ XVII или даже въ началѣ XVIII вѣка, что возвышеніе Пруссіи произвело коренную перемѣну въ прежней политической системѣ, что въ виду этого и у Франціи, и у Австріи возникаютъ интересы которые должны побуждать ихъ къ сближенію? Кауницъ, назначенный послѣ окончанія Ахенскаго конгресса, на которомъ онъ былъ уполномоченнымъ отъ своего двора, посланникомъ въ Парижъ, усердно, хотя и осторожно развивалъ тамъ эти мысли. Лично имѣлъ онъ большой успѣхъ; гжа Помпадуръ оказывала ему особое расположеніе, безпрерывно приглашала его въ свой загородный замокъ Бельвю, бесѣдовала съ нимъ о политикѣ и по всему вѣроятію все что̀ говорилъ онъ сообщала королю, но при всемъ томъ дѣла искуснаго дипломата нисколько не подвигались впередъ. Мысль о союзѣ съ Австріей казалась до такой степени несбыточною и странною что никто не останавливался на ней. Франція имѣла не мало причинъ быть недовольною Фридрихомъ II, но все-таки продолжала считать союзъ съ нимъ необходимымъ для себя. Подъ вліяніемъ разочарованія овладѣвшаго имъ, Кауницъ представилъ Маріи-Терезіи мемуаръ, въ которомъ доказывалъ что нечего и думать о возможности достигнуть чего бы то ни было при содѣйствіи Версальскаго двора. Ни Франція, ни Англія

говорилось въ этомъ мемуарѣ,* нисколько въ сущности не желали чтобы Фридрихъ овладѣлъ Силезіей, но какъ скоро онъ захватилъ ее и успѣлъ отстоять эту добычу въ двухъ кровавыхъ войнахъ, то онѣ считаютъ въ высшей степени опасными для европейскаго мира всякія попытки вырвать ее изъ его рукъ. Въ этомъ отношеніи Австрія никоимъ образомъ не можетъ разчитывать на нихъ. А если такъ, то не остается для Вѣнскаго двора ничего болѣе какъ примириться съ утратой Силезіи и тѣмъ самымъ внушить Фридриху что онъ не долженъ питать никакихъ серіозныхъ опасеній съ этой стороны. И дѣйствительно, чѣмъ онъ виновнѣе другихъ? Развѣ, напримѣръ, Сардинскій король не пріобрѣлъ нѣсколькихъ австрійскихъ областей? Развѣ въ послѣдней войнѣ король Французскій не напрягалъ всѣхъ усилій чтобы лишить Марію-Терезію законнаго ея наслѣдства? По какой же причинѣ только къ одному Фридриху относиться съ непримиримою ненавистью? Напротивъ, благоразуміе требуетъ привлечь его на свою сторону, и не представляется особыхъ затрудненій достигнуть этой цѣли. Болѣе всего озабоченъ Прусскій король тѣмъ чтобы сдѣлать вполнѣ прочнымъ, узаконить свое обладаніе Силезіей, но никакія старанія его не приведутъ ни къ чему до тѣхъ поръ пока Австрія будетъ противъ него. Если же Марія-Терезія еще разъ торжественно и вполнѣ искренно заявитъ что отказывается ото всякихъ притязаній на означенную область, то онъ не замедлитъ вступить въ союзъ съ Австріей и съ Англіей, согласится на это тѣмъ охотнѣе что не можетъ не страшиться возмездія со стороны Франціи, которая долго не проститъ ему, конечно, его вѣроломнаго образа дѣйствій въ послѣднюю войну. Подлинный отвѣтъ Маріи-Терезіи не сохранился, но извѣстно только что она безусловно отвергла совѣты содержавшіеся въ изложенномъ нами мемуарѣ. Если министры ея колебались, то сама она никогда не измѣняла своихъ чувствъ къ Фридриху и не отступала отъ того что̀ привыкла считать одною изъ главнѣйшихъ задачъ своей политики.

Впрочемъ и Кауницъ вернулся очень скоро къ своему прежнему образу мыслей. Въ 1753 году покинулъ онъ Парижъ и вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ государственнаго канцлера. Чрезъ

* Arneth, *Maria-Theresia nach dem Erbfolgekriege*, 330—333.

какіе-нибудь два года послѣ того произошли событія грозившія поколебать миръ Европы.

Мы уже знаемъ что Вѣнскій дворъ, послѣ тщетныхъ попытокъ придти къ соглашенію съ Англіей, вознамѣрился держаться безусловнаго нейтралитета. Рѣшеніе въ этомъ смыслѣ было принято 15 августа 1755 года, а ровно чрезъ пять дней, 21 августа, Кауницъ выступилъ въ тайномъ засѣданіи государственной конференціи съ предложеніемъ которое должно было изумить его товарищей своею смѣлостью и неожиданностью. Очевидно что подобная перемѣна не могла совершиться такъ быстро, что новый планъ былъ давно соображаемъ въ совѣщаніяхъ между Маріей-Терезіей и ея канцлеромъ и лишь выжидалась удобная минута предъявить его. Дѣло шло о томъ чтобы завязать переговоры о союзѣ съ Франціей. Попытки которыя дѣлалъ Кауницъ въ этомъ смыслѣ во время своего пребыванія въ Парижѣ остались безплодными уже по той причинѣ что при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ не могъ говорить положительно и прямо о тѣхъ выгодахъ которыя представлялъ бы подобный союзъ Версальскому двору. Другое дѣло теперь, когда Франція находилась въ критическомъ положеніи, которое должно было открыть ея правительству глаза на многое что̀ казалось ему до тѣхъ поръ сомнительнымъ и неяснымъ. Въ Вѣнѣ требовали лишь одного—пусть Версальскій дворъ откажется отъ союза съ Пруссіей, пусть не даетъ ей никакой помощи, если Пруссія подвергнется совокупному нападенію со стороны Австріи и Россіи — и взамѣнъ этого дѣлаемы были такія предложенія Людовику XV которыя не могли не льстить въ высшей степени его честолюбію. Любимая дочь его была замужемъ за донъ-Филиппомъ, герцогомъ Пармскимъ, которому по Ахенскому трактату предстояло унаслѣдовать неаполитанскую корону, но какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Испаніи не хотѣли слышать объ его притязаніяхъ на нее: во всякомъ случаѣ онъ могъ осуществить свои права лишь съ громадными затрудненіями,—вмѣсто того Вѣнскій дворъ предлагалъ уступить ему австрійскіе Нидерланды въ обмѣнъ на италіянскія его земли. Затѣмъ давно уже Людовикъ XV лелѣялъ мысль объ утвержденіи французской династіи въ Польшѣ; одинъ изъ его родственниковъ, принцъ Конти, которому оказывалъ онъ въ описываемое время особое расположеніе, былъ обуреваемъ неукротимымъ

желаніемъ царствовать гдѣ бы то ни было и старался подготовить свою кандидатуру на польскій престолъ: Австрія обязывалась энергически содѣйствовать ему. Сближаясь съ Австріей, Версальскій дворъ могъ разчитывать самымъ положительнымъ образомъ на союзъ съ Россіей, Саксоніей и кромѣ того пріобрѣталъ тѣ существенныя выгоды о которыхъ упомянуто было сейчасъ. Все это должно было, кажется, произвести на него сильное впечатлѣніе, но еслибъ онъ еще колебался, то предполагалось повліять на него съ другой стороны, а именно обратить вниманіе его на тотъ фактъ что Прусскій король является могущественнымъ поборникомъ протестантизма, что англійская публика уже оцѣнила его роль на этомъ поприщѣ и питаетъ къ нему глубокія симпатіи, что рано или поздно неминуемо возникнетъ союзъ между нимъ и Англіей во имя религіозныхъ интересовъ, и что двѣ главныя католическія державы въ Европѣ обязаны заранѣе соединить свои силы для устраненія опасности угрожавшей одинаково дорогому имъ дѣлу.

Въ такомъ смыслѣ составлены были инструкціи Штарембергу, занимавшему должность австрійскаго посла въ Парижѣ до отъѣздѣ оттуда Кауница. „Провидѣніе, писалъ ему канцлеръ, избрало васъ орудіемъ для осуществленія славнаго предпріятія, надъ которымъ тщетно трудился я когда-то, находясь во Франціи. Легко могу себѣ представить какое множество разнообразныхъ мыслей зародится въ вашемъ умѣ при чтеніи императорскаго рескрипта.“ Дѣйствительно, задача громадной важности возлагалась на Штаремберга. Самъ Кауницъ опредѣлялъ ее такимъ образомъ: „великую державу слѣдовало привести къ убѣжденію что вся прежняя ея политическая система находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи съ истинными ея интересами; надлежало доказать ей что тѣ средства которыми разчитывала она достигнуть успѣха въ борьбѣ съ Англіей не приведутъ ее къ этой цѣли, что она готовитъ себѣ печальную участь если будетъ попрежнему поддерживать Прусскаго короля, союзъ съ которымъ считала самою надежною для себя гарантіей; словомъ, дѣло шло о томъ чтобы совершенно устранить старинное соперничество Бурбонскаго и Габсбургскаго домовъ. Не человѣческія усилія, а только Провидѣніе могло привести къ желанному концу это великое предпріятіе, къ которому и приступлено было подъ его покровомъ.“ Выставляя трудности задачи Кауницъ

забываетъ однако уломянуть съ какимъ правительствомъ приходилось ему стоять лицомъ къ лицу. Во внѣшней какъ и во внутренней своей политикѣ Франція представляла зрѣлище самой жалкой непослѣдовательности и колебаній: постоянная заботливость о мирѣ, для котораго приносила она даже въ жертву многіе важные интересы, не мѣшала ей однако вести почти безпрерывно войны; съ поразительнымъ легкомысліемъ принявъ на себя видную роль въ войнѣ за австрійское наслѣдство, она сдѣлала все что̀ зависѣло отъ нея для возвышенія Пруссіи, и не было причины отчаиваться чтобы не присоединилась она теперь къ державамъ готовившимся сокрушить Прусскаго короля. Чтобы составить себѣ понятіе о правительствѣ Людовика XV не слѣдуетъ, между прочимъ, упускать изъ виду къ какимъ орудіямъ необходимо было прибѣгать чтобы побудить его къ рѣшеніямъ громадной важности.

Вмѣстѣ съ инструкціями Кауницъ препроводилъ къ Штарембергу два письма: одно на имя принца Конти, другое на имя гжи Помпадуръ, предоставляя на его выборъ, которымъ изъ этихъ лицъ удобнѣе воспользоваться для предположенной цѣли. Посолъ остановился на фаворитк̀ѣ короля, потому что вліяніе ея было все еще сильнѣе всякаго другаго и она продолжала сохранять самое пріятное воспоминаніе объ отношеніяхъ своихъ къ Кауницу. Гжа Помпадуръ тотчасъ же выразила готовность довести до свѣдѣнія Людовика XV о томъ что австрійскій посланникъ имѣетъ сдѣлать важное сообщеніе, но для переговоровъ назначенъ былъ не тотъ или другой министръ, какъ слѣдовало бы ожидать, а человѣкъ не принадлежавшій къ министерству, аббатъ (въ послѣдствіи кардиналъ) Бернисъ. Ловкій, пронырливый, плохой стихотворецъ онъ составилъ себѣ положеніе при дворѣ исключительно своею дружбой съ фавориткой и пользовался очень незавидною репутаціей, хотя обнародованные недавно его мемуары доказываютъ что онъ не былъ такимъ ничтожествомъ какъ привыкли о немъ думать *. Приводимъ слѣдующій его разказъ: „Я приготовлялся ѣхать въ Испанію (Бернисъ назначенъ былъ туда посланникомъ) какъ вдругъ однажды вечеромъ выходя изъ кабинета г. Рулье (министра иностранныхъ

* *Mémoires et lettres de François Pierre cardinal de Bernis*, publiés par Masson. 1878.

дѣлъ, получилъ записку отъ гжи Помпадуръ. которая требовала чтобы на другой день ровно въ 10 часовъ я непремѣнно былъ у нея. Не трудно было догадаться что дѣло идетъ о чемъ-то очень серіозномъ. но не было у меня и въ помыслахъ того что̀ дѣйствительно должно было случиться. Когда я явился въ назначенное время гжа Помпадуръ показала мнѣ письмо графа Штаремберга. желавшаго имѣть тайное свиданіе съ нею чтобъ исполнить порученіе возложенное на него императрицей Маріей-Терезіей: онъ просилъ также чтобы король назначилъ кого-либо изъ своихъ министровъ который присутствовалъ бы при этомъ свиданіи и могъ бы при долженствовавшихъ начаться переговорахъ быть посредникомъ между его величествомъ и посланникомъ. Переговоры такого рода казались мнѣ не чѣмъ инымъ какъ опасною ловушкой для короля и подводнымъ камнемъ для моего благополучія и спокойствія. На вопросъ не обязанъ ли я гжѣ Помпадуръ тѣмъ что выборъ остановился на мнѣ, она отвѣчала что совсѣмъ напротивъ. король по собственному побужденію отдалъ мнѣ предпочтеніе предо всѣми министрами не только потому что питаетъ полное довѣріе къ моимъ способностямъ, но также и по той причинѣ что ему извѣстно крайнее нерасположеніе ихъ къ Вѣнскому двору.“ Бернисъ, догадавшійся что дѣло должно идти о сближеніи между Франціей и Австріей. началъ доказывать всѣ опасныя послѣдствія подобной политики, которая не замедлитъ распространить пламя войны на всю Европу. Онъ еще ораторствовалъ на эту тему какъ вдругъ вошелъ король и обратился къ нему съ вопросомъ что̀ онъ думаетъ о письмѣ Штаремберга. Бернисъ рѣшился выставить и ему свои соображенія, но Людовикъ „почти съ гнѣвомъ“ прервалъ его словами: „Я вижу что вы такой же ненавистникъ Венгерской королевы какъ и всѣ другіе; въ такомъ случаѣ не остается ничего болѣе какъ вѣжливо раскланяться съ г. Штарембергомъ и сказать ему что мы не желаемъ его выслушать.“—„Сохрани Богъ, отвѣчалъ аббатъ; мое мнѣніе таково что необходимо какъ можно подробнѣе освѣдомиться о намѣреніяхъ Вѣнскаго двора, но быть очень осторожнымъ относительно того какъ слѣдуетъ отвѣчать ему.“ Лицо Людовика прояснилось. Онъ приказалъ аббату выслушать австрійскаго посланника въ присутствіи гжи Помпадуръ и тутъ же, присѣвъ къ столу, далъ ему письменное полномочіе. По удаленіи его фаворитка

завела рѣчь о томъ что давно еще, когда Кауницъ находился въ Парижѣ, Лудовикъ помышлялъ о сближеніи съ Австріей, „изъ уваженія къ Маріи Терезіи, по религіознымъ соображеніямъ, а также потому что образъ дѣйствій Прусскаго короля и его безпрерывные обманы потрясли всякое довѣріе къ нему.“

Въ двухъ совѣщаніяхъ происходившихъ 7 и 9 сентября 1755 года въ маленькомъ загородномъ домикѣ Bagatelle, или какъ называли его также Babiole, принадлежавшемъ фавориткѣ, развивалъ Штарембергъ идеи содержавшіяся въ данныхъ ему инструкціяхъ. Тщетно старался онъ уловить на лицахъ Берниса и гжи Помпадуръ хотя малѣйшее указаніе на то можно ли ему разчитывать на успѣхъ; они заранѣе условились не обнаруживать своихъ впечатлѣній. Бернисъ говоритъ что докладывая Лудовику XV объ этихъ переговорахъ онъ старался зародить въ немъ подозрѣніе—не играетъ ли Австрія двусмысленной роли, не заботится ли она единственно о томъ чтобы поссорить Французское правительство съ Фридрихомъ или же не имѣетъ ли въ виду продать какъ можно дороже свои услуги Англіи, напугавъ ее своимъ сближеніемъ съ Версальскимъ дворомъ? Во всякомъ случаѣ отвѣтъ далеко не удовлетворялъ ожиданіямъ Кауница. Штарембергу было сказано что Франція очень рада союзу съ Австріей, но союзъ этотъ долженъ имѣть цѣлью охраненіе того что было постановлено на Ахенскомъ конгрессѣ, а не какія-либо новыя опасныя предпріятія; Прусскій король не подавалъ въ послѣднее время Франціи ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, вслѣдствіе чего не только она сама не думаетъ вступать во враждебныя съ нимъ отношенія, но не можетъ одобрить и какихъ-либо посторонніхъ противъ него замысловъ. Заявленіе это было истолковано въ Вѣнѣ въ смыслѣ положительнаго отказа: выводъ слишкомъ поспѣшный, ибо Лудовикъ XV не могъ отвѣчать иначе прежде чѣмъ не разъясненъ былъ вопросъ чего слѣдуетъ ему ожидать отъ Фридриха, какой образъ дѣйствій намѣревался усвоить Прусскій король въ предстоявшихъ событіяхъ. Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Берлинъ герцогъ Ниверне.

VII.

Вѣнскій дворъ, какъ мы видѣли, поглощенъ былъ мыслью о нападеніи на Пруссію. Объ этомъ началъ онъ переговоры съ Франціей, изъ-за этого же разошелся съ Англіей, но любопытно что еще не задолго предъ тѣмъ и Англійское правительство находилось далеко не въ дружелюбныхъ къ Пруссіи отношеніяхъ. Оно ревностно старалось заключить съ императрицей Елисаветой договоръ, на основаніи коего за извѣстныя субсидіи могло бы располагать русскими войсками и войска эти предназначались главнымъ образомъ противъ Фридриха, въ которомъ Георгъ II видѣлъ самаго опаснаго сосѣда для своихъ Ганноверскихъ владѣній. Означенные переговоры съ Россіей длились очень долго; сначала велъ ихъ Гюндекенсъ, а на смѣну ему присланъ былъ въ апрѣлѣ 1755 года сэръ-Ганбэри Уильямсъ, получившій приказаніе во что бы то ни стало довести дѣло до конца. Россія, сказано было въ составленной для него инструкціи, должна будетъ снизойти на степень азіятскаго государства если со своей стороны не приметъ мѣры противъ завоевательныхъ опасныхъ замысловъ Прусскаго короля, которые этотъ король не задумается конечно привести въ исполненіе въ то время какъ Англія будетъ занята войной съ Франціей.

Такимъ образомъ гроза со всѣхъ сторонъ скоплялась надъ Фридрихомъ. Каково же было его настроеніе въ описываемое время? „Никто не повѣрилъ бы, говоритъ Ранке, * чтобы полководецъ обязанный уже своей арміи громадными успѣхами помышлялъ о мирѣ среди наступавшаго общаго замѣшательства. А между тѣмъ это было такъ. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы Фридрихъ отказался ото всякихъ дальнѣйшихъ завоеваній и проникся вполнѣ миролюбивыми стремленіями, это противорѣчило бы самому положенію его государства. Въ теченіе всей своей жизни постоянно былъ занятъ онъ мыслью какія новыя пріобрѣтенія желательны и необходимы для того чтобъ укрѣпить Пруссію. Но *въ то время* сохраненіе мира казалось ему настоятельно необходимымъ.“

---

* *Der Ursprung des siebenjährigen Krieges* въ *Sämmt.* Werke, XXX, 115–116.

Въ 1752 году составилъ Фридрихъ политическое свое завѣщаніе, которое извѣстно намъ лишь по немногимъ отрывкамъ помѣщеннымъ въ упомянутомъ сейчасъ сочиненіи Ранке; въ этомъ документѣ говоритъ онъ что конечно Вѣнскій дворъ никогда не покинетъ мысли возвратить себѣ Силезію и будетъ стремиться къ этому въ союзѣ съ Россіей, а также быть-можетъ съ Англіей, но для отпора этимъ врагамъ Пруссія всегда можетъ разчитывать на Францію, союзъ съ которою „условливается не болѣе или менѣе успѣшными переговорами, а самою природой вещей"; онъ выгоденъ и потому что опираясь на него можно помышлять о дальнѣйшемъ расширеніи прусскихъ предѣловъ. „При всемъ томъ, продолжаетъ Фридрихъ, моя теперешняя система состоитъ въ сохраненіи мира пока это совмѣстно съ честью государства. Нельзя дѣйствовать иначе по той причинѣ что Франція вслѣдствіе внутреннихъ своихъ неурядицъ не въ состояніи выступить съ подобающею ей энергіей на военномъ поприщѣ. Предпріятіе въ родѣ завоеванія Силезіи можетъ удасться лишь однажды; какъ все оригинальное она не допускаетъ подражанія. Захватъ нами этой области возбудилъ зависть Европы; всѣ наши сосѣди теперь на стражѣ противъ насъ. Благоразумно ли начинать войну когда Россія усиленно вооружается на нашей границѣ и выжидаетъ только удобной минуты наласть на Пруссію? Нужно было бы для этого чтобъ обстоятельства совершенно измѣнились, чтобъ умеръ Бестужевъ, чтобы въ Константинополѣ воцарился другой Солиманъ, чтобы во Франціи управленіе сосредоточилось въ рукахъ честолюбиваго и полновластнаго министра." Изо всего этого мы видимъ что Фридрихъ не отказался ни отъ одного изъ своихъ завоевательныхъ плановъ, но для осуществленія ихъ желалъ чтобъ обстоятельства сложились вполнѣ благопріятно для него, чего по его мнѣнію вовсе не было въ 1755 году, а между тѣмъ война готова была возгорѣться. Въ началѣ занимала его мысль, нельзя ли было по крайней мѣрѣ достигнуть чтобы не коснулась она Германіи, но очень скоро убѣдился онъ что Французы имѣютъ твердое намѣреніе вторгнуться въ Ганноверъ и разчитываютъ на его содѣйствіе. „Напишите королю, говорилъ Рулье прусскому посланнику въ Парижѣ Книлгаузену, чтобъ онъ помогалъ намъ въ экспедиціи противъ Ганновера; тамъ есть чѣмъ поживиться; казна Георга II

достаточно богата, вашъ король можетъ захватить ее и это будетъ вполнѣ законнымъ призомъ.“ Но радушныя предложенія такого рода только усиливали смущеніе Фридриха. Какъ нарочно срокъ союзнаго его договора съ Франціей истекалъ 5 іюля 1756 года. Еслибы до того времени онъ не возобновилъ этотъ трактатъ, то конечно Франція никогда не простила бы ему подобный поступокъ, а возобновить его значило бы, подчинившись рабски политикѣ Версальскаго двора, накликать на себя войну съ Австріей, Россіей, Англіей и Саксоніей.

Положеніе было чрезвычайно трудное, но совершенно неожиданно представилась Фридриху возможность выйти изъ него повидимому съ блестящимъ успѣхомъ. Если ему хотѣлось до болѣе удобнаго времени поддержать миръ на материкѣ Европы, то и Англія по своимъ соображеніямъ преслѣдовала тѣ же цѣль. Министры Георга II боялись за Ганноверъ и были убѣждены что Фридрихъ въ союзѣ съ Франціей не пощадитъ это курфиршество. Въ виду такой опасности они заранѣе старались усилить свои средства, слѣпили между прочимъ заключеніемъ союзнаго договора съ Россіей, но мало-по-малу созрѣла у нихъ мысль не лучше ли рѣзко измѣнить свою политику и изъ врага сдѣлать себѣ Фридриха другомъ? Словомъ, они отважились на мѣру которая по смѣлости и неожиданности мало чѣмъ уступала перевороту въ политической системѣ задуманному Кауницомъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ во всѣхъ подробностяхъ какимъ образомъ дошли они до такого убѣжденія; быть-можетъ, когда будетъ обнародована политическая корреспонденція Фридриха относящаяся къ началу Семилѣтней войны, то откроется что впервые оно было подсказано имъ самимъ, но по имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ инціатива принадлежала вполнѣ Англіи. Государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ лордъ Голдернессъ горячо взялся за это дѣло. Онъ посѣтилъ герцога Брауншвейгскаго, чрезъ котораго и начались переговоры съ Прусскимъ королемъ.

Фридрихъ, какъ всегда онъ дѣлалъ въ важныхъ случаяхъ, набросалъ на бумагѣ свои соображенія по этому поводу. „Я не гарантировалъ Франціи ея американскія владѣнія, говоритъ онъ: такъ какъ война грозитъ возникнуть изъ-за нихъ, то она нисколько меня не касается. Союзъ мой съ Франціей исключительно оборонительный, никто не помышляетъ нападать

на ея европейскія владѣнія, слѣдовательно я не обязанъ ко вмѣшательству. Къ тому же срокъ моего союзнаго договора истекаетъ въ непродолжительномъ времени и мнѣ предоставлена будетъ полная свобода сообразоваться лишь со своими интересами.“ Фридрихъ обращается затѣмъ къ вопросу, въ какомъ положеніи очутился бы онъ еслибы принялъ участіе въ войнѣ: „Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы дѣйствовать противъ обѣихъ императрицъ и противъ Ганновера. Австрія можетъ выставить 100.000 войска, Россія 60.000, Ганноверъ 40.000, а у меня лишь 120.000 Еслибъ еще по крайней мѣрѣ враги были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, то я могъ бы прибѣгнуть къ наступательному образу дѣйствій, но по своему географическому положенію они принудятъ меня раздробить мои силы и ограничиться оборонительною войной. Слѣдуетъ ли начинать войну когда сознаешь себя вдвойнѣ слабѣе своего противника? Нѣтъ. Слѣдуетъ ли начинать ее когда съ нашей стороны она должна быть только оборонительною? Нѣтъ, ибо такая война изо всѣхъ войнъ самая трудная и опасная. Но долженъ ли я оставаться безучастнымъ и смотрѣть равнодушно на то что̀ будутъ дѣлать другія державы? Также нѣтъ. Нельзя же мнѣ въ самомъ дѣлѣ не предпринимать ровно ничего когда, напримѣръ, Русскіе вторгнутся въ Германію, я неминуемо вынужденъ буду сразиться съ ними и такимъ образомъ приму участіе въ войнѣ. Единственное средство помѣшать вторженію Русскихъ, это нейтралитетъ, предлагаемый мнѣ Англіей. Слѣдовательно я долженъ принять предложеніе Англійскаго правительства.“ *

Въ чемъ же состояло оно? Смыслъ его выраженъ очень ясно въ трактатѣ состоявшемся въ послѣдствіи между Пруссіей и Англіей, а именно означенный трактатъ гласилъ: „Между королемъ Англійскимъ и королемъ Прусскимъ устанавливаются дружба и миръ, и каждая изъ сторонъ обязывается помогать другой противъ посторонняго нападенія. Еслибы противъ всякаго ожиданія и къ явному нарушенію мира, который оба государя намѣреваются утвердить въ Германіи, какая-либо изъ державъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ввела въ Германію свои войска, то они соединятъ свои силы чтобы воспрепятствовать подобному вторженію и охранить миръ Германіи согласно цѣли установившагося

* Ranke, *Der Ursprung des siebenjährigen Krieges*, 121.

между ними соглашенія.“ Такимъ образомъ Пруссія и Англія стремились обезпечить нейтралитетъ Германіи, другими словами, не допустить чтобы война коснулась центральной Европы. Повидимому онѣ могли вполнѣ разчитывать на успѣхъ. Франція не отважилась бы конечно напасть на Ганноверъ не имѣя союзниковъ для подобнаго предпріятія, ибо на кого могла бы она опереться? На Австрію? Но ни Прусскій король, ни англійскіе министры даже не останавливались на подобномъ предположеніи, до такой степени казалось имъ неправдоподобнымъ чтобы Версальскій и Вѣнскій дворы могли соединиться для совокупнаго дѣйствія. На Россію? Вопросъ о томъ какой политики будетъ держаться Русское правительство сильно озабочивалъ Фридриха; онъ старался всячески просвѣтить себя на этотъ счетъ и собранныя имъ свѣдѣнія казались ему вполнѣ успокоительными.

„Прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, разказываетъ онъ въ своей *Исторіи Семилѣтней войны*, король счелъ необходимымъ извѣдать образъ мыслей Русскаго правительства. Такъ какъ въ лицѣ канцлера Бестужева имѣлъ онъ явнаго врага, то и невозможно было ему получить свѣдѣнія прямо изъ Петербурга, тѣмъ болѣе что всякія сношенія между дворами С.-Петербургскимъ и Берлинскимъ были прерваны. Онъ обратился поэтому къ своему посланнику въ Вѣнѣ Клингграффу и къ англійскому министру лорду Голдернессу чтобъ узнать въ какихъ отношеніяхъ находится Россія къ Англіи, а главное, кто имѣетъ болѣе вліянія въ Петербургѣ— Англичане или Австрійцы? Клингграффъ отвѣчалъ что Русскіе вообще отличаются своею жадностью, что они гораздо охотнѣе присоединятся къ тѣмъ кто будетъ лучше платить имъ, чѣмъ къ тѣмъ кто не имѣетъ для этого средствъ, что императрица Елисавета нуждается часто въ деньгахъ даже для своихъ личныхъ расходовъ, что поэтому Русскіе предпочтутъ держаться Англіи, имѣющей, благодаря своимъ громаднымъ богатствамъ, возможность выдавать имъ щедрыя субсидіи. Отвѣтъ лорда Голдернесса гласилъ что между Англіей и Россіей господствуетъ тѣсное согласіе и король Георгъ можетъ вполнѣ разчитывать на дружбу императрицы Елисаветы. Свѣдѣнія полученныя королемъ отъ его посланника въ Голландіи до такой степени согласовались со свѣдѣніями изъ Лондона и Вѣны что онъ не усомнился что столько различныхъ лицъ не могли ошибаться относительно одного

и того же предмета.“ Одно обстоятельство смущало еще Фридриха, а именно трактатъ который задолго до этого времени Англія старалась заключить съ Россіей, но всѣ англійскіе министры — герцогъ Ньюкастль, лордъ Голдернессъ и Фоксъ—торжественно завѣряли его что означенный трактатъ имѣлъ цѣлью оборону Ганновера и австрійскихъ Нидерландовъ, что, правда, онъ былъ направленъ противъ Пруссіи до тѣхъ поръ пока полагали что отъ нея можетъ угрожать опасность этимъ землямъ, но теперь, когда Пруссія будетъ дѣйствовать заодно съ Англіей, то и англо-русскій трактатъ получитъ другое назначеніе: какъ выразился одинъ изъ министровъ: слова останутся тѣ же, но смыслъ ихъ долженъ измѣниться. Какъ ни были положительны эти заявленія, странно однако что Фридрихъ вполнѣ довѣрился имъ. Онъ уже имѣлъ не мало дѣла съ Русскимъ правительствомъ и изъ собственнаго опыта слѣдовало бы ему кажется убѣдиться что едва ли способно оно играть какую угодно роль, смотря по тому кто успѣшнѣе воспользуется его мнимымъ корыстолюбіемъ. Король Прусскій очевидно не могъ освободиться отъ укоренившагося у него убѣжденія что у Россіи нѣтъ національной политики, и что въ международныхъ своихъ сношеніяхъ она менѣе всего руководится яснымъ пониманіемъ своихъ интересовъ. Мы уже достаточно видѣли что всѣ неудачи своей дипломатіи въ Петербургѣ во время войны за австрійское наслѣдство онъ объяснялъ тѣмъ что Англичане могли расходовать тамъ такія громадныя суммы золота какія были ему не по средствамъ. Онъ вполнѣ сроднился съ мыслью что Россія находится въ услуженіи у Англіи. * На этомъ былъ построенъ весь его планъ, готовившій ему самое горькое разочарованіе. Онъ увидѣлъ свою ошибку когда уже было поздно исправить ее.

Сношенія Фридриха съ Англійскимъ правительствомъ происходили въ глубокой тайнѣ, такъ что даже первый его министръ и одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей, Подевильсъ, ничего не зналъ о нихъ до послѣдней минуты Такъ-называемый Вестминстерскій трактатъ между Англіей и Пруссіей былъ подписанъ 16 января 1756 года, но еще за

* „Toutes les probabilités me portaient à croire, говоритъ Фридрихъ въ *Apologie de ma conduite*, que la Russie suivrait *aveuglement* le parti des Anglais, du moins qu'elle ne se déclarerait pas contre les alliés du roi de la Grande-Bretagne“.

нѣсколько дней до того прибылъ въ Берлинъ французскій уполномоченный герцогъ Ниверне.

Кромѣ знатности своего рода и высокаго положенія при дворѣ, герцогъ имѣлъ репутацію человѣка весьма образованнаго и даже отчасти литератора; онъ состоялъ членомъ Французской Академіи, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ тогдашнихъ beaux-esprits и находясь посланникомъ въ Римѣ оказалъ услугу Монтескьё тѣмъ что убѣдилъ инквизицію не подвергать запрещенію сочиненій этого философа. Въ выборѣ такого лица Французское правительство очевидно желало быть пріятнымъ Фридриху. Министръ иностранныхъ дѣлъ формулировалъ сущность данныхъ ему инструкцій въ нѣсколькихъ словахъ: „Франція имѣетъ только одного заклятаго врага—короля Англійскаго и твердо намѣрена преслѣдовать его всѣми средствами находящимися въ его обладаніи, какъ на морѣ такъ *и на сушѣ*“. Не трудно было понять изъ этого что Версальскій дворъ имѣлъ въ виду Ганноверъ, и задачей герцога Ниверне было склонить Фридриха къ участію въ этомъ походѣ. Король принялъ его 14 января и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, въ которомъ коснулся всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ. * Герцогъ доказывалъ что Пруссія могла бы безбоязненно возобновить свой союзъ съ Франціей, ибо еслибы начала угрожать ей Россія, то противъ этой державы не трудно поднять Турцію. Швецію, а также Польшу, которая не пропуститъ конечно русскихъ войскъ чрезъ свои земли. „Но они пойдутъ не чрезъ Польшу, а чрезъ Курляндію, гдѣ уже и теперь сосредоточено значительное ихъ число, возражалъ король; что касается Порты, то Россія не имѣетъ причины опасаться какой-либо серіозной демонстраціи съ ея стороны, ибо султанъ одержимъ смертельнымъ недугомъ и янычары ненавидятъ его. Столь же мало помощи можно ожидать и отъ Швеціи послѣ недавняго переворота, окончательно ослабившаго тамъ монархическую власть; самъ король склоняется на сторону Россіи, и я не въ силахъ препятствовать этому; сестра моя не лишена ума, но капризна и упряма, и я утратилъ всякое надъ

---

* „Sa Majesté, говоритъ Ниверне, — me garda cinq quart d'heure et pendant ce temps me parla beaucoup sur les affaires générales; j'eus un grand plaisir à l'entendre et il s'exprima avec toute l'éloquence, tout l'esprit et toute la sagesse imaginable.“

нею вліяніе". Подъ конецъ бесѣды Фридрихъ не скрылъ отъ Ниверне что ведетъ переговоры съ Англійскимъ правительствомъ, хотя выставлялъ ихъ въ такомъ невинномъ свѣтѣ что отъ нихъ не должны будто бы нисколько пострадать его добрыя отношенія къ Версальскому двору. Извѣстіе это крайне встревожило французскаго уполномоченнаго: онъ прибылъ нарочно для того чтобы заключить союзъ противъ Англіи и на первыхъ же шагахъ встрѣчался съ непреодолимымъ препятствіемъ.

Онъ далъ полную волю своему раздраженію въ бесѣдѣ съ Подевильсомъ. Министръ Фридриха успокоивалъ его что соглашеніе съ Англичанами имѣетъ единственною цѣлію оградить Германію отъ ужасовъ войны, что конечно съ этой стороны Франція будетъ стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, но развѣ она не можетъ вознаградить себя другими предпріятіями которыя причинятъ существенный вредъ ея противнику? „Вамъ извѣстно, возражалъ Ниверне, что на морѣ намъ трудно побѣдить Англичанъ; не легко намъ также пробраться и на ихъ островъ; гдѣ же можемъ мы нанести имъ удары какъ не въ Ганноверѣ которымъ такъ дорожитъ король Георгъ, и именно тутъ-то вы хотите связать насъ по рукамъ и по ногамъ." Ниверне упомянулъ что союзъ съ Франціей представляетъ надежныя гарантіи для короля Прусскаго, ибо Франція можетъ выставить 160.000 войска. „Да еслибы даже было ихъ вдвое болѣе, отвѣчалъ Подевильсъ, то все-таки недостаточно этого чтобъ отстаивать Восточную Пруссію отъ Русскихъ и Силезію отъ Австрійцевъ." Переговоры возобновлялись нѣсколько разъ и съ Подевильсомъ и съ самимъ Фридрихомъ, но такъ же неудачно для уполномоченнаго Лудовика XV. „Самый сильный аргументъ къ которому прибѣгнулъ герцогъ Ниверне, разказываетъ Фридрихъ въ *Исторіи Семилѣтней войны*, съ цѣлью склонить короля къ союзу съ Франціей состоялъ въ томъ чтобы предложить ему обладаніе островомъ Табаго. Надо замѣтить что послѣ войны окончившейся Ахенскимъ миромъ Французы отдали этотъ островъ графу Морицу Саксонскому, но такъ какъ Англичане выражали сильное неудовольствіе, то и было постановлено что Табаго останется незаселеннымъ и никакая нація не будетъ его обрабатывать. Упомянутое предложеніе было слишкомъ страннымъ чтобы серіозно отнестись къ нему. Король обратилъ все это въ шутку и попросилъ герцога

поискать кого-нибудь другаго, кто подобно Санхо-Пансѣ сѣ на островѣ Баратаріи согласился бы быть губернаторомъ острова Табаго". Впрочемъ Фридрихъ употреблялъ всѣ усилія чтобы не поссориться съ Франціей и не переставалъ доказывать что несмотря на договоръ заключенный имъ съ Англійскимъ правительствомъ ничто не мѣшаетъ возобновленію союза его и съ Версальскимъ дворомъ. Конечно. это было бы торжествомъ дипломатическаго искусства съ его стороны: еслибы, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англіей, онъ привлекъ къ себѣ чрезъ посредство этой державы Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не поссорился бы съ Франціей, то онъ могъ бы съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотрѣть на замыслы Вѣнскаго двора! Вслѣдствіе того оказывалъ онъ необыкновенное вниманіе герцогу Ниверне, бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ и даже составлялъ съ нимъ планы, какъ лучше могла бы Франція поразить своего врага отказавшись отъ наступательныхъ противъ него дѣйствій на материкѣ Европы. „Еслибы, говорилъ онъ, былъ я на мѣстѣ короля Французскаго, то предпринялъ бы двоякаго рода высадку—одну съ 8.000 человѣкъ въ Ирландію, а другую съ 24.000 въ Англію: эту послѣднюю направилъ бы я не на Лондонъ, а куда-нибудь по близости Портсмута: главнокомандующему слѣдовало бы тотчасъ же пріискать удобную позицію и какъ можно лучше укрѣпить ее; не нужно брать съ собой много кавалеріи, потому что это затруднило бы лишь высадку войскъ". Герцогъ Ниверне съ любопытствомъ выслушивалъ стратегическія соображенія знаменитаго полководца. но едва ли не гораздо интереснѣе для него было узнать въ чемъ дѣйствительно заключался союзъ между Пруссіей и Англіей. Самъ Фридрихъ не замедлилъ просвѣтить его на этотъ счетъ и притомъ въ такой формѣ чтобы внушить ему полное довѣріе. Однажды въ Потсдамѣ пригласилъ онъ его къ себѣ и вручилъ ему конверты только-что полученные изъ Лондона; они были запечатаны англійскою государственною печатью; король предложилъ герцогу распечатать ихъ: то былъ подлинникъ Вестминстерскаго трактата и секретныхъ къ нему статей. Ниверне могъ убѣдиться что не содержалось въ нихъ ничего такого что̀ было бы въ противорѣчіи съ сообщенными ему прежде свѣдѣніями, и это было конечно большимъ утѣшеніемъ для него, хотя сущность дѣла нисколько отъ того не измѣнялась. Онъ спѣшилъ

покинуть Берлинъ гдѣ дальнѣйшее пребываніе его не имѣло цѣли, но предъ отъѣздомъ обѣщалъ всячески трудиться чтобы не произошло разрыва между Пруссіей и Франціей. „Теперешнія обстоятельства таковы, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Парижѣ Книпгаузену, что вы можете представить мнѣ убѣдительныя доказательства вашихъ способностей. Нужно не щадить ничего чтобъ узнать въ точности, возбудилъ ли во французскихъ министрахъ мой вполнѣ невинный образъ дѣйствій нѣчто болѣе чѣмъ простое неудовольствіе. Если окажется что они предаются тому мимолетному раздраженію которое часто овладѣваетъ ими, то можно будетъ возобновить союзный договоръ съ Франціей; если же заноза глубоко проникла въ ихъ сердце, мнѣ придется усвоить совершенно другую роль. Вообще же я полагаю что если сунутся они въ Вѣну, то не добьются тамъ ничего кромѣ пышныхъ фразъ; увидавъ что нѣтъ тамъ такихъ простаковъ которые согласились бы жертвовать собой для нихъ, они будутъ очень рады снова сойтись со мной; они не замедлятъ понять что ни у кого нѣтъ охоты вмѣшиваться въ ихъ войну изъ-за ловли какой-то трески. Старайтесь льстить Помпадуръ: быть-можетъ она окажется словоохотливѣе и не только выболтаетъ то что̀ утаиваютъ министры, но снова приведетъ все въ порядокъ.“

Въ Версали впечатлѣніе Вестминстерскаго трактата было чрезвычайное. Никто не ожидалъ ничего подобнаго и тѣмъ сильнѣе было общее раздраженіе. „Версальскій дворъ, говорилъ въ послѣдствіи Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, задался повидимому мыслью что король Прусскій находился въ такихъ же отношеніяхъ къ Франціи въ какихъ господарь Валахскій къ Портѣ, то-есть что онъ вассальный владѣтель, обязанный начинать войну какъ скоро получалъ приказаніе. Узнавъ что онъ вовсе не былъ намѣренъ обнаружить такую покорность, считали его чуть не бунтовщикомъ“. Никто лучше короля Прусскаго не зналъ какъ мало правды въ этихъ словахъ; почти съ самаго вступленія своего на престолъ дѣйствовалъ онъ заодно съ Франціей, но не только не подчиняясь ей, а напротивъ заставляя ее подчиняться своей волѣ; въ войнѣ руководился онъ исключительно своими выгодами и цѣлями и два раза заключалъ миръ не обращая никакого вниманія на интересы союзной съ нимъ державы. Онъ конечно имѣлъ право отказаться отъ

участія въ войнѣ съ Англіей; еслибы Версальскій дворъ негодовалъ на него лишь за это, то совѣсть его могла бы оставаться спокойною, но дѣло шло совсѣмъ о другомъ. Еще прежде чѣмъ Людовикъ XV обратился къ нему съ запросомъ, можно ли разчитывать на его содѣйствіе, Фридрихъ заключилъ съ Англіей трактатъ, который никакими софизмами нельзя было оправдать будто не былъ онъ направленъ противъ Франціи; если Фридрихъ, какъ старался онъ увѣрить, считалъ свой образъ дѣйствій „совершенно невиннымъ“, то зачѣмъ же до послѣдней минуты облекалъ онъ его непроницаемою тайной, зачѣмъ оставлялъ въ неизвѣстности Версальскій дворъ, съ которымъ связывалъ его формальный союзъ? Все это бросается въ глаза, и можно только удивляться что еще и теперь нѣмецкіе историки стараются выставить политику его вполнѣ безупречною.

Если кто былъ доволенъ получивъ извѣстіе о Вестминстерскомъ трактатѣ, то конечно Кауницъ. И онъ былъ изумленъ такъ сильно что при первыхъ словахъ объ этомъ англійскаго посланника Кейта опустился въ кресло и нѣсколько минутъ оставался безмолвнымъ, но къ изумленію примѣшивался и восторгъ. Въ письмѣ къ Штарембергу выразился онъ о Вестминстерскомъ договорѣ что это „un événement définitif pour le bonheur de la maison d'Autriche“. Положеніе дѣлъ быстро измѣнилось. Даже тѣ министры Людовика XV которые, какъ, напримѣръ, Д'Аржансонъ и Пюизьё, всегда были сторонниками союза съ Пруссіей, заговорили теперь о необходимости сблизиться съ Вѣнскимъ дворомъ. Переговоры, въ которыхъ попрежнему главная роль принадлежала аббату Бернису и Штарембергу, привели къ заключенію 1 мая 1756 года двухъ трактатовъ, изъ коихъ первымъ, такъ-называемымъ „нейтральнымъ“, Австрія обязывалась въ теченіе морской войны между Франціей и Англіей соблюдать строгій нейтралитетъ, а Франція обѣщалась ни въ какомъ случаѣ не нападать на Нидерланды или какія-либо другія владѣнія императрицы-королевы; второй трактатъ былъ оборонительный, сущность коего заключалась въ томъ что въ случаѣ нападенія на одну изъ союзныхъ державъ, другая должна была выставить на помощь ей 24.000 войска. Но гораздо любопытнѣе предшествовавшіе переговоры, въ которыхъ выяснились значеніе и смыслъ этихъ обязательствъ. Французское правительство все еще не отваживалось идти

такъ далеко какъ хотѣлось бы Австрійцамъ; оно заявило что не будетъ препятствовать попыткамъ Вѣнскаго двора возвратить себѣ Силезію, но что онъ долженъ домогаться этого собственными средствами или опираясь на другія государства, а никакъ не разчитывая на Францію; взамѣнъ такой уступки, оно выговаривало себѣ полную свободу дѣйствій относительно Ганновера. „Все показываетъ, писалъ изъ Парижа Штарембергъ, что здѣсь еще колеблются совершенно пожертвовать королемъ Прусскимъ; объясняется это опасеніями что Австрія, еслибъ удалось ей разгромить Пруссію, возстановитъ свои дружественныя отношенія къ морскимъ державамъ и, пожалуй, будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Франціи; въ виду этого не хотятъ довести до послѣдней крайности Прусскаго короля, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность воспользоваться имъ; Версальскій дворъ желалъ бы ограничить его силы, но не уничтожать ихъ совсѣмъ.“ Такимъ образомъ Франція и Австрія должны были дѣйствовать противъ своихъ враговъ независимо одна отъ другой, но не трудно было предвидѣть что между ними установится гораздо болѣе тѣсная связь. Такъ дѣйствительно и случилось, причемъ французская политика даже вполнѣ подчинила свои интересы политикѣ австрійской.

Изъ представленнаго нами очерка быстрыхъ и неожиданныхъ переворотовъ въ системѣ союзовъ, господствовавшей до того времени въ Европѣ (ces revirements de systèmes si subits et si inattendus, какъ выражается Фридрихъ), можно убѣдиться какая огромная роль принадлежала во всемъ этомъ Россіи. Прусскій король не заключилъ бы Вестминстерскаго договора еслибы не былъ убѣжденъ что Россія ни въ какомъ случаѣ не отпатнется отъ Англіи; союзъ съ одною изъ этихъ державъ былъ дорогъ для него только потому что и другая, какъ ему казалось, неминуемо должна была участвовать въ немъ. „Совершенно ли увѣрены вы въ Русскихъ“, спрашивалъ онъ безпрерывно англійскаго посланника Митчеля, и еслибы замѣтилъ въ его словахъ хотя малѣйшее сомнѣніе, то не отважился бы на задуманный имъ шагъ, но Митчель успокоивалъ его самымъ положительнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ его словъ, а также сообщеній получаемыхъ имъ отъ лорда Голдернесса, Фридрихъ мечталъ не о нейтралитетѣ только Россіи, но и о томъ какъ воспользоваться войсками которыя Русское правительство намѣревалось пред-

оставить въ распоряженіе Англіи: онъ уже составлялъ на этотъ счетъ разные планы, предполагалъ что въ случаѣ нужды, посадивъ ихъ на корабли въ Курляндскихъ и Лифляндскихъ гаваняхъ, можно будетъ перевезти ихъ на берега Пруссіи или Помераніи. Съ другой стороны, Австрія достигла своей цѣли: Версальскій дворъ порвалъ давнишнюю свою связь съ Пруссіей и не препятствовалъ ей дѣйствовать противъ этого государства, но очевидно Австрія не въ состояніи была отважиться на войну безъ энергической поддержки со стороны Русскаго правительства. Послѣднее рѣшительное слово въ наступавшихъ событіяхъ принадлежало такимъ образомъ Россіи, которая съ перваго взгляда очутилась въ весьма странномъ положеніи: были у нея два союзника и оба они вступили въ союзъ съ ея врагами, — Австрія съ Франціей, Англія съ Пруссіей. Какой образъ дѣйствій усвоитъ она среди новыхъ и столь быстро сложившихся комбинацій? Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ правительствомъ императрицы Елисаветы Петровны очень скоро, безо всякихъ колебаній и притомъ вполнѣ самостоятельно, такъ что еще разъ убѣдило оно и своихъ враговъ и своихъ друзей что руководится лишь интересами своей страны, а не какими-либо посторонними и случайными вліяніями.

VIII.

Предъ началомъ Семилѣтней Войны странное зрѣлище представляетъ Русскій дворъ. Съ того времени какъ Елисавета вступила на престолъ Бестужевъ не переставалъ указывать на великія опасности которыя могутъ произойти для Россіи отъ усиленія по сосѣдству съ нею такого государства какъ Пруссія. То былъ основной принципъ его политики. Необычайныя трудности пришлось ему преодолѣть чтобы доставить торжество своимъ идеямъ: императрица колебалась, люди близко стоявшіе къ ней прибѣгали къ возмутительнымъ средствамъ чтобы повредить канцлеру и охотно становились орудіями интриги, въ которой съ неслыханною дерзостью упражнялись иностранные дипломаты при нашемъ дворѣ. Это тяжелое время однако миновало. Мало-по-малу рѣшительно всѣ, сама Елисавета, Бестужевъ, Воронцовъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ, были вполнѣ согласны между собою относительно необходимости „сократить силы скоро-

постижнаго Прусскаго короля и выставляли это главною задачей русской политики. Наступила наконецъ пора приступать къ ея исполненію. Бестужеву предстояло, казалось пожать плоды своихъ давнишнихъ усилій, но тутъ-то и произошло нѣчто необычайное: человѣка который положилъ всю свою жизнь на извѣстное дѣло выставляютъ чуть ли не главнымъ врагомъ его, хотятъ увѣрить будто теперь онъ въ такой же мѣрѣ старался вредить ему какъ прежде заботился объ его успѣхѣ. Гдѣ же искать разгадку столь неожиданнаго переворота? Соловьезъ, строго осуждающій дѣятельность Бестужева въ послѣдніе годы его управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, полагаетъ что онъ слишкомъ сроднился съ мыслью о выгодахъ для Россіи союза съ Англіей и не могъ отказаться отъ этой мысли даже въ то время, когда Англія сблизилась съ Пруссіей: въ такомъ случаѣ ужь гораздо правдоподобнѣе были злобные навѣты враговъ канцлера, будто главнымъ образомъ дѣйствовало на него англійское золото, а между тѣмъ почтенный историкъ совершенно справедливо выгораживаетъ его съ этой стороны. Не смотря на всѣ увѣренія и Фридриха Великаго и государственныхъ людей тѣхъ державъ которымъ не нравилась русская политика, никто не остановится конечно серіозно на предположеніи будто условливалась она удачными подкупами. Но если такъ, то возможно ли допустить что рѣзкая перемѣна въ образѣ дѣйствій Англіи, перемѣна изумившая всю Европу, не поразила и Бестужева, что онъ по рутинѣ хотѣлъ остаться вѣрнымъ союзу съ Англіей, зная даже что этимъ возстановитъ противъ себя императрицу, ненависть коей къ Прусскому королю не имѣла границъ? Указываютъ еще на одно важное обстоятельство, побуждавшее будто бы его дѣйствовать по малой мѣрѣ двусмысленно, а именно на его отношенія къ молодому двору; но въ этихъ отношеніяхъ не все представляется одинаково яснымъ: почему, сближаясь съ Екатериной, Бестужевъ долженъ былъ бы отказаться отъ принциповъ которыхъ постоянно держался онъ до тѣхъ поръ въ своей политикѣ? Если наслѣдникъ престола благоговѣлъ предъ Фридрихомъ, то гдѣ доказательства что и Екатерина преклонялась въ это время предъ Прусскимъ королемъ? На это можно возразить что нуждалась она не во Фридрихѣ, а въ Англійскомъ правительствѣ, что для успѣха замысловъ которые преслѣдовала она

при участіи канцлера требовались деньги. что получить ихъ можно было только отъ англійскаго посла Уильямса. съ которымъ сблизилась она чрезъ графа Понятовскаго. что Уильямсъ дѣйствительно оказывалъ ей эти услуги. и что такимъ образомъ Бестужевъ поневолѣ вынужденъ былъ отстаивать союзъ съ Англіей даже послѣ того какъ произошло сближеніе между этою державой и Пруссіей. Но дѣло въ томъ. до какой степени былъ искренекъ Бестужевъ въ своихъ отношеніяхъ къ Уильямсу? Англійскій посолъ далеко не принадлежалъ къ числу тонкихъ и проницательныхъ дипломатовъ: онъ безпрерывно вдавался въ обманъ, не въ состояніи былъ уразумѣть ни общаго положенія дѣлъ, ни цѣлей и намѣреній лицъ съ которыми приходилось ему сноситься; извѣстно что Бестужевъ обнадеживалъ его самыми пышными обѣщаніями. увѣрялъ его что будетъ благопріятствовать Прусскому королю, не допуститъ до разрыва между Россіей и Англіей. но не говоря уже о томъ что онъ не могъ, крайне сомнительно чтобъ онъ и хотѣлъ дѣйствовать въ такомъ смыслѣ. Не даромъ съ теченіемъ времени Уильямсъ все болѣе и болѣе разочаровывался въ канцлерѣ и даже называлъ его измѣнникомъ. Судить о Бестужевѣ слѣдуетъ не на основаніи того что разказывали о немъ въ своихъ депешахъ иностранные дипломаты при нашемъ дворѣ, а на основаніи его поступковъ, тѣхъ мѣръ которыя предлагалъ онъ. и едва ли. кажется намъ, что-нибудь въ этихъ мѣрахъ способно вызвать неблагопріятный о немъ отзывъ.

Главное его несчастіе заключалось въ томъ что онъ никогда не пользовался расположеніемъ Елисаветы. Она держала его потому что онъ былъ необходимъ, хотя даже во время наибольшаго своего вліянія онъ не всегда могъ добиться личнаго доклада и сносился съ нею письменно. Елисавета очевидно предназначала преемникомъ ему Воронцова, но Воронцовъ почти съ первыхъ же шаговъ началъ вести себя такъ что утратилъ довѣріе своей высокой покровительницы: въ 1753 году однако—обстоятельство чрезвычайно важное—онъ возвратилъ себѣ ея милость, и всѣ враги канцлера, начиная съ фаворита Шувалова, стали на сторонѣ Воронцова. Уже съ этой минуты участь Бестужева была рѣшена: зачѣмъ держать непріятнаго человѣка когда есть другой, рабски усвоившій его взгляды, хотя долго ратовалъ противъ нихъ, и готовый идти по тому же самому пути? Нельзя отрицать

конечно что Бестужевъ дѣлалъ ошибки, но онѣ были не такъ важны чтобы поколебать его репутацію, а между тѣмъ съ этого времени каждая его ошибка вмѣнялась ему въ преступленіе.

Первый сильный ударъ ему былъ нанесенъ трактатомъ съ Англіей о субсидіяхъ, о которомъ приходилось намъ упоминать неоднократно. Переговоры объ этомъ трактатѣ начались еще въ 1753 году и длились болѣе двухъ лѣтъ. Цѣль его была обозначена очень ясно. Англійское правительство хотѣло заручиться содѣйствіемъ русскихъ войскъ противъ короля Прусскаго, ибо страшилось нападенія съ его стороны на Ганноверъ и надѣялось что Россія, по извѣстнымъ отношеніямъ своимъ къ Пруссіи, не откажетъ ему въ помощи. Борьба съ Фридрихомъ, вотъ что̀ слѣдовательно имѣлось въ виду, и инструкціи Гюндекенсу, а затѣмъ замѣнившему его Уильямсу, свидѣтельствуютъ что дѣйствительно у Англичанъ не было другихъ намѣреній. Правда, они не прочь были, въ случаѣ нужды, употребить русское войско и для защиты, напримѣръ, австрійскихъ Нидерландовъ, и съ этой стороны трактатъ вызывалъ сильныя возраженія. Впрочемъ Англичане не думали настаивать особенно упорно на послѣднемъ условіи. „Сомнѣнія императрицы относительно трактата, говорили Уильямсу, происходятъ отъ того что ея величеству не желательно посылать свои войска такъ далеко, въ Германію или Нидерланды, а хотѣлось бы употребить ихъ исключительно противъ короля Прусскаго, когда онъ вмѣшается въ войну.“ Уильямсъ отвѣчалъ что какъ скоро трактатъ будетъ ратификованъ, то король Англійскій безъ сомнѣнія исполнитъ желаніе императрицы. Многіе у насъ думали также что условія на которыхъ Русское правительство принимало на себя обязательство помогать Англіи не были достаточно выгодны, ценили на скудость субсидій, и подъ вліяніемъ всего этого императрица медлила изъявить свое согласіе. Но канцлеръ былъ рѣшительнымъ приверженцемъ трактата, и 19 января 1756 года подалъ императрицѣ записку, въ которой старался опровергнуть возраженія на него. „По несчастію, говорилъ онъ, ничего легче нѣтъ какъ критиковать, по меньшей мѣрѣ гораздо беззаботнѣе, нежели прямое дѣло дѣлать; цѣлый свѣтъ нынѣ зараженъ сею болѣзнію... Въ держанныхъ въ Москвѣ, при дворѣ конференціяхъ, всѣ единогласно кричали что надо за усмиреніе короля Прусскаго приняться, не смотря на то, станутъ ли союзники содѣйствовать въ томъ или

нѣтъ, только бы здѣшняя армія умножена была. Теперь, когда сіе умноженіе сдѣлано и дѣло идетъ не о томъ чтобы самимъ и однимъ Прусскаго короля атаковать, а только о томъ чтобы помогать противъ него союзникамъ, слѣдовательно приводить его подъ чужимъ именемъ и съ помощью чужихъ денегъ въ безсиліе, то вдругъ тѣ же самые противъ подаянія помощи спорятъ которые прежде совѣтовали и подписали не смотря ни на что самимъ атаковать.“ Бестужевъ повторялъ тѣ же аргументы которые мы встрѣчаемъ въ запискахъ его относившихся къ сороковымъ годамъ, когда доказывалъ онъ необходимость для Россіи бороться съ Фридрихомъ опираясь на естественныхъ ея союзниковъ: если союзники не встрѣтятъ помощи съ ея стороны, то одинъ за другимъ потерпятъ они пораженіе отъ Прусскаго короля, который уже находится въ тѣсномъ союзѣ со Швеціей, легко можетъ привлечь къ себѣ Турцію, окончательно ослабитъ Саксонію, и тогда уже трудно будетъ противиться завоевательнымъ его планамъ: „Россія, не имѣя ни одного союзника, останется одна противъ многихъ непріятелей, которые, не имѣя ничего опасаться, будутъ только о томъ пещись чтобы Россію если не въ старые предѣлы привести, то по меньшей мѣрѣ инфлюенцію ея изъ генеральныхъ дѣлъ выключить“. Совѣты Бестужева превозмогли, и императрица подписала конвенцію, но присоединивъ къ ней особую декларацію гласившую что русскія войска должны явиться на помощь королю Англійскому единственно въ томъ случаѣ если будетъ сдѣлано нападеніе на его владѣнія со стороны Пруссіи, что они предназначаются дѣйствовать исключительно противъ этого государства и не могутъ быть направлены ни въ Нидерланды, ни въ Ганноверъ, ни на Рейнъ.

Нѣтъ повода сомнѣваться что при тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ возникла мысль о договорѣ между Англіей и Россіей означенная декларація не встрѣтила бы возраженій со стороны Англійскаго правительства. Главная цѣль къ которой оно стремилось—совмѣстный образъ дѣйствій двухъ державъ противъ Пруссіи — была достигнута имъ вполнѣ, и оно легко могло бы помириться съ тѣмъ что нельзя было ему располагать русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ такъ безусловно какъ бы ему хотѣлось. Но въ то самое время когда въ Петербургѣ шли окончательные переговоры о ратификаціи конвенціи, уже установилось сближеніе между Англіей и Пруссіей. Никто не зналъ объ этомъ, не только наше

правительство, но даже и Уильямсъ не получилъ ни малѣйшаго указанія отъ своего двора. Отчасти можно было бы догадаться о намѣреніяхъ министровъ Георга II изъ преній происходившихъ въ парламентѣ по поводу англо-русской конвенціи еще прежде чѣмъ была она подписана, а именно въ декабрѣ 1755 года: общественное мнѣніе въ Англіи видимо склонялось на сторону Фридриха и оппозиція встрѣчала въ немъ надежную опору для ожесточенной борьбы съ министерствомъ; она доказывала устами лучшихъ своихъ ораторовъ что Англія должна главнымъ образомъ заботиться объ усиленіи своихъ средствъ на морѣ, что стараясь пріобрѣсти цѣной значительныхъ субсидій союзниковъ между континентальными державами, она только обезсиливаетъ себя, что кромѣ того она неминуемо расширитъ этимъ размѣры войны, ибо король Прусскій не замедлитъ еще тѣснѣе сблизиться съ Франціей, что кровопролитіе въ Европѣ сдѣлается тогда всеобщимъ, и Англія вынуждена будетъ принять въ немъ участіе. Министерство не могло еще обнаружить тайну, не могло заявить что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ числѣ враговъ англійской націи, но лордъ Голдернессъ сдѣлалъ довольно прозрачный намекъ на это, упомянувъ въ палатѣ лордовъ что англо-русскій трактатъ былъ сообщенъ королю Прусскому и не встрѣтилъ съ его стороны возраженій. Оппозиція поняла о чемъ идетъ дѣло и прекратила свои нападки. Странно что пренія о которыхъ мы говоримъ прошли почти незамѣченными, что ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ не встревожились ими, и объясняется это вѣроятно только тѣмъ что свѣдѣнія о нихъ были недостаточны *. Во всякомъ случаѣ роль Англійскаго правительства въ это время совершенно непостижима: оно вело съ Русскимъ правительствомъ переговоры о конвенціи направленной прямо противъ Пруссіи; въ то же самое время готовилось подписать съ Пруссіей трактатъ объ оборонительномъ союзѣ и какъ будто не сомнѣвалось что ему удастся примирить эти крайности!

---

* Ранке *(Der Ursprung des siebenjährigen Krieges,* 125—127) говоритъ что въ парламентскихъ протоколахъ означенныя пренія изложены очень кратко; тамъ находятся только рѣчи четырехъ ораторовъ, а о рѣчи Голдернесса не упомянуто даже вовсе. О сдѣланномъ имъ заявленіи донесъ Фридриху прусскій посланникъ въ Лондонѣ.

Уильямсъ, явившись къ канцлеру 4 февраля, официально сообщилъ ему о Вестминстерскомъ договорѣ. Еслибы, писалъ Кауницу австрійскій посланникъ Эстергази, извѣстіе это было получено въ Петербургѣ двумя днями ранѣе, то никакимъ образомъ не состоялась бы конвенція между Англіей и Россіей. Не трудно повѣрить этому, ибо впечатлѣніе было крайне тяжелое. Враги Бестужева въ одинъ голосъ вопили противъ него, упрекали его въ недостаткѣ проницательности, хотя въ сущности онъ не сдѣлалъ ничего такого что ставило бы Россію въ затруднительное положеніе. Благодаря ему она только что заключила договоръ съ Англіей, но цѣль этого договора была обозначена вполнѣ ясно,—оба государства намѣревались дѣйствовать противъ общаго врага, Пруссіи, и если одно изъ нихъ уклонялось отъ этой задачи, то и у другаго были развязаны руки: оно могло съ совершенно чистою совѣстью отказаться отъ конвенціи. Если Бестужева обвиняли въ томъ что онъ не предвидѣлъ какую роль разыграетъ Англія, союзъ съ которою онъ постоянно считалъ необходимымъ для Россіи, то кто же предвидѣлъ что-либо подобное? Въ этомъ случаѣ онъ раздѣлялъ участь всѣхъ другихъ государственныхъ людей Европы, и конечно не Воронцовъ могъ хвалиться тѣмъ что былъ болѣе проницателенъ чѣмъ Кауницъ и министры Людовика XV. Какъ бы то ни было, императрица не думала скрывать своего негодованія противъ Бестужева. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Уильямсъ сдѣлалъ упомянутое нами сообщеніе, происходило при дворѣ празднество по случаю бракосочетанія одной изъ ея фрейлинъ; весь дипломатическій корпусъ находился тутъ и въ томъ числѣ Эстергази. Елисавета сказала ему что она не можетъ скрыть своего изумленія отъ поступка короля Англійскаго; что если онъ и увѣряетъ будто бы дружескія отношенія его къ ней нисколько не измѣнились вслѣдствіе сближенія его съ Пруссіей, то никакъ нельзя полагаться на это, зная какою тайной прикрывалъ онъ свои переговоры съ королемъ Прусскимъ, въ то самое время какъ старался получить въ свое распоряженіе русскія войска; между тѣмъ и другимъ трактатами существуетъ явное противорѣчіе; нельзя сомнѣваться что король Англійскій вознамѣрился рѣзко измѣнить свою прежнюю систему. Императрица спросила Эстергази какъ смотритъ на это его дворъ? Посланникъ, уже предупрежденный, по его словамъ, что Елисавета будетъ

бесѣдовать съ нимъ, отвѣчалъ что онъ еще не имѣетъ инструкцій изъ Вѣны, но тѣмъ не менѣе считаетъ себя въ правѣ утверждать что и тамъ взглянутъ на дѣло совершенно такъ же, ибо интересы Россіи и Австріи такъ тѣсно связаны между собой что все причиняющее неудовольствіе въ Петербургѣ отзывается столь же непріятно и въ Вѣнѣ. Онъ замѣтилъ что еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ изложилъ свои мысли по этому поводу въ особой запискѣ, о которой канцлеръ конечно ей докладывалъ. Императрица возразила что въ первый разъ слышитъ теперь о ней, но что если записка не доведена была до ея свѣдѣнія, то это отнюдь неудивительно со стороны такого властолюбиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечнаго человѣка какъ Бестужевъ. Она не щадила его въ дальнѣйшемъ разговорѣ: жаловалась что онъ не выноситъ соперничества съ кѣмъ бы то ни было, кто кажется ему опаснымъ, сознавалась что онъ невыносимъ для нея своими манерами и своею внѣшностью и даже привычкой говорить едва процѣживая слова сквозь зубы; особенно же раздражали ее отношенія канцлера къ молодому двору. „Сколько усилій употребляла я, воскликнула Елисавета, чтобы привязать къ себѣ великаго князя, но при ребяческихъ его вкусахъ и неспособности его серіозно сосредоточиться на чемъ-нибудь, все оказывалось тщетнымъ, а между тѣмъ канцлеръ умѣлъ сойтись и съ нимъ, и съ его женой, которые еще не такъ давно не хотѣли о немъ и слышать“. *

Прежде всего императрица озаботилась выяснить свои отношенія къ Англіи. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Уильямсъ сообщилъ о Вестминстерскомъ договорѣ, отправленъ былъ къ русскому посланнику въ Лондонѣ, князю Голицыну, рескриптъ долженствовавшій опредѣленностью и даже рѣзкостью своего тона не мало смутить англійскихъ министровъ. Конвенція Россіи съ Англіей, говорилось въ немъ, „не имѣла ничего другаго въ виду какъ только обуздать Прусскаго короля и диверсію ему сдѣлать еслибъ онъ кого-либо изъ общихъ нашихъ союзниковъ атаковать покусился“; необходимость подобной мѣры условливалась всѣмъ предшествовавшимъ образомъ дѣйствій этого государя, вѣроломство коего достаточно извѣстно Англійскому правительству; между тѣмъ оно заключило съ нимъ трактатъ, „что̀ не совмѣстно

* Ranke, *Ursprung des siebenjährigen Krieges*, 162—163.

съ обнадеживаніями только намъ о дружбѣ повторенными, а наименьше съ должною между союзниками откровенностью"; во всемъ этомъ Лондонскій кабинетъ не счелъ нужнымъ соблюсти даже только „наружную благопристойность". Если онъ разчитываетъ, сближаясь съ Фридрихомъ, удержать его отъ воинственныхъ предпріятій, то не замедлитъ убѣдиться въ своей ошибкѣ: всѣ выгоды окажутся единственно на сторонѣ Пруссіи и она не замедлитъ воспользоваться ими. Вестминстерскій договоръ имѣетъ цѣлью противодѣйствовать вторженію чужеземныхъ войскъ въ Германію, но чѣмъ связанъ Фридрихъ еслибы захотѣлъ напасть на владѣнія императрицы Маріи-Терезіи? Вообще политика Англійскаго правительства по истинѣ непонятна,—„непонятна въ томъ что сдѣланъ (относительно союзниковъ своихъ) многое, не доканчиваетъ малаго, а сіе, будучи допускаемо, превозмогаетъ наконецъ всю драгость его усердія". Въ заключеніи рескрипта выражена была надежда что Англійское правительство убѣдится само въ опасномъ направленіи усвоенной имъ политики и выступитъ на другой путь. Въ Петербургѣ не сомнѣвались, впрочемъ, что это совершенно невозможно. Министры Георга II зашли такъ далеко что уже поздно было имъ отступать, и теперь отъ самой Россіи зависѣло рѣшеніе вопроса, въ какія отношенія станетъ она къ Англіи. На основаніи договора заключеннаго съ этою державой и тотчасъ по ратификаціи его, Русское правительство должно было получить отъ нея въ уплату субсидій 100.000 ф. стерл., и хотя Уильямсъ еще не заикался объ этихъ деньгахъ, но онъ могъ предложить ихъ: какъ поступить въ такомъ случаѣ? Еслибы Русское правительство приняло означенную сумму, не доказало ли бы этимъ самымъ что считаетъ свою конвенцію съ Англіей ненарушимою?

Императрица пожелала узнать мнѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которое и было представлено ей въ первыхъ числахъ марта 1756 года. По словамъ коллегіи, Англія своимъ „нечаяннымъ поступкомъ" прежнюю систему, которой оба государства держались относительно Пруссіи, совершенно уничтожила, но очень можетъ быть что она не сочтетъ нужнымъ настаивать на отмѣнѣ конвенціи; для нея, точно также какъ и для новаго ея союзника, Прусскаго короля, было бы выгодно чтобы русскія войска оставались въ бездѣйствіи въ Лифляндіи и Эстляндіи; чтобы помѣшать Русскому прави-

тельству воспользоваться ими для другихъ цѣлей, она не откажется, пожалуй, выплачивать субсидіи, но совмѣстно ли съ достоинствомъ Россіи играть подобную роль? Необходимо было бы поэтому объявить Англійскому двору что какъ скоро онъ самъ, посредствомъ Вестминстерскаго договора, упразднилъ конвенцію съ Россіей, то императрица предоставляетъ себѣ полную свободу дѣйствій, „хотя впрочемъ прежняя съ Англіей дружба и союзъ въ своей силѣ непремѣнно остаться имѣютъ и сіе никакому виду холодности справедливо ни отъ кого причтено быть не можетъ“. Бестужевъ не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ примѣчаніяхъ приложенныхъ имъ къ этому документу онъ говорилъ что конечно заключенный въ Лондонѣ съ королемъ Прусскимъ трактатъ совершенно подорвалъ англо-русскую конвенцію, но тотчасъ же и рѣшительно отказаться отъ соблюденія ея было бы для Россіи невыгодно. Для этого требовался бы предлогъ, а какой предлогъ можетъ выставить Русское правительство? Удобно ли ему сказать прямо что конвенція не обязательна для него только потому что Англія вступила въ дружбу съ Пруссіей? Поступивъ такимъ образомъ, оно разоблачило бы только заранѣе предъ всѣмъ свѣтомъ свои намѣренія относительно короля Прусскаго, само указало бы ему чего слѣдуетъ ему ожидать отъ Россіи и, разумѣется, онъ поспѣшилъ бы принять мѣры чтобы воспрепятствовать ея планамъ. Другое дѣло еслибы рѣшено было безо всякаго промедленія напасть на Пруссію; тогда, конечно, нечего было бы церемониться, но Россія можетъ начать войну не иначе какъ въ союзѣ съ Австріей, и хотя не представляется сомнѣній относительно намѣреній Вѣнскаго двора, все-таки потребно нѣкоторое время чтобъ установить формальное соглашеніе съ нимъ; вотъ почему, продолжалъ Бестужевъ, конвенція съ Англіей „наилучшимъ претекстомъ служить можетъ чтобы сдѣлать приготовленія наши Прусскому королю непримѣтными... Отказаться еще всегда время будетъ, а теперь нѣтъ почти никакой нужной причины на то поступать такъ скоропостижно и рановременно.“

Между тѣмъ учреждена была при дворѣ конференція изъ десяти лицъ (въ томъ числѣ находился и наслѣдникъ престола), на обязанности коей лежало обсуждать всѣ мѣры касавшіяся тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. При

этомъ указано было прямо что долженствовало служить руководящею для нея нитью, а именно „короля Прусскаго до пріобрѣтенія новой знатности не долускать. но паче силы его въ умѣренные предѣлы привести, и однимъ словомъ не опаснымъ его для здѣшней имперіи сдѣлать." Тотчасъ же поставленъ былъ вопросъ: „начинающаяся между Франціей и Англіей война не подаетъ ли удобнаго случая приняться за исполненіе сего толико и давно желаемаго намѣренія? не надобно ли Вѣнскому двору предложить что буде онъ интересу своему засходно находитъ и никакой опасности съ другой стороны, а именно отъ Франціи, не предвидитъ, то не хочетъ ли начать войну противъ короля Прусскаго и отыскивать потерянную Силезію?" * Мы видимъ изъ этого что съ самаго начала безъ малѣйшихъ колебаній правительство императрицы Елисаветы опредѣлило свою политику, отъ которой въ послѣдствіи оно уже и не отступало ни на шагъ. Нѣкоторые историки, и въ томъ числѣ Ранке, за неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, полагаютъ будто оно неспособно было дѣйствовать самостоятельно и находилось подъ чужеземными вліяніями; по мнѣнію ихъ, въ то критическое время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Петербургѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, за которою изъ двухъ давнишнихъ своихъ союзницъ пойдетъ покорно? Россія,—за Австріей или за Англіей? То былъ турниръ между Эстергази и Уильямсомъ, въ которомъ побѣда досталась первому изъ этихъ дипломатовъ. Факты слишкомъ краснорѣчиво говорятъ однако совершенно противное: Русское правительство не ждало ни чьихъ указаній для того чтобы при первомъ же извѣстіи о Вестминстерскомъ договорѣ отшатнуться отъ Лондонскаго двора, съ которымъ связывала его продолжительная дружба, и не Австрія вовлекла его въ войну, а оно само остановилось на мысли о войнѣ еще прежде чѣмъ Вѣнскій дворъ успѣлъ сообщить ему свои намѣренія. Тѣ вопросы о которыхъ мы упомянули выше были подвергнуты обсужденію въ засѣданіи конференціи 14 марта, происходившемъ въ присутствіи самой императрицы. Любопытныя подробности о немъ, не попавшія конечно въ протоколъ, мы узнаемъ изъ донесеній Эстергази Вѣнскому двору. ** По словамъ его, Бестужевъ, лишь только

---

* *Архивъ князя Воронцова*, III, стр. 376 и 378.

** Ranke, *Ursprung* etc., 164—165.

открылось засѣданіе, прочелъ записку въ которой, какъ уже извѣстно намъ, онъ совѣтовалъ избѣгать немедленнаго разрыва съ Англіей. Императрица возразила что если не отказаться отъ конвенціи и получать субсидіи, то это опозоритъ Россію въ глазахъ всей Европы; съ необыкновенною горячностью напала она на канцлера уже не по поводу выраженнаго имъ мнѣнія, а вообще за всю его дѣятельность, упрекала его за старанія все захватить въ свои руки, ни съ кѣмъ не дѣлиться властью, говорила что еще великій отецъ ея постановилъ чтобы всѣ дѣла внѣшней политики обсуждались непремѣнно въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а при канцлерѣ эта коллегія утратила всякое значеніе. Упреки были такъ жестоки и выражены въ такой рѣзкой формѣ что канцлеръ не могъ удержаться отъ слезъ; онъ впрочемъ упорно настаивалъ на выраженной имъ мысли, повторяя что никакъ не можетъ согласиться на то что̀ противно его убѣжденію. Шесть голосовъ были въ пользу поданнаго имъ мнѣнія, и только четыре—въ томъ числѣ голосъ вице-канцлера Воронцова—противъ него: ясное доказательство силы и убѣдительности приведенныхъ имъ аргументовъ, ибо иначе конференція, видя какъ относится къ нему императрица, не поколебалась бы конечно нанести ему ударъ. Нельзя отрицать что она поступила въ этомъ случаѣ весьма благоразумно. Общее настроеніе господствовавшее въ нашихъ правительственныхъ сферахъ отличалось черезчуръ излишнею запальчивостью, готовностью не останавливаться ни предъ чѣмъ, приносить какія угодно жертвы для давно задуманнаго дѣла; конечно, съ одной стороны это было хорошо, ибо нѣтъ ничего гибельнѣе нерѣшительности и сомнѣній, но съ другой сопряжено было и съ немалыми опасностями; дѣйствуя энергически противъ врага, не надлежало слишкомъ довѣряться своимъ союзникамъ, слѣдовало не пренебрегать ради ихъ своими интересами, а къ сожалѣнію это мудрое правило какъ при началѣ Семилѣтней Войны, такъ и въ теченіе ея было нерѣдко забываемо нашимъ правительствомъ. Заслуга Бестужева заключалась, между прочимъ, въ томъ что онъ старался по возможности сдерживать чрезмѣрные порывы; за это считали его чуть не измѣнникомъ, но событія доказали что во многихъ случаяхъ онъ былъ совершенно правъ.

Кромѣ вопроса объ отношеніяхъ къ Англіи, конференція въ засѣданіи своемъ 14 марта приняла цѣлый рядъ рѣшеній

огромной важности, а именно: всѣми силами склонять Вѣнскій дворъ къ участію въ войнѣ съ Прусскимъ королемъ: „для приласканія Франціи и приведенія ея до того чтобъ она на сокращеніе силъ Прусскаго короля спокойно смотрѣла и Вѣнскому двору не прелятствовала все то въ дѣйство употребить что̀ сходственно съ благопристойностью и безъ предосужденія славы и достоинства ея величества учинить̀ся можетъ;“ исподоволь подготовлять Польшу чтобъ она не противилась движенію русскихъ войскъ чрезъ ея земли; сдерживать Турокъ и Шведовъ, и даже стараться привлечь ихъ къ общему дѣлу. По мнѣнію конференціи, на Польшу можно было подѣйствовать обѣщаніемъ доставить ей, въ случаѣ если дѣйствія союзниковъ увѣнчаются успѣхомъ, королевскую Пруссію, взамѣнъ чего Россія получила бы Курляндію и кромѣ того „такое съ польской стороны округленіе границъ которымъ бы не только нынѣшнія безпрестанныя о нихъ хлопоты и безпокойства пресѣклись, но можетъ-быть и способъ достался бы коммерцію Балтійскаго моря съ Чернымъ соединить и чрезъ то почти всю левантскую торговлю въ здѣшнихъ рукахъ имѣть“. Послѣднее обстоятельство чрезвычайно важно: какъ видимъ, Русское правительство приступало къ войнѣ съ твердымъ намѣреніемъ извлечь изъ нея существенныя для себя выгоды, но именно это нѣкоторые и готовы поставить ему въ вину. Одинъ изъ нашихъ историковъ, г. Брикнеръ, говоритъ: „Дѣло шло не о томъ только чтобы возвысить значеніе Россіи въ Европѣ, но также о пріобрѣтеніи новыхъ областей и коммерческихъ выгодъ: быть-можетъ гораздо менѣе опасались Пруссіи чѣмъ помышляли о собственной прибыли. Россія руководилась не какими-либо абстрактными идеями, а политикой интересовъ“.* Но и слава Богу что Русское правительство не ради абстрактныхъ идей рѣшалось жертвовать достояніемъ и кровью своихъ подданныхъ! Если оно имѣло въ виду ослабить опаснаго сосѣда, то какъ же было достигнуть этой цѣли какъ не посягая на его владѣнія? Нельзя же было вести войну только для того чтобы перебить у него какъ можно больше солдатъ. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, нужно винить Русское правительство не въ томъ въ чемъ упрекаетъ его г. Брикнеръ, а въ томъ

---

* Russische Actenstücke zur Geschichte des Jahres 1756, въ *Baltische Monatsschrift*, 1872.

что оно не достаточно энергически заботилось объ обезпеченіи своихъ выгодъ.

Намѣреваясь воспользоваться событіями для нападенія на Пруссію, Россія не сомнѣвалась что Вѣнскій дворъ будетъ дѣйствовать заодно съ нею. Но никакого формальнаго предложенія со стороны этого двора еще не было. Въ Петербургѣ ходили слухи о стараніяхъ его сблизиться съ Франціей, но—какъ выразилась коллегія иностранныхъ дѣлъ въ мнѣніи представленномъ ею императрицѣ—„слухи эти требуютъ еще подтвердительныхъ и надежныхъ извѣстій, да и невѣроятно чтобы по заключеніи трактата между Англіей и Прусскимъ дворомъ, Франція, столь скоро обратя въ дружбу всегдашнее свое недоброжелательство, вступила съ Австріей въ противное королю Прусскому соглашеніе.“ Правда, еще вскорѣ послѣ того какъ огласился Вестминстерскій договоръ, а именно въ половинѣ февраля 1756 года, императрица Марія-Терезія препроводила графу Эстергази рескриптъ, который былъ предъявленъ имъ нашему двору. Въ этомъ любопытномъ и очень длинномъ документѣ * содержались горькія жалобы на эгоизмъ Англійскаго правительства, которое, помышляя только о себѣ, не стѣсняется при первомъ удобномъ случаѣ жертвовать интересами своихъ союзниковъ. Такъ поступило оно и относительно Россіи: очевидно оно совершенно отвернулось отъ нея и предпочло ей союзъ съ Пруссіей. Если Фридрихъ былъ страшенъ и въ прежнее время, то теперь могущество его должно усилиться еще несравненно болѣе: вся протестантская Германія смотритъ на него какъ на естественнаго своего вождя; протестантскіе князья имперіи намѣрены предоставить ему навсегда право экзекуціи во всѣхъ дѣлахъ касающихся вѣры, и не трудно догадаться какимъ образомъ воспользуется онъ этимъ правомъ; со дня на день можно ожидать что вспыхнетъ религіозная война; необходимо заблаговременно подумать объ устраненіи опасности созданной этимъ положеніемъ дѣлъ. Конечно, заявленіе такого рода было очень пріятно Русскому правительству, но въ немъ еще не содержалось никакихъ формальныхъ предложеній. Уже гораздо позднѣе графъ Эстергази явился къ канцлеру и выразилъ желаніе имѣть у императрицы приватную аудіенцію, которая и была назначена 25 марта: посолъ представилъ

* Архивъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ резюмируетъ его, но онъ помѣщенъ вполнѣ въ *Архивѣ князя Воронцова*, III, 339—354.

собственноручное обязательство Маріи-Терезіи хранить въ совершенной тайнѣ долженствовавшіе начаться переговоры и просилъ чтобъ императрица Елисавета со своей стороны дала обязательство такого же рода. Чрезъ нѣсколько дней оно было вручено ему въ слѣдующей формѣ: „Я обѣщаю чрезъ сіе моимъ императорскимъ словомъ что по желанію ея величества Римской императрицы-королевы въ высшемъ секретѣ и всегдашнемъ молчаніи содержано быть имѣетъ то важное дѣло о которомъ ея посолъ графъ Эстергази мнѣ и моему канцлеру и вице-канцлеру откроетъ, и то что̀ съ моей стороны ему въ отвѣтъ на то объявлено будетъ“ *. На аудіенціи, о которой мы упомянули сейчасъ, Эстергази довелъ до свѣдѣнія Елисаветы что между Вѣнскимъ и Тюильрійскимъ дворами ведутся дѣятельные переговоры, что между ними будетъ заключенъ союзъ подъ условіемъ приступленія къ нему Россіи, что Австрія, рѣшившись начать войну съ Пруссіей, имѣетъ наготовѣ 80.000 войска. Дѣло закипѣло съ этой минуты, и сама императрица принимала въ немъ такое горячее участіе что какъ будто совершенно исчезла та апатія которая очень часто овладѣвала ею. Эстергази разказываетъ ** что вскорѣ послѣ описаннаго нами свиданія съ Елисаветой онъ имѣлъ случай еще разъ бесѣдовать съ ней въ присутствіи Бестужева и Воронцова. Императрица пожелала узнать въ какомъ положеніи находятся переговоры Вѣнскаго двора съ Франціей; посолъ отвѣчалъ что Вѣнскій дворъ хлопочетъ чтобы Людовикъ XV порвалъ свой союзъ съ Фридрихомъ и не препятствовалъ бы попыткамъ отнять у него Силезію и вообще ограничить предѣлы его государства, что для этой цѣли Австрія не остановится ни предъ какими жертвами, въ твердой надеждѣ что и Россія будетъ имѣть въ виду ту же задачу. Бестужевъ замѣтилъ что Вѣнскій дворъ можетъ какъ нельзя болѣе разчитывать на Русское правительство во всякомъ случаѣ, приведутъ ли переговоры его съ Франціей къ желаемому результату или нѣтъ; въ теченіе трехъ лѣтъ готовилась Россія къ тому же самому, и если теперь Англія предпочла соединиться съ ея врагомъ, то это не заставитъ ее измѣнить свои намѣренія. Императрица сама думала предложить Вѣнскому двору наступательный союзъ;

* Мартенсъ, *Собр. трактат.*, I, 190.

** Ranke, *Ursprung* etc. 166—167.

тѣмъ болѣе обнадеживаетъ она его теперь своею помощью, расположена оказать ему эту помощь не только въ чаяніи какихъ-нибудь выгодъ, но даже подъ опасеніемъ потерпѣть неудачу. Въ томъ же смыслѣ высказался и Воронцовъ. Бесѣда эта происходила не наединѣ, а среди шумнаго придворнаго празднества, на которомъ присутствовалъ и Уильямсъ, не предполагавшій конечно что императрица, въ то время какъ все вокругъ нея веселилось, обсуждала съ двумя своими министрами и съ австрійскимъ посломъ важныя государственныя дѣла. Чтобъ отнять у него всякое подозрѣніе Елисавета подошла къ нему и старалась очаровать его своимъ вниманіемъ.

Эстергази, какъ сказано выше, настаивалъ, по требованію своего правительства, чтобы сдѣланныя имъ предложенія содержались въ глубочайшей тайнѣ. Даже члены конференціи не должны были ничего знать о нихъ. Дѣйствительно, безъ ихъ вѣдома составлены были преліминарные пункты наступательнаго союза между Россіей и Австріей, которые канцлеръ 9 апрѣля вручилъ послу. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: обѣ державы обязывались „учинить сильное нападеніе“ на короля Прусскаго, выставивъ для этого не менѣе какъ по 80.000 войска; войну слѣдовало продолжать до тѣхъ поръ пока Австрія возвратитъ себѣ Силезію и Глацъ, а Россія пріобрѣтетъ всю королевскую Пруссію, но такъ какъ Русское правительство не намѣревалось удержать за собой эту область, то оно предоставляло себѣ право отдать ее Польшѣ, а взамѣнъ этого получить Курляндію и Семигалію съ нѣкоторымъ округленіемъ своей польской границы; тотчасъ по начатіи войны обѣ державы должны были употребить всѣ старанія чтобы привлечь къ участію въ ней Швецію и Саксонію. Вмѣстѣ съ означенными пунктами графу Эстергази сообщена была вѣдомость численнаго состава и расположенія нашихъ войскъ предназначавшихся дѣйствовать противъ Пруссіи. „Свѣдѣнія получаемыя отъ васъ, писалъ Кауницъ австрійскому послу, въ высшей степени утѣшительны и превосходятъ всякія ожиданія.“ Дѣйствительно, Вѣнскій дворъ не могъ кажется пожаловаться что онъ не встрѣчаетъ достаточно рвенія со стороны Россіи! Нѣсколько позднѣе, опасаясь что Русское правительство не въ состояніи будетъ выставить обѣщанное имъ число войскъ по скудости своихъ финансовыхъ средствъ и будетъ нуждаться въ субсидіяхъ,

Кауницъ пожелалъ узнать его мнѣніе на этотъ счетъ, ибо въ такомъ случаѣ можно было бы заранѣе сговориться съ Франціей, но по мнѣнію Эстергази едва ли нужно было возбуждать подобный вопросъ: въ Петербургѣ и не помышляли о немъ, такъ велика была готовность приносить всякія жертвы для войны съ Пруссіей. Впрочемъ, желая избѣжать отвѣтственности, посолъ обратился къ Бестужеву и Воронцову, и оба отвѣчали ему что дѣло идетъ не о деньгахъ, а объ ограниченіи могущества короля Прусскаго, содѣйствовать чему Россія обязана уже на основаніи своего трактата съ Австріей 1746 года *.

Слѣдовательно, между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами установилось полное соглашеніе. Повидимому оставалось бы только закрѣпить его формальными обязательствами, но проходили недѣли и мѣсяцы, а Австрійское правительство не дѣлало ни шагу съ этою цѣлью. Оно всячески старалось, напротивъ, охладить рвеніе союзной съ нимъ державы. „Русскій дворъ, писалъ Кауницъ, слишкомъ торопливо и горячо принимается за дѣло прежде чѣмъ успѣло оно созрѣть и можетъ этимъ все испортить.“ Вскорѣ извѣстилъ онъ что войну необходимо отложить до весны слѣдующаго года. Въ Петербургѣ были очень удивлены этимъ: „Легко случиться можетъ, читаемъ мы въ протоколѣ конференціи, что Франція съ Англіей примиреніе свое сдѣлаетъ и такимъ образомъ весь случай, да можетъ-быть и навсегда, отнимется желанное сокращеніе силъ Прусскаго короля достигнуть.“ По приказанію императрицы было заявлено Вѣнскому двору что хотя Россія и пріостановитъ свои военныя приготовленія, но войска ея будутъ расположены такъ что во всякое время окажутся въ готовности двинуться въ походъ. Медлительность Австріи объясняютъ донесеніями Эстергази о томъ что русская армія находилась въ далеко неудовлетворительномъ состояніи и не имѣла хорошихъ генераловъ, но само Русское правительство было совершенно другаго мнѣнія о своихъ сухопутныхъ и морскихъ силахъ, а что касается генераловъ, они не сдѣлались бы конечно лучше отъ того что война началась бы нѣсколькими мѣсяцами позднѣе. Вѣнскій дворъ опасался что еслибы Фридрихъ, освѣдомившись о направленныхъ противъ него замыслахъ, вдругъ напалъ на Австрію, то

* Arneth, V, 52.

Россія оказала бы ей лишь слабую поддержку, но въ сущности руководили имъ другія соображенія. Союзъ заключенный имъ съ Франціей далеко не удовлетворялъ его; если Франція расторгнула свою связь съ Прусскимъ королемъ, предоставляла полную свободу его врагамъ, то сама не хотѣла принимать никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи; поколебать это принятое ею рѣшеніе, затянуть ее въ общій планъ, цѣлью коего былъ разгромъ Прусской монархіи—вотъ въ чемъ состояла задача надъ которою ревностно трудились Марія-Терезія и Кауницъ. Версальскій договоръ былъ важенъ для нихъ не столько самъ по себѣ сколько по основаннымъ на немъ надеждамъ. Чрезъ двѣ недѣли послѣ того какъ договоръ состоялся, Штарембергъ убѣждалъ Кауница написать гжѣ Помпадуръ лестное для нея письмо. „Въ настоящую минуту, говорилъ онъ, мы нуждаемся въ ней болѣе чѣмъ когда-нибудь, и было бы очень желательно чтобы помимо личныхъ комплиментовъ вы выразили ей признательность нашего двора и всего министерства. Несомнѣнно что маркизѣ мы обязаны всѣмъ и что лишь отъ нея должны ожидать всего въ будущемъ. Она хочетъ чтобъ ее уважали и дѣйствительно заслуживаетъ уваженія.“ Канцлеръ не замедлилъ послѣдовать данному ему совѣту и въ письмѣ его особенно останавливаютъ вниманіе слѣдующія строки: „То что уже сдѣлано заслуживаетъ, кажется, одобренія безпристрастной публики и потомства, но что еще остается совершить, такъ грандіозно и такъ достойно васъ что конечно вы не откажетесь довести до конца предпріятіе которое сдѣлаетъ васъ дорогою вашему отечеству“. Готовясь вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ Пруссіей, Вѣнскій дворъ вѣрилъ въ полный успѣхъ этой борьбы только въ томъ случаѣ еслибы могъ опираться одинаково на силы двухъ державъ, Франціи и Россіи. Пока не устроилъ онъ окончательно свои дѣла съ первою изъ нихъ, то поневолѣ приходилось ему сдерживать воинственныя стремленія другой. Онъ не считалъ однако возможнымъ объяснить все это откровенно въ Петербургѣ, по той причинѣ что задуманное имъ новое соглашеніе съ Франціей должно было оставаться тайной для Русскаго двора. Это не мѣшало ему однако усердно хлопотать о томъ чтобъ императрица Елисавета забыла свою распрю съ Людовикомъ XV, возобновила прерванныя съ нимъ сношенія; но Вѣнскій дворъ хотѣлъ чтобы сближеніе между

ними произошло, такъ-сказать, подъ его руководствомъ и настолько, насколько это соотвѣтствовало его выгодамъ.

Въ Петербургѣ были весьма расположены примириться съ Франціей. Сильная при дворѣ партія доказывала необходимость этого, но встрѣчала возраженія со стороны Бестужева: не очевидное ли доказательство, волили его враги, что онъ дѣйствуетъ такъ только потому что слишкомъ предался Англійскому правительству и запутался въ интригахъ съ молодымъ дворомъ? Съ перваго взгляда кажется труднымъ оправдать его. „Какъ скоро ближайшая наша союзница Австрія, говоритъ Соловьевъ, сблизилась съ Франціей и предлагала Россіи сдѣлать то же самое, то послѣдовательность требовала принять предложеніе“. Если послѣдовательность требовала этого, то послѣдствія, какъ увидимъ, не замедлили доказать что Бестужевъ руководился не эгоистическими разчетами, а серіозными государственными соображеніями. Необходимо обратить здѣсь вниманіе вообще на тотъ образъ дѣйствій который усвоила себѣ русская политика. Положеніе Россіи въ виду готовившихся важныхъ событій было въ высшей степени выгодно: она понимала, и въ этомъ заключалась громадная заслуга Бестужева, какими опасностями грозило усиленіе по сосѣдству съ нею такого государства какъ Пруссія; она готовилась прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ мѣрамъ чтобъ устранить эту опасность; но для Россіи было гораздо менѣе причинъ страшиться ея чѣмъ для другихъ государствъ. Пруссія могла тревожить ее лишь въ будущемъ, тогда какъ Австрія уже въ настоящемъ почувствовала на себѣ всю тяжесть руки выступавшей на сцену державы. Фридрихъ, какъ мы видѣли изъ собственныхъ его признаній, былъ убѣжденъ что наступательная война противъ Россіи почти невозможна, но у Габсбургскаго дома онъ уже отнялъ одну изъ лучшихъ его провинцій, замышлялъ присвоить себѣ первенствующую роль въ Германіи, занять мѣсто во главѣ протестантскихъ ея князей. Кто же долженъ былъ болѣе страшиться его, императрица Елисавета, или императрица Марія-Терезія? Что касается Франціи, то начавъ войну съ Англіей, которая намѣревалась поколебать ея могущество на моряхъ, и потерявъ всякую надежду на помощь со стороны короля Прусскаго, она поневолѣ должна была выступить на тотъ путь на который увлекалъ ее Вѣнскій дворъ. Обѣ державы, о которыхъ мы говоримъ. Франція изъ мести, Австрія

для огражденія самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ, задумали напасть на Пруссію, но онѣ не въ состояніи были разгромить ее безъ содѣйствія Россіи. Ни для кого не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. „Весь планъ, говоритъ Арнетъ *, былъ основанъ главнымъ образомъ на участіи въ войнѣ Русскаго правительства". Не Россіи приходилось записывать въ комъ бы то ни было, а напротивъ, ей долженъ былъ принадлежать въ возникавшей коалиціи рѣшающій голосъ, но къ сожалѣнію именно этого-то и не понимали надлежащимъ образомъ въ Петербургѣ. Тамъ не хотѣли принять въ разчетъ что недостаточно нанести ударъ врагу, а надо поставить себя въ независимое положеніе относительно союзниковъ, не допускать чтобы всѣ выгоды были лишь на ихъ сторонѣ, ибо въ такомъ случаѣ союзники могли бы сдѣлаться современемъ еще опаснѣе чѣмъ павшій врагъ. Слишкомъ убѣдительные факты свидѣтельствуютъ, какъ увидимъ ниже, что при императрицѣ Елисаветѣ русская политика не умѣла избѣгнуть тѣхъ ошибокъ которыми столь часто отличалась она въ послѣдствіи, а именно изъ побужденій великодушія она увлекалась черезчуръ ревностнымъ желаніемъ служить чужому дѣлу, не обращая достаточно вниманія на собственные интересы. А между тѣмъ ей слѣдовало бы быть особенно осторожною относительно Франціи. Всѣ предшествовавшія попытки сблизиться съ этою державой оказывались тщетными не потому только что она преслѣдовала цѣли совершенно противныя нашимъ, но еще и по той причинѣ что Версальскій дворъ вообще руководился взглядомъ что Россія вовсе не нужна ему. Онъ не могъ отдѣлаться отъ этого убѣжденія даже когда въ событіяхъ о которыхъ предстоитъ намъ говорить дѣйствовалъ заодно съ нашимъ отечествомъ. „Союзъ нашъ съ Россіей, писалъ герцогъ Шуазёль французскому послу въ Петербургѣ, чисто случайный и вызванъ особыми обстоятельствами. Намъ вовсе не слѣдуетъ заботиться объ укрѣпленіи его, на томъ основаніи что старинные наши союзники: Турція, Польша, Швеція и Данія, естественные враги этой державы; мы не должны поддерживать ея деспотизмъ на сѣверѣ и возрастающее ея вліяніе въ Германіи. Она слишкомъ удалена отъ насъ чтобы Франція могла когда-нибудь завязать съ нею широкія

* *Maria-Theresia und der siebenjährige Krieg*, I, 39.

коммерческія сношенія. Словомъ, благоразуміе требуетъ оставаться въ союзѣ съ Россіей, но не имѣя его въ виду для будущаго; надо только въ настоящемъ воспользоваться имъ для нашихъ цѣлей" *. Можно было бы привести не мало другихъ доказательствъ что въ этихъ словахъ выражено было не личное убѣжденіе того или другаго министра, а основное правило котораго неизмѣнно держалось Французское правительство. Именно въ то время когда возбужденъ былъ вопросъ о сближеніи съ нимъ, оно съ особеннымъ увлеченіемъ направляло свою дѣятельность противъ Россіи. Посланникъ его въ Константинополѣ Дезальёръ старался поднять Турцію противъ насъ; явнымъ нашимъ врагомъ былъ и французскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Броль, человѣкъ предпріимчивый, неугомонный, постоянно занятый разными планами одинъ страннѣе другаго, котораго теперешній его потомокъ счелъ нужнымъ возвести на пьедесталъ **. Задачей его было подготовить кандидатуру на Польскій престолъ герцога Конти; съ этою цѣлью онъ употреблялъ всѣ усилія чтобъ организовать французскую партію въ Польшѣ, интриговалъ противъ короля Августа и не переставалъ внушать своимъ приверженцамъ что страшныя опасности угрожаютъ ихъ отечеству главнымъ образомъ со стороны Россіи. Слѣдовало бы предположить конечно что Версальскій дворъ, дѣйствовавшій такимъ образомъ потому что находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи, измѣнитъ свою политику какъ скоро вступитъ въ союзъ съ нею, но не произошло ничего подобнаго; правительство наше какъ прежде, такъ и послѣ встрѣчалось на каждомъ шагу съ глухимъ, а гораздо чаще съ явнымъ недоброжелательствомъ французскихъ агентовъ. Что они дѣйствовали такимъ образомъ не наобумъ, не потому только что, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, трудно было отрѣшиться вдругъ отъ установившихся воззрѣній и привычекъ, а согласно получаемымъ инструкціямъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Когда начались переговоры между Франціей и Россіей, графъ Броль былъ отозванъ изъ

---

* Депеша Шуазёля помѣщена въ любопытной статьѣ г. Дареста *Le marquis de L'hopital, ambassadeur de France en Russie en 1757*, появившейся въ первыхъ книжкахъ *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques* за нынѣшній годъ. Мы еще будемъ пользоваться этою статьей для нашего дальнѣйшаго очерка.

** *Le secret du roi*, par le duc de Broglie. 1879.

Варшавы, но лѣтомъ 1757 года, т.-е. уже послѣ заключенія союза, онъ снова вернулся туда со слѣдующимъ предписаніемъ Людовика XV: „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда невозможно согласовать уступчивость относительно Россіи съ тѣми чувствами которыя король никогда не переставалъ питать къ Польшѣ, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе польскимъ интересамъ“ *.

Полагаемъ что вопросъ о томъ въ какія отношенія слѣдовало съ самаго начала стать ко Франціи представлялъ особенную важность. Вліятельная партія при дворѣ смотрѣла на него однако иначе: она всячески убѣждала императрицу сблизиться съ Версальскимъ дворомъ, лишь бы соблюдены были при этомъ внѣшнія приличія, а имено чтобы посланники обѣихъ державъ были назначены одновременно. „Какое несчастіе, говорилъ Бестужевъ, что у насъ теперь молодой фаворитъ, который умѣетъ говорить по-французски, любитъ Французовъ и ихъ моды и будетъ радъ когда пріѣдетъ сюда французскій посланникъ со многочисленною свитой.“

Мы не остановимся здѣсь подробно на достаточно распространенныхъ свѣдѣніяхъ о томъ какъ завязались сношенія между Петербургомъ и Версалемъ. Еще въ 1755 году пріѣзжалъ въ Россію съ тайнымъ порученіемъ Французскаго правительства Шотландецъ Дугласъ Макензи, а весной слѣдующаго года явился онъ снова и тотчасъ же нашелъ доступъ къ Воронцову. Онъ не имѣлъ однако официальнаго характера и вообще окружалъ себя глубокою таинственностью. Въ сохранившемся письмѣ неизвѣстнаго лица **, вѣроятно принца Конти или одного изъ его агентовъ, указана, между прочимъ одна изъ причинъ по которымъ онъ долженъ былъ поступать такимъ образомъ: „Такъ какъ вы должны, читаемъ въ этомъ письмѣ, вести переговоры только съ г. Воронцовымъ, то и не слѣдуетъ вамъ заявлять публично что вы снабжены приказаніями отъ короля и его министерства; иначе, если вы выставите себя уполномоченнымъ его величества, то какъ можно будетъ оправдать это въ глазахъ г. Бестужева, къ которому вы не адресованы, а между тѣмъ слѣдовало бы это сдѣлать по занимаемому имъ положенію. Если, напротивъ, вы будете выдавать себя за простаго

---

* *Vandal*, 314.

** *Архивъ князя Воронцова*, III, 578—581.

путешественника, то ничего нельзя будетъ сказать противъ васъ, тѣмъ болѣе что г. Воронцовъ сообщитъ императрицѣ цѣли вашей поѣздки, и эта государыня возьметъ васъ подъ непосредственное свое покровительство.“ Дугласа сопровождалъ пресловутый кавалеръ д'Эонъ, разказывающій невѣроятныя небылицы о своихъ приключеніяхъ въ Петербургѣ. между прочимъ о томъ, какъ благодаря своей красивой наружности онъ въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ дѣвицы Ліи де-Бомонъ, явился къ Елисаветѣ, которая предстала предъ нимъ „окруженная блестящею группой своихъ фрейлинъ, настоящимъ сборищемъ нимфъ, весьма достойнымъ вниманія иностранцевъ“ (véritable troupe des nymphes. très digne de la curiosité des étrangers), какъ онъ самъ занялъ мѣсто между этими фрейлинами. сдѣлался лектрисой императрицы и потомъ вдругъ преобразился въ мущину. Французы охотно вѣрили этому глупому роману до самаго послѣдняго времени, когда прочли слѣдующія строки Екатерины въ изданной Я. К. Гротомъ перепискѣ ея съ Гриммомъ: „никогда не было у императрицы Елисаветы лектрисы; г. или гжа д'Эонъ былъ извѣстенъ ей отнюдь не болѣе чѣмъ мнѣ; я же знала его за политическаго проходимца состоявшаго при маркизѣ Лопиталѣ и баронѣ Бретелѣ“. Весьма полезенъ Дугласу былъ нѣкто Мишель. французскій негоціантъ въ Петербургѣ, имя коего встрѣчается очень часто, но о которомъ нельзя составить вполнѣ ясное понятіе: мы видимъ что онъ имѣетъ свободный доступъ къ важнымъ лицамъ. между прочимъ къ Воронцову, снабжаетъ Дугласа деньгами. ѣдетъ въ Парижъ чтобы сообщить объ успѣхѣ возложеннаго на него порученія, привозитъ оттуда новыя инструкціи. затѣмъ сопровождаетъ во Францію Бехтѣева, сносится съ французскими министрами, имѣетъ съ ними какіе-то денежные счеты, словомъ, разыгрываетъ роль которая при торговыхъ его дѣлахъ могла бы быть слишкомъ убыточна для него еслибы была безкорыстна. Дугласу заявлено было что императрица рада возстановить доброе согласіе и дружбу съ Франціей и для этого намѣрена послать въ Парижъ довѣренное лицо, впрочемъ тоже подъ видомъ обыкновеннаго путешественника. Вообще Дугласъ дѣйствовалъ очень удачно, но только не переставалъ жаловаться что поставленъ въ какія-то подчиненныя отношенія къ австрійскому посланнику въ Петербургѣ, такъ что выходило будто не онъ, а Эстергази

ведетъ переговоры о сближеніи между Франціей и Россіей. „Вы мнѣ предписываете, читаемъ въ одной изъ его депешъ, чтобъ обо всемъ совѣщался и условливался я съ графомъ Эстергази, но не значитъ ли это находиться намъ въ зависимости отъ Вѣнскаго двора?“ Такое положеніе было тѣмъ болѣе странно что не могло нравиться и императрицѣ. „Я не хочу, говорила она, никакихъ посредниковъ между мною и королемъ и требую отъ него только искренности, прямоты и совершенной взаимности во всемъ что̀ будетъ условлено между нами.“ Но Дугласъ не могъ конечно часто видѣть Елисавету, онъ долженъ былъ сноситься съ ея министрами, избѣгая впрочемъ тщательно Бестужева, и тутъ неизбѣжно оказывалось вліяніе Эстергази, точно такъ какъ при Французскомъ дворѣ съ необычайнымъ искусствомъ давалъ всему направленіе Штарембергъ. Агентъ нашего правительства въ Парижѣ очутился совершенно въ такомъ же положеніи.

Русское правительство отправило туда Ѳедора Дмитріевича Бехтѣева, человѣка очень близкаго къ Воронцову. Изъ писемъ его видно что онъ обладалъ замѣчательнымъ умомъ, тонкою наблюдательностію, былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для дипломатическаго поприща, и можно только пожалѣть что появленіе его на немъ было слишкомъ кратковременно. Сношенія съ Французскимъ правительствомъ представляли немаловажныя трудности: тутъ приходилось лавировать между гжой Помпадуръ, имѣвшею огромное вліяніе на дѣла, хотя, по свидѣтельству ея друга, аббата Берниса, она понимала въ нихъ столько же сколько ребенокъ, между принцемъ Конти, находившимся въ дурныхъ отношеніяхъ съ фавориткой, но который тоже пользовался довѣріемъ Людовика XV, и министрами, жившими далеко не въ тѣсномъ согласіи. Бехтѣевъ умѣлъ однако снискать общее расположеніе. Съ самаго начала пораженъ былъ онъ крайнимъ невѣжествомъ Французовъ относительно Россіи. „Какъ я у министра (иностранныхъ дѣлъ Рулье), писалъ онъ Воронцову, въ пятницу по пріѣздѣ въ другоредь былъ, учинилъ онъ мнѣ между прочимъ весьма странный и нечаянный вопросъ, а именно, при иностранныхъ ли дѣлахъ ваше сіятельство состоите? Но какъ я съ оказаніемъ крайняго удивленія ему отвѣтствовалъ что вы равный товарищъ его сіятельству канцлеру, столько же въ дѣлахъ уполномочены какъ и онъ, то онъ мнѣ отвѣтствовалъ

что ему нужно было сіе знать, но впрочемъ онъ о томъ не сомнѣвается, и болѣе о семъ не говорилъ.“ Воронцовъ въ свою очередь не мало былъ удивленъ наивностью Рулье, но Бехтѣевъ объяснялъ ее такимъ образомъ: „Не можете, ваше сіятельство, повѣрить сколько мало свѣдущи здѣсь о насъ. Причина тому что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые, или по меньшей мѣрѣ самые бѣдные, не включая и тѣхъ кои министрами были и кои за собственную досаду или въ оправданіе своихъ поступковъ сколько можно худыя мнѣнія о насъ подали, такъ что кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ) прочіе Французы, особливо знатные, думаютъ что Французу надо у насъ умереть съ голоду и холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть сіе затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ въ которыхъ дворянство здѣсь погружено и при маломъ понятіи кое оно генерально имѣетъ о другихъ земляхъ“.* Бехтѣевъ старался какъ можно лучше исполнить возложенное на него порученіе, но если это ему не удавалось, то ужь конечно не по его винѣ. Въ полученной имъ инструкціи было сказано что онъ ничего не долженъ дѣлать безъ согласія и совѣта австрійскаго посла, обязанъ въ теченіе переговоровъ постоянно обращаться къ нему за указаніями, иначе Вѣнскій дворъ заподозритъ „что на его старанія не полагаются и мимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціей“. Но уполномоченный нашъ скоро убѣдился что если онъ считалъ долгомъ быть откровеннымъ, то ему далеко не платили взаимностью. „Австрійцы, доносилъ онъ, конечно хотятъ чтобы мы были въ дружбѣ (съ Франціей), да не очень много... Графъ Штарембергъ сильно утвердилъ свой кредитъ у министерства и мадамы Помпадуръ и сильно того наблюдаетъ чтобы всѣ наши дѣла чрезъ него шли; здѣшнему двору даетъ знать что нашъ всю довѣренность къ Вѣнскому имѣетъ и чрезъ него все производить хочетъ... О получаемыхъ отъ двора

* Лопиталь вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ 1757 году, доносилъ что въ Россіи очень мало Французовъ, что въ столицѣ не болѣе двухъ или трехъ порядочныхъ французскихъ торговыхъ фирмъ, что Французы не составляютъ тамъ колоніи и не хотятъ знать своего консула. „Il y en a, говоритъ онъ, un nombre de placés comme maîtres de langues et gouverneurs chez des seigneurs russes, et autres gens aventuriers, mais peu de négotians“. (*Dareste*, Acad. des sciences mor. et polit., 1re livrais. 30).

его указахъ ни однажды мнѣ не сообщилъ, а что̀ иногда и принужденъ сказать, то все ужь гораздо поздно и сквозь зубы“... „По моему слабому разсужденію, замѣчаетъ въ другомъ своемъ письмѣ Бехтѣевъ, надо смирить короля Прусскаго, но досадно то что мы дѣла свои все подъ опекой отправляемъ.“ Заявленія такого рода не могли нравиться въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе что даже частная корреспонденція Бехтѣева поступала на усмотрѣніе императрицы. Однажды, когда онъ особенно рѣзко высказывалъ свое мнѣніе, Воронцовъ сдѣлалъ подстрочную замѣтку на его письмѣ: „симъ ласажемъ Бехтѣевъ весьма смѣло свои разсужденія полагаетъ; токмо по ревности и вѣрности своей къ вашему величеству безъ опасенія прямо ко мнѣ пишетъ, надѣясь что все сіе въ тайности содержано будетъ.“ Но Бехтѣевъ не измѣнилъ своего взгляда и продолжалъ дѣлать мрачныя предсказанія. „Крайне опасаюсь, говорилъ онъ, чтобы при примиреніи насъ не обманули и чтобы съ нами не сбылась пословица: passato il periculo, gabato il santo... Я не пишу сіе съ какой-нибудь досады что отъ меня негоціація скрыта; мнѣ все равно, чрезъ кого бы дѣла ни шли, только бы интересъ нашей всемилостивѣйшей государыни наблюденъ былъ; но только то мнѣ жаль что намъ безславно яко бы мы безъ другихъ ничего сами дѣлать не можемъ.“ Бехтѣевъ тѣмъ болѣе имѣлъ причины сѣтовать на такое положеніе дѣлъ что если австрійское вліяніе было сильно при дворѣ, то отнюдь не простиралось на общество. „Еслибы, храни Боже, писалъ онъ, послѣ покушенія Даміена на жизнь Людовика XV, короля не стало, то худо бы Вѣнскаго двора дѣла здѣсь пошли, ибо генерально всѣ Вѣнцевъ не любятъ, и только подлора ихъ одна маркиза Помпадуръ, а по ней аббатъ Бернисъ. Они одни прямо благонамѣрены общему дѣлу, а всѣ прочіе Французы поставляютъ союзъ съ Вѣнскимъ дворомъ за ненатуральный и войну на сухомъ пути за излишнюю и вредительную для Франціи.“

Основательны ли были опасенія которыя такъ настойчиво высказывалъ Бехтѣевъ? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ нужно взглянуть на какихъ условіяхъ сформировалась окончательно коалиція противъ Фридриха, но переговоры по ея поводу еще не были завершены, когда Прусскій король, проникнувъ въ намѣренія своихъ противниковъ, рѣшился вдругъ самъ напасть на нихъ.

IX.

Въ 1787 году. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Фридриха Великаго, одинъ изъ его министровъ. Герцбергъ, прочелъ въ публичномъ засѣданіи Берлинской академіи историческій очеркъ, въ которомъ высказывалъ, между прочимъ. мысль что отъ самого покойнаго короля зависѣло, быть-можетъ. избѣжать войны, терзавшей въ теченіе семи лѣтъ сряду Европу. Заявленіе Герцберга породило немалый скандалъ въ Пруссіи уже потому что онъ пользовался довѣріемъ своего государя, могъ знать очень многое и ему поручено было сочинить записку, въ которой Фридрихъ, взявшись за мечъ, оправдывалъ предъ лицомъ всего свѣта свой образъ дѣйствій. „На меня возложено было, говорилъ бывшій министръ, составленіе и обнародованіе знаменитаго *Mémoire raisonné*, имѣвшаго цѣлью, на основаніи подлинныхъ депешъ австрійскихъ и саксонскихъ государственныхъ людей, обнаружить задуманные планы войны съ Пруссіей и раздѣловъ ея. Несомнѣнно что они существовали; но такъ какъ это были лишь предположительные планы, разчитанные на тотъ случай что король Прусскій подастъ поводъ къ войнѣ, то во всякомъ случаѣ сомнительно были ли бы они когда-нибудь приводимы въ исполненіе и что̀ представлялось опаснѣе — выжидать или предупреждать ихъ осуществленіе. Какъ бы то ни было, любопытство короля, а въ добавокъ къ этому измѣна одного саксонскаго чиновника послужили причиной страшной Семилѣтней Войны, которая обезсмертила Фридриха II и прусскую націю, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти совершенно разорила государство и довела его до края погибели“. Герцбергъ разсуждалъ такимъ образомъ только потому что не могъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ С.-Петербургскаго и Вѣнскаго дворовъ, но для насъ, знающихъ теперь всѣ подробности происходившихъ между ними переговоровъ, не подлежитъ сомнѣнію что было бы несправедливо обвинять Фридриха будто онъ самъ вызвалъ войну; напротивъ, никакія усилія не помогли бы ему уклониться отъ нея: особенно съ того времени какъ заключилъ онъ Вестминстерскій договоръ, война сдѣлалась для него неизбѣжною. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы было справедливо мнѣніе нѣмецкихъ историковъ, которые выставляютъ Прусскаго короля невинною жертвой

вѣроломнаго заговора и стараются доказать что три европейскія державы задумали его погибель въ то время когда онъ не давалъ имъ никакого повода для этого и устремлялъ всѣ свои помыслы на сохраненіе мира. Причины Семилѣтней Войны нельзя разсматривать съ точки зрѣнія событій непосредственно предшествовавшихъ ей; она была естественнымъ послѣдствіемъ того тревожнаго состоянія въ которомъ находилась Европа начиная съ 1740 года, а чѣмъ же были вызваны эти тревоги какъ не завоевательною политикой Фридриха, не останавливавшагося ни предъ чѣмъ когда превосходство грубой силы было на его сторонѣ? Послѣ Ахенскаго мира онъ не оставался ни на минуту спокойнымъ, какъ можно убѣдиться изъ его корреспонденціи; онъ предвидѣлъ что сѣмя посѣянное имъ дастъ плодъ, что страхъ и ненависть порожденные въ Европѣ его образомъ дѣйствій навлекутъ на него грозу. Война начавшаяся въ 1756 году не была такимъ образомъ для него неожиданностью.

Фридрихъ посредствомъ подкупа узналъ о намѣреніяхъ своихъ противниковъ. Секретаремъ австрійскаго посольства въ Берлинѣ былъ молодой человѣкъ Вейнгартенъ, котораго чрезъ министра Эйхеля успѣлъ онъ склонить на свою сторону. Вейнгартенъ поступилъ очень хитро: онъ сообщилъ посланнику графу Пуэблѣ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, а тотъ далъ совѣтъ не отвѣчать отказомъ, ибо такимъ образомъ представилось бы, быть-можетъ, средство проникнуть въ тайны Прусскаго правительства. Постыдная роль измѣнника, сообщавшаго Прусакамъ все что̀ проходило чрезъ его руки и вмѣстѣ съ тѣмъ щеголявшаго предъ графомъ Пуэблой своею благонамѣренностью, надломила однако молодаго человѣка; онъ прислалъ посланнику письмо такого содержанія что нельзя было не догадаться объ его поступкѣ, затѣмъ скрылся, и всѣ старанія Австрійскаго правительства разыскать его оказались безуспѣшными. Впрочемъ, Вейнгартенъ едва ли могъ быть особенно полезенъ Фридриху, ибо Кауницъ не считалъ нужнымъ увѣдомлять графа Пуэблу о ходѣ переговоровъ съ С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами. Гораздо болѣе важныя услуги оказалъ королю чиновникъ секретной канцеляріи саксонскаго министра графа Брюля, Менцель: въ канцелярію эту поступали депеши отъ уполномоченныхъ Августа III при иностранныхъ дворахъ; Менцель начиная съ 1754 года сообщалъ въ Берлинъ копіи съ

нихъ, а такъ какъ при всемъ стараніи Русскаго и Австрійскаго правительствъ сохранить тайну, невозможно было хотя отчасти не догадаться о ней, то въ означенныхъ документахъ Фридрихъ находилъ весьма важныя для себя указанія. Лѣтомъ 1756 года онъ окончательно убѣдился что противъ него готовится коалиція, но что она еще не вполнѣ сформировалась и главная задержка происходитъ будто бы отъ Россіи, вслѣдствіе дурнаго состоянія ея арміи и флота: изъ этого видно, между прочимъ, какъ неудовлетворительны были свѣдѣнія полученныя имъ, ибо мы знаемъ что не Австрія, а Россія слѣшила начатіемъ войны. Предупредить своихъ враговъ, не дать имъ времени собрать свои силы—вотъ въ чемъ состоялъ планъ немедленно возникшій въ умѣ Фридриха. Онъ сообщилъ его англійскому посланнику Митчелю, который тщетно старался успокоить короля. Всѣ возраженія только раздражали его. „Взгляните мнѣ на лицо, воскликнулъ онъ: такой ли у меня носъ чтобы можно было безнаказанно давать ему щелчки? Эта дама, продолжалъ онъ обращаясь къ портрету Маріи-Терезіи, хочетъ войны, и война съ нею начнется прежде чѣмъ она ожидаетъ: мнѣ не остается ничего болѣе какъ идти на встрѣчу моимъ врагамъ; войска мои готовы и я постараюсь разстроить заговоръ прежде чѣмъ онъ созрѣлъ“. Митчель добился лишь того чтобы прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Фридрихъ обратился къ Австрійскому правительству съ запросомъ чѣмъ вызваны военныя его приготовленія и обѣщается ли оно не нападать на него ни въ текущемъ, ни въ наступающемъ году. Относительно перваго изъ этихъ пунктовъ Марія-Терезія отвѣчала уклончиво, а что касается втораго, то вовсе обошла его молчаніемъ. Тогда Прусскій король немедленно вторгнулся въ Саксонію.

Насильственный его образъ дѣйствій противъ этой страны не оправдывался ровно ничѣмъ. Когда занялъ онъ Дрезденъ, то воспользовался документами найденными имъ въ государственномъ архивѣ этого города (содержаніе многихъ изъ нихъ было уже заранѣе ему извѣстно благодаря измѣнѣ Менцеля) чтобы доказать будто Саксонское правительство участвовало въ составившемся противъ него „заговорѣ“, готовилось присоединиться къ его врагамъ, но попытки эти были совершенно неудачны. Саксонія послѣ постигшаго ее въ 1745 году разгрома держалась въ сторонѣ; она не приступила къ

трактату заключенному въ 1746 году между Россіей и Австріей; вскорѣ затѣмъ она предпочла напротивъ сблизиться съ Франціей, а именно дофинъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Августа III Маріей-Іозефой. Предъ началомъ Семилѣтней Войны отношенія между С.-Петербургскимъ и Дрезденскимъ дворами были даже не совсѣмъ дружественны, ибо Августъ и министръ его Брюль по вопросу объ Острожскомъ наслѣдствѣ поссорились съ представителями русской партіи въ Польшѣ Чарторыйскими, которымъ наше правительство оказывало поддержку. Когда герцогъ Броль назначенъ былъ посланникомъ въ Варшаву, то въ первое время старался онъ подготовить кандидатуру на польскій престолъ герцога Конти, но потомъ, убѣдившись въ трудностяхъ этого плана, задумалъ совершенно другой: у него созрѣла мысль навсегда отстранить Саксонію отъ Австріи и Россіи, связать ее самыми тѣсными узами съ Франціей, обезпечить польскую корону для потомства Августа III, и все это съ тою цѣлью чтобы Саксонія, неразрывно связанная съ Польшей, служила оплотомъ противъ русскаго могущества. Разумѣется, при этомъ не могло быть уже и рѣчи о притязаніяхъ принца Конти, но, какъ доказывалъ пылкій дипломатъ, Французское правительство извлекло бы для себя громадныя выгоды. „Саксонія, опираясь на Польшу, писалъ онъ, будетъ служить непреодолимою преградой противъ вторженій Россіи въ Германію. Съ юга Турція не давала бы покоя державѣ созданной Петромъ Великимъ, со стороны моря Швеція и Данія, естественныя союзницы Франціи, постоянно угрожали бы ей; такимъ образомъ она была бы вполнѣ парализована и вытѣснена изъ предѣловъ цивилизованнаго міра, куда не слѣдовало бы ей и проникать“. Все это доказываетъ что еще далеко не былъ рѣшенъ вопросъ, на какую сторону склонится Саксонское правительство, оно не останавливалось ни на чемъ, ибо помня данный ему урокъ боялось скомпрометтировать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ шагомъ. Секретные переговоры между Петербургомъ и Вѣной были почти вовсе неизвѣстны ему. Въ приложеніяхъ къ *Mémoire raisonné* Фридрихъ велѣлъ напечатать депешу отъ 12 іюня 1756 года саксонскаго посланника при Вѣнскомъ дворѣ графа Флемминга, въ которой этотъ дипломатъ сообщалъ о бесѣдѣ своей съ Кауницомъ по поводу военныхъ приготовленій въ Россіи. „Я спросилъ его, читаемъ мы въ

этой депешѣ, чѣмъ вызваны они, и хотя министръ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта, но не возражалъ однако противъ сдѣланнаго мною замѣчанія что по всему вѣроятію вооруженія эти направлены скорѣе противъ Прусскаго короля, чѣмъ съ цѣлью исполнить обязательства принятыя Русскимъ дворомъ относительно Англіи. Я высказалъ недоумѣніе, въ состояніи ли будетъ Россія содержать столь многочисленное войско за границей если лишится англійскихъ субсидій; на это министръ отвѣчалъ что за деньгами не станетъ дѣло если только явится увѣренность что онѣ будутъ хорошо употреблены: это были его собственныя слова. Когда же я замѣтилъ что такой хитрый и проницательный государь какъ король Прусскій догадается что вмѣсто Англіи Россія разчитываетъ на Австрію и вдругъ вторгается въ австрійскія владѣнія, графъ отвѣчалъ мнѣ что на этотъ счетъ нечего безпокоиться, ибо здѣсь приготовлены ко всякимъ случайностямъ.“ Приведенная депеша указывала довольно ясно на намѣренія С.-Петербургскаго и Вѣнскаго дворовъ, но есть ли въ ней хотя одно слово изъ котораго можно было бы заключить что и Саксонское правительство присоединилось къ ихъ планамъ? Напротивъ, мы видимъ что оно только старалось проникнуть въ тайну и должно было довольствоваться болѣе или менѣе опредѣленными намеками. Всѣ другіе документы помѣщенные въ *Mémoire raisonné* еще менѣе убѣдительны чѣмъ тотъ о которомъ упомянули мы сейчасъ. Они свидѣтельствовали лишь что правительство Августа III не могло забыть о жестокихъ ударахъ нанесенныхъ Саксоніи Фридрихомъ, было очень раздражено противъ него, постоянно жаловалось на его политику, но развѣ все это служило достаточнымъ основаніемъ для того чтобы внезапно, безо всякаго предварительнаго заявленія, вторгнуться въ его земли? Впрочемъ, Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ не скрылъ настоящія причины побудившія его къ такому поступку. „Начиная войну, говоритъ онъ, надлежало предварительно отнять у Саксонцевъ средства вмѣшаться въ нее и вредить Прусакамъ; для того чтобы перенести войну въ Богемію надлежало перейти чрезъ Саксонское курфиршество: еслибы не завладѣть имъ, то позади остался бы врагъ, который, затруднивъ для Прусаковъ свободное плаваніе по Эльбѣ, могъ бы принудить ихъ очистить Богемію какъ скоро захотѣлъ бы этого Польскій король.“ Вотъ это просто и ясно и не

зачѣмъ было обвинять Саксонское правительство въ какихъ-то несуществовавшихъ замыслахъ.

Вечеромъ 28 августа вернулся Августъ съ охоты и встрѣтилъ во дворцѣ прусскаго посланника Мальцана, который сообщилъ ему что войска Фридриха предназначенныя дѣйствовать противъ Австріи вступили въ Саксонію, что король не питаетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній противъ этой страны, но по стратегическимъ соображеніямъ вынужденъ временно занять ее и что она будетъ „возвращена“ курфирсту по заключеніи мира. Фридриху было недостаточно того чтобы Саксонія соблюдала нейтралитетъ, онъ хотѣлъ въ предстоявшей войнѣ заставить ее дѣйствовать заодно съ Пруссіей и даже болѣе этого, какъ выяснилось изъ совѣщаній его съ саксонскимъ уполномоченнымъ генераломъ Арнимомъ. „Я вижу, любезный генералъ, говорилъ онъ, что Польскій король не хочетъ соединить свою армію съ моею, но я не могу отказаться отъ этого требованія, многія уважительныя причины побуждаютъ меня къ тому; военныя соображенія условливаютъ это и мнѣ нельзя измѣнить свой планъ.“ Арнимъ возражалъ что нельзя же однако Августу III объявить войну Маріи-Терезіи безъ малѣйшаго повода, не имѣя возможности привести ровно ничего для оправданія подобнаго образа дѣйствій. „Все это прекрасно, продолжалъ король, но тѣмъ не менѣе войска наши должны дѣйствовать сообща, ибо иначе нѣтъ никакихъ гарантій моей безопасности; пусть Польскій король заключитъ со мною договоръ, который установитъ между нами дружескую связь и сдѣлаетъ солидарными наши интересы; Саксонія должна раздѣлять съ Пруссіей и радость и горе; если счастье окажется на моей сторонѣ, то не только будетъ она щедро вознаграждена, но я озабочусь объ ея выгодахъ какъ о своихъ собственныхъ, относительно же того что скажетъ свѣтъ, нечего особенно смущаться; мы сумѣемъ приправить нашъ трактатъ разными сладостями, главнѣйшимъ же оправданіемъ для него будетъ необходимость, которая не дозволяетъ поступить иначе. Посудите сами, чѣмъ обезпечите вы меня что не сдѣлаетесь моими врагами? дадите ли вы мнѣ заложниковъ что ли? Нѣтъ, мнѣ нужны ваши войска; я играю въ опасную игру, стóитъ мнѣ только потерпѣть одно сильное пораженіе, и вы тотчасъ очутитесь у меня за спиной“. Арнимъ замѣтилъ что для успокоенія Прусскаго короля, Августъ согласится распустить четвертую, даже

третью часть своей арміи. „Быть-можетъ всю армію?“ возразилъ иронически Фридрихъ: это было бы черезчуръ жестоко. Есть другое, гораздо болѣе удобное средство: пусть ваши войска присоединятся къ моимъ и *принесутъ мнѣ присягу въ вѣрности*“.—„Но еще никогда, воскликнулъ съ изумленіемъ Арнимъ, не было примѣра ничего подобнаго ни въ древнія, ни въ новыя времена!“.—„Будто бы не было?“ отвѣчалъ король: вѣроятно примѣры были, но еслибы даже не было, то я знаю, извѣстно ли вамъ, любезный генералъ, что я имѣю претензіи на оригинальность.“—„Если такъ, если это послѣднее ваше слово, то намъ не остается ничего болѣе какъ похоронить себя на томъ мѣстѣ гдѣ мы теперь стоимъ.“—„Ахъ, продолжалъ Фридрихъ, все это вѣдь фразы: солдаты разсуждаютъ вовсе не такъ какъ генералы, вы это знаете не хуже меня; когда ихъ не поятъ и не кормятъ, они начинаютъ бунтовать.“ Король намекалъ этими послѣдними словами на отчаянное положеніе саксонской арміи, сосредоточенной въ лагерѣ при Пирнѣ, которая возлагала всѣ свои надежды лишь на то что ее выручатъ Австрійцы. Фридрихъ двинулся на встрѣчу генералу Броуну, принудилъ его отступить назадъ, затѣмъ сами Саксонцы вознамѣрились пробиться чрезъ непріятельскій лагерь, но потерпѣли пораженіе и должны были сдаться на капитуляцію. Участь Саксоніи была рѣшена: Августъ удалился въ Польшу, а семейство его оставалось въ Дрезденѣ, гдѣ выносило тяжкія оскорбленія отъ побѣдителя. Нельзя сказать чтобы во всѣхъ этихъ событіяхъ Саксонское правительство обнаружило много мужества, но во всякомъ случаѣ оно оказало важную услугу въ томъ отношеніи что успѣло задержать Прусаковъ, такъ что не прежде какъ весной слѣдующаго года вторглись они въ Богемію. Австрійцы имѣли время приготовиться къ борьбѣ.

Внезапный разгромъ которому подверглась Саксонія со стороны Фридриха произвелъ повсюду въ Европѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ Петербургѣ особенно скорбѣли о бѣдствіяхъ несчастной страны. Саксонскій резидентъ Прасе, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Бестужеву, сообщаетъ съ его словъ что въ засѣданіи конференціи Елисавета заявила что въ случаѣ смерти Августа III или могущаго постигнуть его другаго несчастія, никогда не допуститъ она возвести на Польскій престолъ никого кромѣ наслѣдника принца Саксонскаго; Бестужевъ тотчасъ же занесъ эти

заявленіе въ протоколъ, который былъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами. * Болѣе чѣмъ когда-нибудь сѣтовало Русское правительство на Вѣнскій дворъ, допустившій своею медлительностью печальную катастрофу. Еще въ то время когда Эстергази сообщалъ ему о запросѣ съ которымъ прусскій посланникъ Клингграфъ по приказанію Фридриха обратился къ Маріи-Терезіи относительно ея намѣреній, въ Петербургѣ выражено было сожалѣніе что съ самаго начала не дѣйствовали болѣе энергически, что въ такомъ случаѣ Прусскій король не отважился бы на „нестерпимыя угрозы“, не стращалъ бы Саксонію нападеніемъ на нее, ибо „русская многочисленная армія была бы въ готовности по первому его движенію, такъ-сказать, по пятамъ его слѣдовать,“ но „какъ простое сожалѣніе о прошедшемъ ничего не поправляетъ, то императрица, оставляя оное, прилагаетъ всю свою аттенцію къ настоящему и прошедшему.“ Теперь же, когда Фридрихъ отъ угрозъ перешелъ къ дѣлу, когда захватилъ онъ Саксонію въ свои руки, Россія болѣе чѣмъ когда-нибудь спѣшила исполнить свои обязательства относительно союзниковъ. Конечно, нельзя было ожидать съ ея стороны никакихъ затрудненій чтобы приступила она къ Версальскому договору между Франціей и Австріей, но заботясь самымъ искреннымъ образомъ объ успѣхѣ общаго дѣла, она не могла конечно не заботиться объ устраненіи всего что̀ помѣшало бы ей достигнуть этой цѣли. Она не предъявляла Версальскому двору никакихъ требованій, не домогалась отъ него никакихъ уступокъ, но не въ правѣ ли была ожидать что онъ облегчитъ ей по крайней мѣрѣ исполненіе предназначенной для нея роли? Такъ, между прочимъ, дѣйствія русскихъ войскъ были бы чрезвычайно затруднены еслибъ оказался невозможнымъ для нихъ переходовъ чрезъ Польшу. Русское правительство старалось внушить Полякамъ что они въ собственномъ интересѣ не должны противиться этому. „Ея величество не сомнѣвается, такъ предписывалось говорить уполномоченнымъ отъ него лицамъ, что Поляки пресѣкутъ всѣ оказавшіяся съ нѣкотораго времени между фамиліями несогласія и огорченія, и партикулярные

---

* Herrmann, *Sächsisch-polnische Beziehungen während des siebenjährigen Krieges zum Russischen Hof und insbesondere zum Grosskanzler Bestuscheœ*, въ *Preus. Jahrbüch.* XLVII, 567.

свои интересы не будутъ столько уважать, когда о благосостояніи всего ихъ отечества дѣло идетъ. Оно можетъ-быть больше нежели когда-либо опасности подверженнымъ кажется. Король Прусскій походомъ чрезъ Саксонію хотя и намѣренъ повидимому отъ Польши удалиться, но сіе чаятельно только для того дѣлается чтобъ ударъ свой на нее надежнѣе нанести. Такой принцъ который безо всякой причины противъ всенародныхъ правъ и противъ собственныхъ своихъ деклараціи и обѣщаній не возымѣлъ размышленій Саксонію у природнаго ея государя отнять, легко покусится и самой короны его лишить; случиться можетъ что онъ замышляетъ конфедерацію въ Польшѣ возбудить, Польшу противъ Польши поставить". * Нельзя было конечно надѣяться чтобъ увѣщаніями такого рода можно было подѣйствовать на партіи проникнутыя непримиримою враждой къ Россіи. Французское правительство считало основнымъ правиломъ своей политики поддерживать среди Поляковъ эти враждебныя къ ней отношенія, но къ удивленію даже и послѣ того какъ рѣшилось оно сблизиться съ Россіей, не произошло никакой перемѣны въ его образѣ дѣйствій. По крайней мѣрѣ официальные его агенты въ Польшѣ не переставали проповѣдывать что вступленіе туда русскихъ войскъ будетъ предвѣстіемъ порабощенія страны. Дюранъ, замѣнившій герцога Броля на время отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, заявилъ нашему посланнику Гроссу что въ такомъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ прекратить добрыя съ нимъ сношенія; онъ грозилъ даже снестись съ Портой и возбудить ея безпокойство. Герцогъ Броль вернулся въ Польшу когда уже начались военныя дѣйствія, когда армія наша вступила въ польскіе предѣлы. но это заставило его лишь усугубить свое рвеніе противъ Россіи. „Лишь только разнесся слухъ объ его пріѣздѣ, разсказываетъ авторъ книги *Le secret du roi*, какъ домъ его наполнился старыми его друзьями, изъ которыхъ одни съ яростью, другіе съ отчаяніемъ разсказывали ему о бѣдственномъ положеніи своего отечества вслѣдствіе вторженія русскихъ войскъ. Безъ малѣйшихъ колебаній смѣло выступилъ онъ покровителемъ Поляковъ противъ ихъ притѣснителей; принималъ почти вызывалъ (presque provoquait) жалобы всѣхъ тѣхъ у кого было помято поле, разграбленъ домъ. разбитъ погребъ.

* *Архивъ князя Воронцова*, III, 483.

кто вынужденъ былъ платить контрибуцію, и сообщалъ объ этомъ русскому посланнику, требуя надменнымъ тономъ немедленнаго удовлетворенія". Въ депешахъ своему правительству онъ не упускалъ случая похваляться этимъ образомъ дѣйствій. Русское правительство, со своей стороны, заявляло сильное неудовольствіе. Еще когда Бехтѣевъ находился въ Парижѣ, министръ Руль объяснялъ подобныя столкновенія тѣмъ что нельзя же вдругъ измѣнить систему. „Не можемъ мы, говорилъ онъ, называть сегодня бѣлымъ то что вчера называли чернымъ". Позднѣе, когда Бернисъ вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, онъ счелъ приличнымъ обуздать неугомонную дѣятельность герцога Броля и обратился къ нему съ депешей, въ которой указывалъ на необходимость сообразоваться съ измѣнившимися обстоятельствами, но Людовикъ XV, помимо министровъ, имѣлъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ посланниковъ. Органомъ его для этого служилъ первый секретарь (premier commis) Терсье, который и не замедлилъ успокоить герцога Броля. „Ради Бога, извѣщалъ онъ его, не смущайтесь тѣмъ что̀ пишетъ вамъ г. аббатъ Бернисъ. Онъ не могъ поступить иначе. Подождите немного, обстоятельства могутъ измѣниться, и тогда не замедлятъ оцѣнить вашъ образъ дѣйствій; въ настоящее время потокъ направляется въ другую сторону, но хотя необходимость заставляетъ слѣдовать за нимъ, я не ошибаюсь, кажется, въ своемъ предположеніи что у насъ не замедлятъ возвратиться къ прежнимъ принципамъ. Вамъ надлежитъ сообразовать свою дѣятельность съ особыми приказаніями короля, а что касается министерской корреспонденціи, всѣ усилія мои будутъ направлены на то чтобъ она не находилась въ рѣзкомъ съ ними противорѣчіи."

Такова была политика Франціи по польскому вопросу въ теченіе всей войны, и тщетно старалось Русское правительство, когда только начались переговоры о союзѣ съ этою державой, заручиться какими-нибудь гарантіями что она измѣнитъ свой образъ дѣйствій. Оно потерпѣло неудачу и въ другомъ отношеніи: въ Версальскомъ трактатѣ, къ которому приглашали приступить Россію, не упомянуто было ни однимъ словомъ о Турціи; напротивъ, онъ гласилъ что Французскій король обязуется „гарантировать и защищать навсегда отъ нападеній *какого бы то ни было государства*" всѣ земли принадлежавшія императрицѣ Маріи-Терезіи. При этомъ

никому не приходило въ голову что Порта можетъ встревожиться подобнымъ заявленіемъ, но какъ скоро зашла рѣчь о договорѣ съ Россіей, Людовикъ XV настаивалъ на необходимости непремѣнно исключить Турцію изъ числа державъ противъ которыхъ Франція должна была помогать своей новой союзницѣ. Онъ требовалъ чтобъ объ этомъ было упомянуто въ трактатѣ. Очевидно Французское правительство, соединяясь съ нами для общаго дѣла, не желало ни малѣйшимъ образомъ измѣнить свои отношенія къ Оттоманской имперіи и къ Польшѣ, которыми она давно пользовалась для враждебныхъ противъ насъ цѣлей и которыя могли еще оказать ему такія же услуги въ будущемъ. Успѣхъ предпріятія для котораго составлялась коалиція зависѣлъ однако отъ того чтобы Россія не имѣла причины опасаться Турціи, а не могла она не опасаться ея зная что Фридрихъ будетъ всячески интриговать въ Константинополѣ. но соображенія эти не оказывали никакого вліянія на Версальскій дворъ. Русское правительство предложило слѣдующую сдѣлку: пусть въ текстъ трактата будетъ внесена статья долженствующая успокоить Порту, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть Франція обяжется „секретнѣйшею деклараціей“ оказать Россіи по крайней мѣрѣ денежную помощь въ случаѣ наладенія на нее Турокъ. Дугласъ на свою отвѣтственность подписалъ декларацію, но поступокъ его вызвалъ сильнѣйшее негодованіе въ Парижѣ. Любопытно, между прочимъ, одно соображеніе, на основаніи коего не хотѣли тамъ одобрить его образъ дѣйствій: „Г. Рулье сказалъ мнѣ въ откровенности, доносилъ Воронцову Бехтѣевъ, что онъ опасается его сіятельства канцлера, чтобы тотъ не приказалъ нарочно сообщить декларацію Портѣ“. Повидимому, у насъ не хотѣли понять до какой степени оскорбительны подобныя инсинуаціи противъ человѣка который продолжалъ занимать первенствующее мѣсто въ правительствѣ! Все было сдѣлано такъ какъ хотѣлось Версальскому двору, секретнѣйшая декларація была уничтожена, и 31 декабря 1756 года Россія приступила къ Версальскому трактату не выговоривъ для себя ровно ничего.

Еще въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ представляются отношенія ея къ Австріи въ описываемое время. Марія-Терезія не считала нужнымъ устанавливать какія бы то ни было новыя обязательства съ Россіей,—она хотѣла довольствоваться договоромъ 1746 года, въ которомъ было сказано что въ

случаѣ разрыва ея съ королемъ Прусскимъ, Россія должна выставить 30.000 и даже до 60.000 войска, для того чтобы могла она возвратить себѣ Силезію и графство Глацъ. Ни о какихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ для Россіи въ означенномъ трактатѣ не было упомянуто, но обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились. На сцену выступилъ новый союзникъ—Франція, которая, какъ слѣдовало предполагать, едва ли намѣревалась совершенно бескорыстно приносить жертвы для Габсбургскаго дома; кромѣ того и цѣль войны была другая,—имѣлось въ виду нанести такой ударъ королю Прусскому, вслѣдствіе коего онъ могъ лотерять бо́льшую часть своихъ владѣній: Россія заранѣе должна была поэтому озаботиться чтобы не остаться ей съ пустыми руками. Она настаивала на необходимости новаго договора съ Австріей, въ который непремѣнно хотѣла включить что въ случаѣ успѣха она займетъ королевскую Пруссію, но предоставляетъ себѣ право уступить эту область Польшѣ въ обмѣнъ на Курляндію и Семигалію. Въ ноябрѣ 1756 года графъ Эстергази получилъ депешу въ которой Вѣнскій дворъ обстоятельно высказался на этотъ счетъ *. Онъ пытался установить рѣзкое, по его мнѣнію, различіе между притязаніями Австріи и Россіи: первая изъ этихъ державъ стремилась завладѣть лишь тѣмъ что̀ издавна было законнымъ ея достояніемъ, тогда какъ Русское правительство имѣло въ виду такія пріобрѣтенія которыя возбудятъ противъ него обвиненіе въ завоевательныхъ замыслахъ; многія государства непремѣнно встревожатся, вопервыхъ, Порта, а затѣмъ Франція, которая относится крайне подозрительно къ усиленію могущества Россіи. Впрочемъ Марія-Терезія не отказывалась *по возможности* (nach Möglichkeit) содѣйствовать планамъ императрицы Елисаветы, выражала готовность употребить для это все что̀ отъ нея зависитъ (alles was von ihr abhänge); она увѣряла только что до удобнаго времени не слѣдуетъ обнаруживать игру и вступать по упомянутому вопросу въ какое-либо формальное соглашеніе. По ея мнѣнію, достаточно было бъ еслибъ императрица Елисавета удовольствовалась письменнымъ обѣщаніемъ съ ея стороны, взамѣнъ чего и ей дано было бы точно такое же обѣщаніе что кромѣ Силезіи и Глаца она можетъ разчитывать еще на другое вознагражденіе. Лишь только отправлена

* Arneth, V, 57 58.

была упомянутая депеша къ Эстергази, какъ Вѣнскій дворъ встревожился, не сдѣлалъ ли онъ слишкомъ большую уступку: не смотря на то что съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ доказывалъ онъ будто бы въ предстоявшей войнѣ помышляетъ не болѣе какъ о возвращеніи отнятыхъ у него провинцій, у него явилось сомнѣніе благоразумно ли заранѣе щеголять подобною воздержностью? Зачѣмъ, напримѣръ, отдавать Польшѣ королевскую Пруссію еслибы была она завоевана у Фридриха? Отчего не воспользоваться ею для себя? И вотъ къ австрійскому послу въ Петербургѣ летитъ другая депеша, въ которой Марія-Терезія требуетъ чтобы владѣтельнымъ герцогомъ упомянутой области провозглашенъ былъ второй изъ ея сыновей, эрцгерцогъ Карлъ, а Польша удовольствовалась бы лишь тѣмъ что королевская Пруссія поставлена была бы въ вассальныя къ ней отношенія. Эстергази долженъ былъ затрогивать этотъ вопросъ крайне осторожно, когда представится удобный случай, а главнымъ образомъ такъ чтобы не дошли слухи до Франціи. Онъ впрочемъ не слѣшилъ исполнить данное ему порученіе, волервыхъ, потому что боялся встрѣтиться съ большими трудностями, во-вторыхъ, по той причинѣ что, какъ казалось ему, Русское правительство не слишкомъ горячо принимало къ сердцу заявленныя имъ требованія. Онъ говорилъ съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ, и Воронцевъ сознался ему что все это „химерическіе планы“ Бестужева. * Вслѣдствіе того и въ Вѣнѣ не думали настаивать на щекотливомъ вопросѣ,—тамъ желали бы даже избѣгать вообще всякихъ переговоровъ о королевской Пруссіи, въ надеждѣ что и само Русское правительство не возобновитъ ихъ, но дѣло было уже сдѣлано. Эстергази заявилъ о готовности Маріи-Терезіи подписать секретную декларацію, и отступиться отъ этого не представилось возможности. Императрица Елисавета утрердила 22 января 1757 года союзный трактатъ между Россіей и Австріей. Цѣлью его полагалось „возвратить всю Силезію и графство Глацъ подъ державу ея величества королевы Венгеро-Богемской и положить достаточные предѣлы силѣ такого государя (короля Прусскаго) котораго неправедные замыслы ни какихъ границъ не знаютъ.“ Для исполненія этого намѣренія Австрія

---

* Der Vicekanzler mit deutlichen Worten hat mir gesagt, dass es ein chimeriquer Gedanken des Grosskanzlers seie. (Arneth, V, 479.)

обязывалась выставить восьмидесятитысячную армію, а Россія не только такое же число сухопутныхъ войскъ, но кромѣ того отъ пятнадцати до двадцати линейныхъ кораблей, фрегатовъ, бомбардирскихъ галіотовъ и не меньше сорока галеръ. Въ теченіе всей войны она должна была получать отъ Вѣнскаго двора по милліону рублей и это было единственное существенное условіе въ ея пользу. Впрочемъ, какъ уже мы видѣли, Русское правительство не особенно сильно настаивало на немъ (zu einem Subsidien-Tractat will man sich hier absolute nicht verstehen, писалъ Эстергази въ концѣ октября 1756 года), „явное доказательство, по словамъ Арнета, того страстнаго нетерпѣнія съ которымъ хотѣли въ Петербургѣ поскорѣе заключить союзъ цѣной какихъ бы то ни было пожертвованій“. Въ послѣдствіи зашла рѣчь о субсидіяхъ, но австрійскій посолъ, зная настроеніе императрицы Елисаветы, рѣшился, на свою отвѣтственность, уменьшить сумму которую готовъ былъ уплачивать его дворъ, и это удалось ему какъ нельзя лучше. Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ трактатъ 22 января 1757 года. „Понятно, говоритъ Арнетъ, что въ Вѣнѣ были очень довольны имъ, ибо Русское правительство ограничилось тѣмъ что безъ малѣйшихъ измѣненій приняло все что было ему предложено графомъ Эстергази. Но въ чашу радости замѣшалась однако капля горечи...“ Этою каплей была упомянутая выше декларація, которою Марія-Терезія обѣщалась содѣйствовать императрицѣ Елисаветѣ въ пріобрѣтеніи Курляндіи и Семигаліи; правда, декларація эта не вошла въ трактатъ, обѣщаніе выраженное въ ней обставлено было такими оговорками которыя значительно ослабляли его силу, но все-таки было бы гораздо лучше если-бы не существовало ея вовсе. Зачѣмъ письменный документъ, не было ли достаточно простаго слова императрицы-королевы? Въ Вѣнѣ тѣмъ болѣе сѣтовали на Эстергази, не умѣвшаго устроить это дѣло, что самъ же онъ доносилъ будто въ засѣданіи конференціи, не задолго до подписанія трактата, Елисавета выразилась что она не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній, а желаетъ только возвратить Маріи-Терезіи Силезію и Глацъ, смирить Фридриха и доставить вознагражденіе Саксоніи. Если тѣмъ не менѣе она выступила съ требованіемъ противорѣчившимъ ея безкорыстнымъ и возвышеннымъ намѣреніямъ, то виновникомъ этого былъ никто иной какъ ненавистный министръ, который уже причинилъ такъ много

зла. Эстергази во всемъ обвинялъ его: Бестужевъ торговался за каждый рубль когда шли переговоры о субсидіи, онъ подалъ мысль объ обмѣнѣ королевской Пруссіи на Семигалію и Курляндію и онъ же дорожилъ декларацією вырванною у Маріи-Терезіи. Все это приписывалось, разумѣется, самымъ низкимъ побужденіямъ съ его стороны: только потому что продался онъ Англичанамъ, старался онъ дѣлать всякія затрудненія другимъ совѣтникамъ императрицы, которые готовы были очертя голову идти въ войну. Но развѣ нельзя было перерѣшить то что̀ казалось окончательно рѣшеннымъ? Графу Эстергази приказывали изъ Вѣны употребить всѣ усилія чтобъ Елисавета отказалась отъ обмѣна деклараціи. Онъ энергически принялся за дѣло и въ непродолжительномъ времени достигнулъ полнаго успѣха. * Чрезъ Воронцова подготовилъ онъ императрицу; что касается Бестужева, то не трудно было бороться съ нимъ потому что весной 1757 года—когда австрійскій посолъ хлопоталъ о данномъ ему порученіи—положеніе его при дворѣ сдѣлалось невыносимымъ: Лопиталь, прибывшій вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, писалъ о немъ что онъ почти нигдѣ не показывается сказываясь больнымъ **; у императрицы вырвались, въ разговорѣ съ одною придворною дамой, зловѣщія о немъ слова: „не долго господствовать злодѣю“ (der Bösewicht soll nicht lange mehr regieren) и самому Эстергази говорила она: „подождите, мы скоро отдѣлаемся отъ него“. Предчувствуя близость своего паденія, доносилъ австрійскій посолъ, Бестужевъ не имѣлъ духу противиться настояніямъ Вѣнскаго двора, кое-какія возраженія послышались лишь со стороны П. И. Шувалова, но не привели ни къ чему, и въ маѣ 1757 года оригиналъ декларціи подписанной Маріей-Терезіей былъ возвращенъ въ Вѣну.

Если такъ удачно вели Австрійцы свои дѣла въ Петербургѣ, то столько же могли они гордиться и успѣхомъ одержаннымъ ими въ Версали: несомнѣнно что, своимъ внезапнымъ вторженіемъ въ Саксонію, служившимъ лишь первымъ шагомъ

---

* См. подробности у Арнета, V, 66—71, который излагаетъ происходившіе по этому поводу переговоры на основаніи донесеній Эстергази.

** „Il est malade. ou il feint la maladie; il se montre de moins en moins; quand il reçoit, il paraît souffrir; il a besoin d'une canne pour se lever.“ (Dareste. I, 46).

для нападенія на Австрію. Фридрихъ далъ право Маріи-Терезіи требовать отъ Людовика XV помощи на основаніи Версальскаго договора 1 мая 1756 года. Но что̀ такое была это помощь? Къ чему послужили бы 24.000 человѣкъ, которыхъ обязанъ былъ выставить Французскій король? Вѣнскій дворъ задался мыслію гораздо сильнѣе втянуть Францію въ войну, склонить ее къ тому убѣжденію что цѣлью этой войны долженъ быть совершенный разгромъ Пруссіи, о чемъ вначалѣ не хотѣли слышать ни Людовикъ XV, ни вліятельнѣйшіе изъ его министровъ, а еще менѣе публика. Если онъ достигъ наконецъ своей цѣли, то главнымъ образомъ благодаря гжѣ Помпадуръ и ея другу аббату Берниссу. До послѣдняго времени ходили не совсѣмъ вѣрные слухи о томъ что̀ побудило эту женщину употребить все свое вліяніе на пользу австрійскихъ интересовъ; съ одной стороны объясняли ея поведеніе озлобленіемъ противъ Фридриха за эпиграммы которыя при всякомъ удобномъ случаѣ онъ расточалъ на ея счетъ и конечно это была одна изъ главныхъ причинъ. Сохранилось письмо ея къ Кауницу, въ которомъ, между прочимъ, выражалась она такимъ образомъ: „я ненавижу Прусскаго короля болѣе чѣмъ когда-нибудь; примемъ надлежащія мѣры, превратимъ въ прахъ сѣвернаго Аттилу (pulverisons l'Attila du Nord), и вы увидите что я буду столько же довольна сколько раздражена теперь...“ Но этого было еще мало. Дюкло, извѣстный писатель конца прошлаго столѣтія, въ небольшой своей книжкѣ *Histoire des causes de la guerre de 1756*, впервые обнародовалъ извѣстіе—въ послѣдствіи всѣми принятое на вѣру—о томъ какъ Марія-Терезія, по настояніямъ Кауница, со слезами на глазахъ, вынуждена была написать къ фавориткѣ Людовика XV письмо, въ которомъ назвала ее „ma cousine“. То же самое подтверждалъ и англійскій посланникъ Станли, прибывшій въ Парижъ для переговоровъ которыми должна была окончиться Семилѣтняя Война. Сама Марія-Терезія положительно отрицала это. Въ 1763 году супруга наслѣднаго принца Саксонскаго Марія-Антонія получила отъ нея письмо, изъ котораго мы приводимъ слѣдующія строки, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника: „Vous vous trompez si vous croyez que nous avonts jamais eut des liaisons avec la pompadour; jamais une lettre, ni que notre ministre aye passée par son canal, ils ont dut lui faire la cour comme tout les autres, mais jamais aucune intimité. Ce canal n'aurait pas convenut, je lui ais fais un

present plutot galant que magnifique l'année 1756 et avec la permition du roy, je ne la crois pas capable d'en accepter autrement". Дѣйствительно никто не видалъ письма Маріи-Терезіи, ни одинъ изъ друзей гжи Помпадуръ не упоминаетъ о немъ, слѣдовательно императрица говорила правду что сама не писала къ фавориткѣ, но никакъ нельзя утверждать того же самаго о всемогущемъ ея министрѣ Кауницѣ. Помѣщенные у Арнета отрывки изъ его корреспонденціи со Штарембергомъ, а также и съ маркизой, которой расточалъ онъ изысканную лесть, доказываютъ что онъ считалъ ее главною виновницей своихъ успѣховъ во Франціи и не скупился на выраженія ей своей признательности. Когда былъ заключенъ, какъ увидимъ сейчасъ, договоръ окончательно связывавшій Вѣнскій и Версальскій дворы, онъ писалъ ей: „Сейчасъ отправляется отсюда курьеръ съ ратификаціей великаго и благодѣтельнаго трактата, который вы имѣете право считать своимъ дѣломъ и который будетъ славенъ на всѣ грядущіе вѣка. Надо только стараться чтобъ онъ былъ исполненъ въ точности; я буду всячески заботиться объ этомъ и осмѣливаюсь разчитывать на то же самое съ вашей стороны. Не сомнѣваюсь въ этомъ, зная величіе вашей души (l'élévation de votre âme) и горячее участіе которое принимаете вы въ славѣ короля и благоденствіи Франціи." Гжа Помпадуръ была видимо довольна тѣмъ что ей присваивали роль рѣшительницы судебъ Европы и старалась показать что она заинтересована въ событіяхъ не менѣе всѣхъ государственныхъ людей того времени. „Чтобы достигнуть успѣха въ нашихъ великихъ предпріятіяхъ, говорила она Кауницу. примемъ мѣры чтобы никогда намъ не расходиться относительно военныхъ операцій; безъ этого мы погибнемъ оба (sans cela nous périrons l'un et l'autre); довѣріе съ которымъ я къ вамъ обращаюсь служитъ новымъ доказательствомъ моей заботливости объ успѣхѣ славнѣйшаго предпріятія въ мірѣ". Что касается подарка гжѣ Помпадуръ о которомъ упоминаетъ Марія-Терезія въ письмѣ къ наслѣдной принцессѣ Саксонской, то сдѣланъ былъ онъ не въ 1756, а гораздо позднѣе. Сначала хотѣли дать ей табатерку съ осыпаннымъ алмазами портретомъ императрицы-королевы, но Штарембергъ предложилъ замѣнить это изящнымъ письменнымъ столомъ и шкатулкой на которой также долженъ былъ красоваться портретъ. Кауницъ, препровождая эти вещи маркизѣ, писалъ что

императрица желала отблагодарить ее „за твердость и постоянство съ которыми съ самаго начала поддерживала она систему столь счастливо установившуюся между двумя дворами“, и фаворитка поспѣшила воспользоваться этимъ случаемъ чтобъ обратиться съ письмомъ къ Маріи-Терезіи. Все это показываетъ какъ хорошо сознавали въ Вѣнѣ услуги оказанныя ей Австріи и если старались льстить ей, почти унижаться предъ нею, то едва ли справедливо выставлять это, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки, неслыханнымъ скандаломъ. Чѣмъ же былъ виноватъ Вѣнскій дворъ, если можно было вести успѣшно дѣла съ Франціей не иначе какъ чрезъ посредство такой личности, и развѣ Фридрихъ Великій не поступилъ бы точно такъ же? Въ послѣдствіи. когда хотѣлось ему завязать мирные переговоры съ Людовикомъ XV, онъ не задумался предложить маркизѣ Помпадуръ Нейенбургское княжество.

Одно трагическое событіе едва не разрушило надежды Кауница. Въ первыхъ числахъ января 1757 года сдѣлано было покушеніе на жизнь Людовика XV: фанатикъ Даміенъ нанесъ ему рану ножомъ и нѣсколько дней сряду считали положеніе его крайне опаснымъ. Все отшатнулось отъ фаворитки, говорили что она отправится въ монастырь, ждали коренныхъ перемѣнъ въ управленіи, но король вскорѣ оправился, и съ этой минуты придворные старались наперерывъ одинъ предъ другимъ загладить свою вину предъ маркизой. „Гжа Помпадуръ отъ часу болѣе въ силѣ, писалъ Бехтѣевъ, она и достойна того: можно сказать что преразумная“. Угрожавшее ей несчастіе только озлобило ее, доставило ей удобный случай отдѣлаться отъ министровъ которые въ королевскомъ совѣтѣ противились слишкомъ тѣсному сближенію съ Австріей, а именно отъ морскаго министра Машо и военнаго д'Аржансона; пріемники ихъ Мора и маркизъ Поми были вовсе не такіе люди отъ которыхъ можно было бы опасаться серіозной оппозиціи. Съ этой минуты переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ пошли какъ по маслу, и 1 мая 1757 года заключенъ былъ договоръ который слѣдуетъ считать замѣчательнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ. Франція до послѣдней минуты не хотѣла содѣйствовать раздробленію Прусскаго королевства, и хотя Фридрихъ далъ ей много причинъ къ неудовольствію, она втайнѣ радовалась что въ лицѣ его возникъ опасный врагъ для Габсбургскаго дома, но теперь взглядъ этотъ внезапно измѣнился: единственною цѣлью

обѣихъ державъ было ограничить Прусскаго короля такими предѣлами чтобы на будущее время не могъ онъ угрожать общеевропейскому спокойствію; министры Людовика XV желали чтобы въ трактатѣ упомянуто было и объ Англіи какъ о державѣ противъ которой должны быть направлены соединенныя ихъ силы, но хотя это было очень важно для Версальскаго двора, который велъ съ Англіей войну, ему не удалось настоять на своемъ требованіи. По предшествовавшему договору обязанъ былъ онъ выставить на помощь Маріи-Терезіи 24.000 войска; теперь же число это возрасло до 105.000, причемъ Франція принимала на свое содержаніе 4.000 Баварцевъ и 6.000 Виртембергцевъ. Не смотря на крайнее истощеніе своихъ финансовъ, не смотря на то что еще неизвѣстно было какія громадныя суммы придется израсходовать ей въ борьбѣ съ Англичанами, она соглашалась „на теченіе всего времени пока будетъ продолжаться война" выплачивать ежегодно по 12 милліоновъ субсидій! Такимъ образомъ отдавала она себя совершенно въ распоряженіе Австріи, и до какихъ же поръ должно было это продолжаться? До тѣхъ поръ, гласилъ трактатъ, пока императрица-королева не вступитъ въ спокойное обладаніе Силезіей и Глацемъ. Впрочемъ Вѣнскій дворъ не ограничивалъ только этимъ свои притязанія, онъ выговорилъ что ему уступлено будетъ княжество Кроссенъ и что онъ получитъ возможность округлить свои границы посредствомъ присоединенія къ Австріи нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ нею областей, владѣтели коихъ будутъ вознаграждены на счетъ Пруссіи. Въ трактатѣ было прямо обозначено что̀ именно слѣдуетъ отнять у Прусскаго короля съ цѣлью сдѣлать его на будущее время безопаснымъ для Европы, и договаривающіяся стороны торжественно обязывались не покидать оружія до тѣхъ поръ пока онѣ не достигнутъ этого. Въ такомъ случаѣ, отобранныя у него земли предназначались для вознагражденія союзниковъ Франціи и Австріи, а именно Швеція должна была получить утраченную ею нѣкогда часть Помераніи, Саксонія—герцогство Магдебургъ, Саальскій округъ, а также въ случаѣ возможности княжество Гальберштадтъ; курфирстовъ Баварскаго и Пфальцскаго предполагалось вознаградить соотвѣтственно тѣмъ пожертвованіямъ которыя принесутъ они для успѣха общаго дѣла.

За годъ или даже за нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія трактата о которомъ идетъ рѣчь, никто бы и не предполагалъ

чтобы Французское правительство согласилось выступить на тотъ путь на который Кауницъ и Штарембергъ, при ревностномъ содѣйствіи маркизы Помпадуръ, увлекли его. Война, требовавшая чрезвычайныхъ усилій съ его стороны, предпринималась не въ его интересахъ, а въ интересахъ Австріи. Какія же обязательства принималъ на себя Вѣнскій дворъ и какія выгоды предоставлялъ онъ своему союзнику? Изъ трактата 1757 года мы видимъ что въ то время какъ Франція, уже находившаяся въ войнѣ съ Англіей, выступала болѣе чѣмъ со стотысячною арміей, онъ долженъ былъ выставить „по меньшей мѣрѣ 80.000 войска". Въ 1755 году, когда сдѣлана была первая попытка сблизиться съ Людовикомъ XV, Австрійцы предлагали его зятю инфанту донъ-Филиппу Нидерланды въ обмѣнъ на Парму, Піаченцу и Гвасталу, а самой Франціи нидерландскіе города Остенде и Ньюпоръ, и ради чего же? Ради того только чтобы Людовикъ XV отступился отъ союза съ Пруссіей и далъ денежное пособіе для войны съ ней. Не принимая самъ въ этой войнѣ никакого участія, онъ сдѣлалъ бы такимъ образомъ важныя пріобрѣтенія. Но теперь условія измѣнились. По трактату 1 мая 1757 года, до тѣхъ поръ пока дѣйствія союзниковъ не увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ, пока Фридрихъ не подписалъ бы мирнаго договора который принудилъ бы его къ уступкѣ принадлежавшихъ ему вышеупомянутыхъ областей, Франція не могла предъявлять никакихъ требованій; лишь послѣ этого получала она кромѣ Остенде и Ньюпора еще три другіе города и крѣпость Кнокъ, но всѣ орудія и военные снаряды этой крѣпости переходили къ Австрійцамъ. Точно также лишь по возстановленіи мира вступалъ донъ-Филиппъ, отказавшись отъ Пармы, Піаченцы и Гвасталы, въ обладаніе Нидерландами; еслибъ умеръ онъ не оставивъ потомства, то Нидерланды попрежнему поступали подъ власть Габсбургскаго дома, за исключеніемъ города Турне съ округомъ, который достался бы Франціи. Что касается государственнаго долга въ 40 милліоновъ гульденовъ, лежавшаго на Нидерландахъ, то Французское правительство и инфантъ донъ-Филиппъ совмѣстно принимали его на себя.

Трактатъ 1757 года былъ торжествомъ Кауница. Какъ нельзя лучше устроилъ онъ свои дѣла и въ Версали и въ Петербургѣ, воспользовавшись для этого съ одной стороны

ничтожествомъ Французскаго правительства. съ другой—чрезмѣрною довѣрчивостью императрицы Елисаветы и ея ближайшихъ совѣтниковъ. Заранѣе распредѣляла Австрія земли которыя надѣялась отвоевать у Фридриха. предоставляя часть ихъ себѣ, другія—Саксоніи, Швеціи, Баваріи, Пфальцу; заранѣе было условлено кто и что̀ именно долженъ получить, только для Россіи не было мѣста въ этомъ дѣлежѣ: тутъ слышались возгласы о томъ что опасно преслѣдовать завоевательные планы, ссылки на Францію, которая будто бы никакъ не соглашается на требованія Русскаго правительства, и наконецъ туманныя, ни къ чему не обязывающія обѣщанія. Впрочемъ въ Петербургѣ обнаруживали необыкновенную податливость, чтобы, какъ выразилась императрица Елисавета въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ, „по пословицѣ на дѣлежѣ не поссориться и отъ такого великаго союза, какого почти еще не бывало, вмѣсто ожидаемой пользы и славы не произошли однѣ досады, нареканія и вредная на будущее время холодность“. * Конечно, это правило мудрое, и хорошо было бы еслибы всѣ союзники поступали съ такою же искренностью, но въ томъ-то и бѣда что примѣръ Россіи нигдѣ не встрѣчалъ подражанія. Нѣкоторые, хотя и весьма немногіе, изъ нашихъ государственныхъ людей того времени понимали какія затрудненія можетъ она создать себѣ въ будущемъ. Первое мѣсто между ними принадлежало Бестужеву: не даромъ Эстергази еще въ то время когда только начались переговоры о конвенціи, содержаніе коей изложено нами выше, жаловался что съ нимъ нельзя вести дѣло, что безпрерывно обнаруживалось явное или тайное противодѣйствіе съ его стороны. ** Но и помимо Бестужева нашелся человѣкъ стоявшій въ рядахъ его противниковъ, близкій пріятель Воронцова, который очень вѣрно смотрѣлъ на положеніе Россіи въ рядахъ коалиціи образовавшейся противъ Фридриха: „Всѣ державы, писалъ Бехтѣевъ, воюющія съ королемъ Прусскимъ обнадежены о выигрышѣ; только будетъ затрудненіе одной Россіи въ одержаніи того что̀ она отъ нынѣшней войны себѣ обѣщаетъ, а именно сверхъ обезсиленія Пруссіи пріобрѣтеніе себѣ Курляндіи. Правда, постановлено о томъ съ Вѣнскимъ дворомъ (!), но другіе союзники. кои какъ главныя

* Соловьевъ, XXIV, 272.

** Arneth, V, 49.

державы при замиреніи будутъ, о томъ не знаютъ. Правильно могутъ тогда говорить что они чужимъ добромъ распоряжаться права не имѣютъ и не должны, но паче имѣя съ Польшей обязательства всячески Россію отъ того отвращать станутъ. Можетъ Россія предъявлять что она Польшѣ уступитъ за то Пруссію, но на то не трудно отвѣтствовать что Россія на Пруссію и на завоеваніе областей короля Прусскаго права не имѣетъ, потому что она яко ауксиліарная держава по обязательствамъ съ Австрійскимъ и Саксонскимъ домами войну производила. Всѣ тогда наскучивъ войной получатъ то что всякій желалъ, а Вѣнскій дворъ первый, и выдадутъ Россію, не захотятъ для нея одной замиреніе остановить; ежели бы Россія поупрямилась удержать Пруссію, то оставятъ ее одну; а по политическому резону надо думать что Швеція, которой не должно совсѣмъ довѣрять, явно противъ того декларироваться можетъ, да и для принужденія къ тому Россіи она въ состояніи противъ нея поднять Поляковъ и Турковъ, внушая имъ только что Россія безо всякаго права хочетъ завладѣть у Республики Курляндію, собственную ея землю.“ По мнѣнію Бехтѣева, было бы сообразнѣе и съ достоинствомъ Русскаго правительства и несравненно выгоднѣе для его интересовъ еслибъ оно само объявило войну королю Прусскому, вступивъ въ соглашеніе съ державами нуждавшимися въ его помощи, относительно того что оно требуетъ для себя въ случаѣ успѣха. Нужно было только говорить твердо и рѣшительно, и голосъ Россіи былъ бы конечно услышанъ.

X.

Союзникамъ не стоило много труда привлечь на свою сторону Швецію. Вліяніе Фридриха въ этой странѣ условливалось близкою связью его съ королемъ Адольфомъ-Фридрихомъ, женатымъ на родной его сестрѣ, но власть короля была до крайности ограничена конституціей, имѣвшею много общаго съ тою которая господствовала въ Польшѣ. Въ 1756 году нанесенъ былъ этой власти еще болѣе сильный ударъ: неудачный заговоръ графа Браге и барона Горна, задумавшихъ измѣнить государственное устройство и поплатившихся жизнью за свое намѣреніе, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ большее чѣмъ когда-нибудь усиленіе олигархіи. „Сила и власть

сенаторовъ въ народѣ, писалъ изъ Стокгольма Паninъ. подкрѣпляется теперь Франціей; французскій посолъ—другъ вельможъ и гонитель двора. Описать нельзя грубость съ которою сенаторы ведутъ себя относительно королевы; короля же считаютъ совершенно неспособнымъ и имени его въ дѣлахъ, кромѣ формы, нигдѣ не слышно.“ При такихъ условіяхъ Версальскій дворъ очень скоро втянулъ Швецію въ союзъ противъ Фридриха, тѣмъ болѣе что для войны предлагались субсидіи,—весьма соблазнительная приманка для шведской аристократіи.

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ Фридрихъ врагами. „Съ Божіею помощью, писалъ Кауницъ къ графу Эстергази, столько враговъ выдвинули мы противъ Прусскаго короля что онъ не замедлитъ пасть подъ ихъ ударами и его. ожидаетъ такая же участь какая постигла некогда знаменитаго Генриха-Льва.“ Хотя и поздно, приходилось Фридриху раскаиваться въ цѣломъ рядѣ сдѣланныхъ имъ ошибокъ. „Государственные люди, говоритъ онъ въ *Apologie de ma conduite politique*, не могутъ прозрѣвать въ будущее; то что толпа привыкла называть случаемъ, а философы называютъ основными причинами, ускользаетъ отъ ихъ разчетовъ. Разумъ нашъ руководится извѣстными правилами, между которыми на первомъ мѣстѣ стоятъ законные интересы государей и обязанности ихъ соблюдать союзные договоры, хотя этотъ послѣдній пунктъ еще подлежитъ отчасти сомнѣніямъ. Но по договорамъ Франція должна была выставить на помощь Венгерской королевѣ только 24.000 войскъ; съ королемъ же Польскимъ не было у нея никакого трактата и ничто не заставляло ее ратовать за его интересы. Правда, дофинъ былъ съ нимъ въ родствѣ, но Людовикъ XIV не задумался же вести войну съ герцогомъ Савойскимъ, зятемъ герцога Бургонскаго. Никогда родственныя связи не имѣли вліянія на политику государей: кто же могъ предвидѣть что слезы супруги дофина, клеветы Саксонскаго курфирста и лживые навѣты Вѣнскаго двора побудятъ Францію къ войнѣ совершенно противной ея интересамъ? Съ незапамятныхъ временъ находилась она въ соперничествѣ съ Австріей, шла совершенно другимъ путемъ, направляла свою политику такъ чтобы всегда имѣть на сѣверѣ сильнаго союзника который въ случаѣ нужды могъ бы сдѣлать диверсію въ ея пользу. Швеція служившая ей для этой цѣли

утратила свое могущество и свое вліяніе на континентальную Европу: оставалась слѣдовательно Пруссія. Кому же могла придти мысль что необъяснимое разстройство ума (un renversement d'esprit inexplicable) и прихоти какой-либо прелестницы побудятъ ее вдругъ измѣнить всю свою политическую систему.“ Какъ скоро Фридрихъ увидѣлъ однако опасность, у него тотчасъ же созрѣлъ планъ, который онъ и вознамѣрился исполнить съ обычною своею быстротой и рѣшительностью. Замѣчательно что Бехтѣевъ, хотя и не военный человѣкъ, очень вѣрно угадалъ его замыслы: „Поступокъ нынѣшній короля Прусскаго (вторженіе въ Саксонію), писалъ онъ Воронцову, поставляютъ за нечаянный и приписуютъ оный страху, въ который его привелъ Версальскій трактатъ и возстановленіе добраго согласія между Россіей и Франціей. Онъ изъ того заключилъ что сильнѣйшія въ Европѣ три державы соединились и принявъ общія мѣры конечно его атакуютъ. И понеже трудно бы было ему вдругъ ото всѣхъ обороняться, то не давая имъ времени согласиться принялъ онъ намѣреніе самъ начать войну которая по его чаянію была бы неминуема, но крайне опасна еслибъ онъ ее отложилъ; а атаковавъ всею силой императрицу-королеву думаетъ ея силы разорить, пока она можетъ получить помощь отъ Россіи и Франціи; потомъ обратиться противъ той изъ сихъ державъ которая прежде на него вооружится и надѣется такимъ образомъ по одной со всѣми тремя управиться.“ Новѣйшіе историки находятъ проницательность Бехтѣева изумительною, * изумительною тѣмъ болѣе что ею никакъ не могли похвалиться въ Вѣнѣ.

Австрійское правительство въ теченіе всей войны не переставало жаловаться на неспособность генераловъ командовавшихъ войсками союзныхъ ей державъ, но нельзя сказать чтобъ и ея собственные полководцы отличались замѣчательными талантами. Главное начальство надъ своею арміей ввѣрила Марія-Терезія брату императора Франца, принцу Карлу Лотарингскому, который участвовалъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство и потерпѣлъ въ ней одно за другимъ цѣлый рядъ пораженій — при Хотузицѣ, Гогенфрид-

---

* Ueber die Stellung Friedrichs II bildete sich Bechtejew eine Idee deren Präcision in Staunen setzt (Ranke, *Ursprung* и т. д., *Sämmt. Werke*, XXX, 196. прим.).

бергѣ, Соорѣ. Такой странный выборъ объяснялся развѣ тѣмъ соображеніемъ что человѣкъ котораго такъ часто били враги долженъ же былъ наконецъ научиться въ свою очередь поражать ихъ. Чтобъ облегчить ему эту задачу императоръ вручилъ ему записку въ которой необыкновенно тщательно постарался изложить все что̀, какъ казалось ему, составляло тайну военнаго искусства Фридриха: Прусскій король считался непобѣдимымъ только потому что недостаточно были изучены его пріемы, но теперь, когда послѣ долгаго опыта явилась возможность изслѣдовать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, стоило только сообразоваться съ ними чтобы погубить его. Пусть противники будутъ дѣйствовать такъ же какъ онъ, и все пойдетъ какъ нельзя лучше. Фридрихъ, напримѣръ, всегда старался напасть на главныя силы непріятеля: изъ этого слѣдуетъ что отъ самого принца Карла долженъ зависѣть выборъ времени и мѣста для рѣшительной битвы,—онъ можетъ принудить Прусскаго короля идти за собой куда захочетъ. Фридрихъ любилъ утомлять своихъ враговъ продолжительными передвиженіями, появлялся то тамъ, то здѣсь, стараясь скрыть свои настоящіе планы, но это отражалось невыгодно прежде всего на его собственныхъ войскахъ, подвергавшихся крайнему утомленію: очевидно что перевѣсъ будетъ на сторонѣ противника который не поддастся на эту уловку и сумѣетъ сберегать свои силы. Въ сраженіи Фридрихъ почти постоянно сосредоточивалъ главнѣйшія свои силы на одномъ крылѣ для рѣшительнаго натиска, тогда какъ другое служило ему лишь для обороны: надлежало поэтому съ самаго начала разбить слабое его крыло и потомъ обрушиться на другое. Много соображеній такого рода придумано было императоромъ Францемъ, но несостоятельность ихъ обнаружилась при первой же встрѣчѣ встрійцевъ съ Прусаками и одъ Прагой. Начать съ того что они никакъ не ожидали вторженія непріятеля въ Богемію: то что̀ удалось предугадать даже Бехтѣеву, казалось имъ невозможнымъ. Одинъ изъ лучшихъ генераловъ Маріи-Терезіи, Броунъ, полагалъ что Фридрихъ, занявъ Саксонію, постарается укрѣпиться въ ней и будетъ вести оборонительную войну: тѣмъ ужаснѣе было разочарованіе когда случилось противное. Самому Броуну пришлось выдержать первый натискъ Прусаковъ, двигавшихся къ Прагѣ. „Встрѣча моя съ нимъ была очень печальна, писалъ принцъ Карлъ. онъ

такъ упалъ духомъ, какъ будто не понималъ что происходило вокругъ него, говорилъ что лучше бы ему умереть чѣмъ дожить до такого несчастія и нѣсколько разъ принимался плакать; я всячески старался успокоить его, но безуспѣшно.“ Разгромъ которому подверглась австрійская армія подъ Прагой произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Вѣнѣ: и дворъ, и публика поражены были паническимъ страхомъ, готовы были одно время думать что все кончено, что едва началась война, какъ уже придется Австріи сложить оружіе. Что касается Франціи, то и она, какъ увидимъ, не только не затмила своихъ союзниковъ, но оставалась даже позади ихъ. А между тѣмъ и у нея не было недостатка въ военныхъ планахъ, придуманныхъ такъ искусно что они сулили повидимому несомнѣнныя побѣды; незадолго до выхода въ отставку д'Аржансона была выработана подъ его руководствомъ программа военныхъ дѣйствій, въ которой старались выставить всѣ ошибки, всѣ неудачи прежнихъ походовъ, съ тою цѣлью чтобы не могли они повториться. И все это не привело ни къ чему. „Нельзя не сознаться, говоритъ Бернисъ въ своихъ мемуарахъ, что наши главнокомандующіе какъ бы поставили себѣ задачей умышленно пренебрегать всѣми тѣми правилами которыя были начертаны при ихъ же участіи. Ни одна изъ предусмотрѣнныхъ ошибокъ не была избѣгнута, ни одно изъ данныхъ имъ указаній не было принято въ разчетъ; слѣдя за сухопутною нашею войной можно было подумать что Прусскій король подкупилъ насъ чтобы мы сами навлекали на себя несчастія, а что касается морской войны, то какъ будто министры Англійскаго короля распоряжались изъ Лондона дѣйствіями нашего флота съ явнымъ намѣреніемъ довести его до погибели...“

А между тѣмъ и въ Вѣнѣ, и въ Версали чрезвычайно сокрушались о русской арміи и еще прежде чѣмъ выступила она въ походъ дѣлали на ея счетъ мрачныя предсказанія. Основательны были они развѣ въ томъ отношеніи что отъ главнокомандующаго назначеннаго императрицей Елисаветой можно было ожидать такъ же мало какъ отъ Карла Лотарингскаго или принца Субиза, хотя въ походѣ 1757 года даже подъ его начальствомъ Русскіе одержали побѣду и не испытали ничего подобнаго тому позору которымъ покрыли себя Французы при Росбахѣ, а Австрійцы подъ Прагой и Лейтеномъ. Хотя гетманъ Разумовскій былъ врагъ графа С. Ѳ.

Апраксина, но онъ нисколько не преувеличилъ его недостатки замѣтивъ что главнѣйшими изъ нихъ были невѣжество и непомѣрное тщеславіе. * Такимъ именно представляется фельдмаршалъ и въ разказахъ другихъ современниковъ. Болотовъ былъ очевидцемъ выступленія его изъ Риги: „Отъ грома пушекъ, гремящихъ со стѣнъ городскихъ, говоритъ онъ, стенала рѣка, и выѣздъ сего полководца былъ самый пышный и великолѣпный. Наша бригада случилась тогда стоять на самой дорогѣ, гдѣ ему ѣхать надлежало, чего ради мы выведены были въ строй и должны были отдавать ему честь съ преклоненіемъ знаменъ, какъ равному повелителю. Ужасная свита всякаго рода военныхъ людей окружала его ѣдущаго. Зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было поразительно, ибо пышность сего шествія была такъ велика что иной государь не выѣзжаетъ на войну съ таковою. Но о! когда бы возвращеніе сего генерала въ сей городъ соотвѣтствовало сему величественному выѣзду...“ ** Неизвѣстно что̀ побудило императрицу Елисавету остановить свой выборъ на Апраксинѣ, но не подлежитъ сомнѣнію что сильная партія при дворѣ не возлагала на него никакихъ надеждъ и уже вскорѣ послѣ того какъ отправился онъ на войну, хлопотала о томъ чтобы смѣнить его. Мы имѣемъ тутъ въ виду переговоры съ принцемъ Конти: къ сожалѣнію, въ русскихъ документахъ почти ничего не встрѣчается о нихъ, а свѣдѣнія сообщаемыя иностранными писателями такъ недостаточны что пользоваться ими можно лишь съ помощью догадокъ. Повидимому самъ Конти, разочаровавшись

---

* Письмо К. Г. Разумовскаго къ вице-канцлеру. въ *Архивѣ князя Воронцова*, VI, 328.

** Въ послѣдствіи, во время отступленія Апраксина, походившаго на бѣгство, Болотовъ имѣлъ однажды случай явиться къ нему по дѣламъ службы. „Пришедъ къ фельдмаршалу, разказываетъ онъ, не могъ я внутренно не разсмѣяться тому что̀ тутъ увидѣлъ. Я нашелъ его въ преогромной, богато внутри украшенной и жаровнями и спиртами довольно нагрѣтой кибиткѣ, лежащаго на пуховикахъ на одной, а лейбъ-медика или доктора его на другой кровати. Но въ чемъ бы, вы думали, сей предводитель нашъ при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ упражнялся? Истинно стыдно сказать. Изволилъ слушать сказки отъ сидящаго въ головахъ у него за столикомъ гренадера, болтавшаго нелѣпый вздоръ во все горло.“ (*Жизнь и приключенія Болотова*, т. I, 598).

въ своихъ ожиданіяхъ что Людовикъ XV назначитъ его главнокомандующимъ французскою арміей, задумалъ предложить свои услуги императрицѣ Елисаветѣ; онъ не сомнѣвался въ успѣхахъ союзниковъ и разчитывалъ что самое вѣрное для него средство проложить себѣ путь къ Польскому престолу, это—одержать цѣлый рядъ побѣдъ надъ Фридрихомъ во главѣ русскихъ войскъ. Лопиталь въ то время еще не пріѣзжалъ въ Петербургъ; довѣреннымъ Французскаго правительства былъ Дугласъ, одинъ изъ ревностныхъ агентовъ принца, который, разумѣется, былъ радъ оказать услугу своему покровителю, но ему приходилось дѣйствовать очень осторожно, такъ какъ онъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ Людовика XV. Весьма вѣроятно однако что частнымъ образомъ онъ сообщилъ означенный планъ Воронцову, который сочувственно отнесся къ нему, и нельзя особенно винить за это вице-канцлера если вспомнимъ, напримѣръ, что намѣревалась же немного позднѣе Марія-Терезія поставить свои войска подъ начальство французскаго маршала д'Эстре. * При этомъ произошло такое затрудненіе: Дугласъ очевидно желалъ чтобы первый шагъ сдѣланъ былъ Русскимъ правительствомъ, ибо только такимъ образомъ можно было повліять на Людовика XV, а Воронцовъ настаивалъ чтобъ инициатива шла отъ короля. Для разъясненія этого вопроса отправили въ Парижъ пресловутаго кавалера д'Эона. Въ своихъ запискахъ онъ утверждаетъ будто поручено было ему предложить принцу Конти званіе главнокомандующаго русскими войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ корону герцогства Курляндскаго! Но незадолго предъ тѣмъ между Людовикомъ XV и принцемъ произошелъ разрывъ; узнавъ объ этомъ тотчасъ по прибытіи во Францію д'Эонъ обратился предварительно къ Терсье и объяснилъ ему что не осмѣливается начать дѣло такой важности не имѣя надлежащаго полномочія. Король, котораго Терсье не замедлилъ увѣдомить объ этомъ, отвѣчалъ запиской: „Такъ какъ г. д'Эонъ прибылъ къ принцу Конти съ порученіемъ отъ графа Воронцова, то пусть видится съ нимъ, но онъ долженъ представить отчетъ объ этомъ свиданіи.“ Принцъ употребилъ всѣ старанія чтобы заручиться содѣйствіемъ короля; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сряду не давалъ онъ ему покоя, посылалъ ему обширные мемуары и все-таки не

* *Arneth*, V, 351.

достигъ цѣли. Лудовикъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія примириться съ нимъ и относился очень холодно къ его интересамъ. „Если императрица Елисавета, писалъ онъ къ Терсье, дѣйствительно намѣрена назначить принца Конти главнокомандующимъ своею арміей и доставить ему герцогство Курляндское, то я очень этому радъ; но въ настоящее время участіе мое ограничится тѣмъ что я не буду противиться; согласіе же мое я дамъ не прежде какъ для окончательнаго рѣшенія дѣла остановка будетъ только за нимъ." Въ другой своей запискѣ онъ говорилъ: „Когда созрѣетъ у меня нравственное убѣжденіе что императрица предназначаетъ для принца Курляндію вмѣстѣ съ командованіемъ русскимъ войскомъ, то соглашусь на все чего онъ желаетъ: до тѣхъ же поръ мнѣ не хочется сдѣлать фальшивый шагъ, который причинитъ намъ болѣе вреда чѣмъ пользы." Д'Эону пришлось вернуться въ Петербургъ ни съ чѣмъ. *

Все это показываетъ какъ шатко было положеніе Апраксина еще когда не сдѣлалъ онъ ничего такого въ чемъ можно было бы прямо обвинять его, когда въ Петербургѣ сѣтовали только на медленность его движеній; но неожиданное и послѣшное отступленіе его послѣ выигранной имъ битвы при Гроссъ-Егерндорфѣ вызвало страшную бурю. Никто не хотѣлъ объяснять образъ дѣйствій главнокомандующаго крайнею его неспособностью; непремѣнно хотѣли видѣть въ немъ если не главнаго двигателя, то орудіе политической интриги: дружба его съ Бестужевымъ, близость его къ молодому двору давали поводъ къ догадкамъ что онъ умышленно уклонился отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Пруссаковъ изъ боязни что въ случаѣ кончины императрицы ни наслѣдникъ ея, ни Екатерина не простятъ ему его успѣховъ. Напрасно Бестужевъ рѣзче чѣмъ кто-нибудь порицалъ фельдмаршала: „Это мой другъ, говорилъ онъ, но еслибъ онъ былъ моимъ роднымъ братомъ, я не переставалъ бы повторять что онъ заслуживаетъ самаго тяжкаго наказанія" **; заявленія такого рода нисколько не помогали канцлеру, точно такъ же какъ не помогло ему и то что въ послѣдствіи найдены были письма изъ которыхъ дѣйствительно оказалось что онъ самымъ настойчивымъ образомъ убѣждалъ

---

* *Vandal*, 303—309.

** Донесеніе Лопиталя у Вандала, 322.

его идти впередъ. Сильная своимъ вліяніемъ партія непремѣнно хотѣла раздуть дѣло. не потому чтобъ ей особенно былъ ненавистенъ Апраксинъ. а потому что вмѣстѣ съ Апраксинымъ надѣялась она погубить и государственнаго человѣка котораго такъ долго преслѣдовала своею непримиримою ненавистью. Сначала былъ вызванъ и подвергся аресту главнокомандующій. затѣмъ такая же участь постигла и канцлера. Вопросъ о томъ кто нанесъ ему рѣшительный ударъ остается и до сихъ поръ не разъясненнымъ. Одни приписывали эту роль французскому послу Лопиталю, который явился будто бы къ Воронцову съ угрозами и побудилъ его дѣйствовать энергически. но Лопиталь не преминулъ бы конечно похвалиться своимъ поступкомъ въ донесеніяхъ своему правительству, а въ послѣднее время два писателя имѣвшіе въ своихъ рукахъ эти донесенія не нашли въ нихъ ничего подобнаго. „Французскій посланникъ. говоритъ Вандаль не принималъ ни малѣйшаго участія въ паденіи нашего злѣйшаго врага.“ То же подтверждаетъ и Дарестъ. По словамъ его. министръ иностранныхъ дѣлъ аббатъ Бернисъ постоянно совѣтывалъ даже послу не выказывать враждебныхъ чувствъ къ Бестужеву, потому что обстоятельства могутъ измѣниться: „Министръ, стоящій повидимому даже на краю пропасти, можетъ вдругъ сдѣлаться могущественнымъ болѣе чѣмъ когда-нибудь и настоящій дипломатъ отворачивается отъ государственнаго человѣка занимающаго важный постъ не прежде какъ на другой день послѣ постигшей его опалы“ (au lendemain révolu de sa disgrace). Лопиталь не очень слѣдовалъ этимъ совѣтамъ. ибо находясь на мѣстѣ зналъ что никогда Бестужевъ не будетъ пользоваться расположеніемъ имлератрицы. но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ компрометтировать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ шагомъ. „Несомнѣнно. говоритъ г. Дарестъ. что посолъ нашъ былъ болѣе или менѣе посвященъ Воронцовымъ въ тайну заговора, но корреспонденція его не проливаетъ никакого особеннаго свѣта на это событіе. Онъ зналъ вѣроятно только то что̀ считалъ возможнымъ сообщить ему.“ Чрезъ нѣсколько времени послѣ разыгравшейся драмы онъ поспѣшилъ извѣстить будто бы лично ему угрожала великая опасность. будто Бестужевъ имѣлъ твердое намѣреніе погубить его и графа Эстергази: „Канцлеръ, писалъ онъ. изложилъ письменно свои намѣренія относительно насъ. и планъ этотъ найденъ въ его

бумагахъ; все это вполнѣ вѣрно. какъ сообщилъ мнѣ самъ Воронцовъ." Извѣстіе любопытное въ томъ отношеніи что оно показываетъ къ какимъ средствамъ прибѣгала враждебная Бестужеву партія съ цѣлью подѣйствовать на пустыхъ и довѣрчивыхъ людей въ родѣ маркиза Лопиталя! Многіе приписывали дѣятельное участіе въ низверженіи Бестужева графу Эстергази. и конечно это гораздо правдоподобнѣе чѣмъ предположеніе относительно его товарища, французскаго посла, но любопытно что Эстергази принадлежалъ къ числу тѣхъ которые положительно отрицали будто Апраксинъ руководился политическими разчетами, отступивъ за Нѣманъ послѣ Гроссъ-Егерндорфской битвы и дѣйствовалъ по тайному соглашенію съ канцлеромъ. Онъ откровенно доносилъ объ этомъ въ депешѣ своей Кауницу. * Тѣмъ не менѣе Эстергази слишкомъ ненавидѣлъ Бестужева чтобы не желать его погибели,—не даромъ, какъ имѣли мы случай упоминать выше, встрѣчался онъ безпрерывно съ его противодѣйствіемъ въ стараніяхъ своихъ устроить дѣла такъ чтобъ интересы Россіи принесены были въ жертву интересамъ Австріи. Никакого случая не упускалъ онъ чтобы вредить ему во мнѣніи Елисаветы. Однажды, не задолго до катастрофы, замѣтилъ онъ ей смѣясь что еслибы канцлеръ былъ уволенъ въ отставку съ пожизненною пенсіей, то какъ бы ни была громадна эта пенсія, все-таки государство осталось бы съ барышемъ. Кауницъ впрочемъ далеко не раздѣлялъ антипатіи графа Эстергази. Если и ему былъ непріятенъ Бестужевъ, по той причинѣ что нельзя было ожидать отъ него такой податливости какъ отъ Воронцова, то онъ отдавалъ справедливость обширнымъ его государственнымъ способностямъ и не могъ не понимать какъ полезно было присутствіе такого человѣка въ совѣтахъ Русской императрицы. Осенью 1757 года французскій посолъ въ Вѣнѣ Стенвиль (въ послѣдствіи извѣстный министръ герцогъ Шуазёль) обратился къ Кауницу съ формальнымъ предложеніемъ чтобы Марія-Терезія и Людовикъ XV въ собственноручныхъ письмахъ убѣждали Елисавету удалить Бестужева. Мы имѣемъ свѣдѣнія

---

* „....dass der erfolgte Rückmarsch unmittelbar aus einer mit der grossfürstlichen Herrschafft und dem Grosskanzler habenden *Intrigue* herrühre hiezu ist nicht die geringste Vermuthung vorhanden." *Arneth*, V, 519.

о томъ кто навелъ Французское правительство на эту мысль: изъ депеши аббата Берниса, сообщенной г. Дарстомъ, видно что 14 ноября 1757 года посолъ нашъ графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ, въ сопровожденіи Бехтѣева, посѣтилъ этого министра; онъ положительно обвинялъ Апраксина въ измѣнѣ и утверждалъ что было бы очень полезно еслибы Версальскій дворъ обратилъ вниманіе императрицы Елисаветы на его происки, „указавъ ей какой ущербъ происходитъ отъ того для славы ея оружія и какъ вредно это отзывается на общемъ дѣлѣ". Хотя посолъ не упомянулъ о своемъ братѣ, но такъ какъ всѣмъ извѣстна была его глубокая къ нему ненависть, то не трудно было догадаться что не только Апраксина, но главнымъ образомъ канцлера имѣлъ онъ въ виду. Кауницъ рѣшительно возсталъ однако противъ сдѣланнаго ему предложенія, ибо, какъ выразился онъ, Бестужевъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣетъ одно огромное достоинство: онъ заклятой врагъ Прусскаго короля, и никто при Русскомъ дворѣ не сдѣлалъ такъ много для общаго дѣла какъ онъ. Позднѣе писалъ онъ графу Эстергази что никогда не слѣдуетъ забывать что Бестужевъ былъ главнымъ виновникомъ тѣснаго союза Австріи съ Россіей, онъ съ самаго начала противодѣйствовалъ опаснымъ замысламъ Фридриха, и еще недавно, послѣ битвы при Прагѣ, выказалъ необыкновенную твердость духа. * Объясненіе послѣдняго намека мы находимъ у Прассе: по словамъ его, когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о пораженіи Австрійцевъ подъ Прагой, всѣ члены конференціи совершенно растерялись и доказывали что Россіи, которой угрожаетъ опасность лишиться самаго надежнаго своего союзника, слѣдовало бы не начинать войны съ Пруссіей: только одинъ Бестужевъ имѣлъ мужество возстать противъ этого. Не встрѣчая поддержки ни въ комъ, и всего менѣе въ Воронцовѣ, который или отдѣлывался молчаніемъ, или высказывалъ мнѣнія обнаруживавшія крайнюю нерѣшительность, онъ настоялъ предъ императрицей чтобы немедленно отправленъ былъ циркуляръ ко всѣмъ представителямъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ Русское правительство заявляло что исполнитъ принятыя имъ на себя обязательства даже въ томъ случаѣ еслибъ ему одному пришлось бороться съ Прусскимъ

---

* *Arneth*, V, 283.

королемъ. * Показанія эти кажутся намъ очень важными: все что̀ мы знаемъ о мнимой неблагонадежности Бестужева. о зловредныхъ сношеніяхъ его съ Англіей. объ угодливости его молодому двору, основано главнымъ образомъ на разказахъ иностранныхъ дипломатовъ находившихся тогда въ Петербургѣ. но между этими дипломатами первое мѣсто принадлежало конечно Эстергази; и по своему положенію. и по своимъ способностямъ онъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ: онъ ненавидѣлъ Бестужева. слѣдилъ конечно за каждымъ его шагомъ и сообщалъ Кауницу подробныя о немъ свѣдѣнія. И что̀ же? Мы видимъ что Кауницъ до послѣдней минуты ставитъ въ заслугу русскому канцлеру никогда не измѣнявшуюся его политику относительно Пруссіи и энергическій его образъ дѣйствій въ то время когда Бестужеву, еслибы дѣйствительно не хотѣлъ онъ войны. стоило бы только присоединиться къ настроенію вдругъ овладѣвшему конференціей.

„Мнѣніе будто Вѣнскій дворъ ревностно способствовалъ низверженію перваго министра императрицы Елисаветы. говоритъ Арнетъ, должно считать, кажется, вполнѣ ошибочнымъ. Въ Вѣнѣ не могли слишкомъ желать этого уже потому что были озабочены, кто будетъ его преемникомъ. Вицеканцлеръ Воронцовъ не могъ выдержать никакого съ нимъ сравненія. Даже Эстергази, очень расположенный къ нему, считалъ его человѣкомъ ограниченнаго ума, слабаго характера, черезчуръ самолюбивымъ и относившимся подозрительно къ совѣтамъ болѣе проницательныхъ людей.“ Такимъ образомъ, если вѣрить Арнету съ одной стороны, Вандалю и Даресту съ другой, то и Австрія. и Франція были ни при чемъ въ той участи которая постигла русскаго канцлера. Кто же былъ главнымъ орудіемъ его паденія? Придворныя интриги такъ запутаны и такъ неуловимы что никогда не удастся конечно дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Бестужева арестовали не потому чтобъ имѣли доказательства какой-либо его вины. а потому что надѣялись найти ихъ въ захваченныхъ у него бумагахъ. „Что̀ это у васъ за новости? спросила Екатерина князя Никиту Трубецкаго: нашли ли вы больше преступленій чѣмъ преступниковъ. или у васъ больше преступниковъ чѣмъ преступленій?“

---

* Herrmann. *Sächsisch-polnische Beziehungen.* 569.

„Мы сдѣлали то что намъ приказано, отвѣчалъ тотъ:— преступленія еще отыскиваютъ и до сихъ поръ неудачно.“ Съ такимъ же вопросомъ обратилась великая княгиня къ фельдмаршалу Бутурлину, который вмѣстѣ съ Трубецкимъ и графомъ Александромъ Шуваловымъ долженъ былъ быть судьей бывшаго канцлера. „Бестужевъ арестованъ, сказалъ онъ ей, а теперь мы ищемъ причины за что его арестовали.“ Поиски оказались неудачны. Они доказали только что Бестужевъ былъ въ сношеніяхъ съ Екатериной, что чрезъ него писала она фельдмаршалу Апраксину, но ни въ упомянутыхъ сношеніяхъ, насколько они обнаружились, ни въ найденныхъ письмахъ не заключалось ничего такого что могло бы служить явною противъ него уликой. Враги его основательно подозрѣвали что между нимъ и великою княгиней дѣло должно было идти главнымъ образомъ о мѣрахъ на случай смерти императрицы, но какъ было вывести это наружу, какъ обвинить его въ томъ въ чемъ они сами были отнюдь не безгрѣшнѣе его? Вопросъ о бѣдствіяхъ ожидавшихъ Россію по кончинѣ Елисаветы, бѣдствіяхъ неизбѣжныхъ какъ скоро власть перешла бы къ наслѣднику престола, ненавидѣвшему и презиравшему страну которою предназначено было ему управлять, одинаково тревожилъ всѣхъ. Прассе разказываетъ * что въ іюлѣ 1757 года приступлено было къ сформированію тридцатитысячнаго корпуса для пополненія войскъ которыми командовалъ Апраксинъ, и Петръ Шуваловъ употреблялъ всѣ старанія чтобъ этотъ корпусъ порученъ былъ ему, но такъ какъ въ то же время онъ не хотѣлъ уѣзжать и изъ Петербурга, то домогался чтобы по крайней мѣрѣ генералъ который стоялъ бы во главѣ этого отряда повиновался его распоряженіямъ. Не трудно было понять что побуждало Шувалова выступить съ такимъ страннымъ требованіемъ. „Извѣстно, говоритъ Прассе, что фамилія Шуваловыхъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ молодымъ дворомъ, а потому и фельдцейхмейстеръ (Петръ Шуваловъ) и его родственники знаютъ чего слѣдуетъ ожидать имъ въ случаѣ перемѣны престола. Ему хотѣлось бы получить командованіе корпусомъ для того чтобы въ рѣшительную минуту играть видную роль и заставить новое правительство

* См. упомянутую выше статью Германа въ *Preuss. Jahrbücher* XLVII. 580—581.

принять условія которыя будутъ выставлены имъ". Позднѣе, уже по низверженіи Бестужева, извѣстная партія при дворѣ упорствовала въ своихъ замыслахъ. Екатерина разказываетъ, что Шуваловы намѣревались, по смерти императрицы, выслать и ее, и Петра Ѳеодоровича за границу, учредивъ, за малолѣтствомъ Павла, временное правленіе, въ которомъ видное мѣсто принадлежало бы, конечно, Воронцову. Въ письмѣ этого послѣдняго къ И. И. Шувалову ** содержится довольно ясный намекъ на упомянутый планъ. Говоря о болѣзненномъ состояніи Елисаветы—это было за мѣсяцъ до ея кончины—и объ удручавшихъ его самого недугахъ, онъ восклицаетъ: „Въ такомъ горестномъ состояніи будучи, не крайняя ли бы глупость была принять на себя такое бремя котораго новость одна меня въ ужасъ приводитъ?"

Хотя не оказалось никакихъ сколько-нибудь основательныхъ уликъ противъ Бестужева, но участь его была рѣшена уже заранѣе. Лопиталь доносилъ *** будто императрица сказала ему: „Какъ жаль что бѣдный мой другъ Шетарди умеръ, онъ очень порадовался бы узнавъ объ участи канцлера". Если слова эти были дѣйствительно произнесены, если Елисавета съ участіемъ вспомнила о человѣкѣ который былъ личнымъ ея оскорбителемъ и старался причинить всевозможное зло Россіи, то уже одно это показываетъ какъ умѣли ее настроить противъ министра который болѣе чѣмъ кто-нибудь прославилъ ея царствованіе. Слѣдственная коммиссія не постыдилась признать Бестужева достойнымъ смертной казни, но на основаніи окончательнаго приговора онъ былъ сосланъ на житье въ одну изъ принадлежавшихъ ему деревень, гдѣ долженъ былъ находиться подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Въ бумагахъ Екатерины есть замѣтка которая очевидно относится къ бывшему канцлеру. „Виданъ ли, сказано въ ней, болѣе варварскій и достойный Турокъ способъ дѣйствовать какъ тотъ который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія? Если вы найдете человѣка виновнымъ, то что сдѣлаете? Онъ уже наказанъ, и развѣ вы будете столь жестоки чтобы наказать его дважды? А если онъ невиненъ, чѣмъ поправите ви-

---

* *Русскій Архивъ*, 1863, 506—507 первое изданіе.

** *Архивъ князя Воронцова*. VI. 313.

*** *Vandal*. 324.

несправедливость его арестованія, лишенія всѣхъ почестей, званій и пр., хотя онъ не былъ ни въ чемъ виновенъ? Вы дѣлаетесь презрительными поступая такъ легкомысленно. Когда вы пожертвуете человѣкомъ изъ стыда признаться что ошиблись, то тѣмъ увеличите вашъ проступокъ предъ Богомъ и людьми. Когда бы со мной случилось такое несчастіе, то я, не колеблясь, принесла бы въ жертву справедливости ощущаемый мною стыдъ: я исправила бы нанесенное мною зло со всѣмъ великодушіемъ, на какое способна." *

Такова была судьба человѣка который по справедливости могъ считаться однимъ изъ наиболѣе мудрыхъ и энергическихъ представителей національной политики въ Россіи. Именно потому что онъ вѣрно служилъ ея интересамъ, возбуждалъ онъ противъ себя непримиримую вражду. Можно положительно сказать что никогда и никого не ненавидѣлъ Фридрихъ такъ сильно какъ Бестужева. Паденіе его привѣтствовано было съ восторгомъ за границей. Радовались во Франціи **, радовались повсюду, гдѣ слѣдовали правилу— требовать отъ Россіи жертвъ, но не предоставлять ей выгодъ. Все это было въ порядкѣ вещей. Удивительно только что въ Петербургѣ не было недостатка въ людяхъ которые еще съ большею запальчивостью говорили то же самое что̀ наши мнимые друзья и явные враги.

XI.

Не имѣя въ виду излагать подробно событія Семилѣтней Войны, мы ограничимся здѣсь лишь очеркомъ отношеній которыя существовали между государствами соединившимися для общаго предпріятія. Повидимому, все предвѣщало имъ успѣхъ, а между тѣмъ успѣха не было. Чрезвычайныя усилія напрягали они чтобы сломить общаго врага и не могли достигнуть этого до тѣхъ поръ пока обстоятельства вдругъ приняли благопріятный для него оборотъ. Самъ Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ указалъ на причины неудачнаго образа

---

* *Сборн. Русс. Истор. Общ.*, VII, 89. (Бумаги Екатерины, изд. Пекарскимъ.)

** „L'événement de Russie peut sauver la patrie", писалъ Бернисъ (*Vandal*, 324).

дѣйствій союзниковъ. Главнѣйшая изъ нихъ, по его мнѣнію, заключалась въ томъ что они не могли придать надлежащаго единства своимъ военнымъ операціямъ, а отвѣтственность за это лежала преимущественно на Австріи: „Чрезчуръ утонченная и хитрая политика Вѣнскаго двора, говоритъ король, состояла въ томъ чтобы самыя трудныя и рискованныя предпріятія возлагать на другихъ, съ цѣлью сберечь къ концу войны свою армію въ возможно лучшемъ состояніи; вслѣдствіе того, неоднократно австрійскіе генералы, изъ излишней осторожности, не отваживались нанести рѣшительный ударъ Прусакамъ“. Это до такой степени справедливо что изъ новѣйшихъ историковъ Арнетъ, никогда не упускающій случая выставить на видъ все что можетъ служить къ возвеличенію Маріи-Терезіи и ея полководцевъ, вынужденъ не разъ соглашаться что Русскіе имѣли законное основаніе негодовать на Дауна, который послѣ принца Карла Лотарингскаго, окончательно обнаружившаго свою крайнюю неспособность, принялъ начальство надъ австрійскою арміей. Въ военномъ отношеніи Австрія не имѣла права гордиться ничѣмъ, но за то въ отношеніи политическомъ выказывала она необыкновенное искусство: надо было удивляться изворотливости и ловкости съ которыми Кауницъ не давалъ распасться коалиціи и направлялъ ее къ такимъ цѣлямъ которыя повидимому должны были принести выгоды главнымъ образомъ Вѣнскому двору.

Менѣе всего затрудненій представляла ему Россія. Правительство императрицы Елисаветы приступило къ войнѣ съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея необходимости и никогда не подавало ни малѣйшаго повода подозрѣвать что успѣхъ общаго дѣла готово оно принести въ жертву какимъ-либо корыстнымъ стремленіямъ. „Мы не разъ объявляли, говорило оно, что искренностью хотимъ превосходить и убѣждать нашихъ союзниковъ, хотябъ они предъ нами и нѣсколько виноваты были“. Для кампаніи 1760 года Салтыковъ составилъ планъ разчитанный прежде всего на то чтобъ укрѣпить за Россіей уже сдѣланныя ею пріобрѣтенія. „Еслибы нынѣшнюю войну съ королемъ Прусскимъ вели мы одни, извѣщали его изъ Петербурга, и еслибы дѣло состояло только въ томъ чтобъ удержать за нами Пруссію въ тѣхъ границахъ въ какихъ мы теперь ею владѣемъ, то не было бы почти нужды заботиться о планахъ операцій; но такъ какъ

мы ведемъ войну въ союзѣ съ императрицей-королевой, и дѣло идетъ о томъ чтобъ исполнить наши обязательства, исполнить то что мы многократно обѣщали торжественными объявленіями и не показать меньшаго усердія тогда когда война приходитъ къ концу и когда должны мы ожидать признательности союзниковъ и всей Европы за доставляемую ей тишину и безопасность, то нельзя начертать планъ военныхъ дѣйствій иначе какъ съ согласія императрицы-королевы". Салтыковъ же доносилъ однажды что необходимо было бы расположить австрійскій корпусъ подъ начальствомъ Лаудона около Познани и по Вартѣ, что это было бы выгодно въ военномъ отношеніи, а также сдѣлало бы болѣе безопаснымъ положеніе русскихъ войскъ. „Въ реляціи вашей, сказано было по этому поводу въ рескриптѣ императрицы главнокомандующему, конечно канцелярскою ошибкой вкралось неосторожное выраженіе, а именно упомянуто что пребываніемъ Лаудона въ означенныхъ мѣстахъ армія наша прикроется съ силезской и бранденбургской стороны; такое *своекорыстное* и союзникамъ нашимъ крайне обидное объясненіе очень далеко отъ *нѣжности нашихъ сентиментовъ*...." * Какъ все это было неизмѣримо далеко отъ тѣхъ правилъ которыхъ держался, напримѣръ, Фридрихъ Великій, когда въ началѣ сороковыхъ годовъ находился въ союзѣ съ Франціей и Саксоніей! Русское правительство дѣйствовало не только вполнѣ честно, но и со значительнымъ успѣхомъ. Конечно, далеко не оправдались предсказанія Воронцова и Шуваловыхъ что какъ скоро исчезнетъ изъ правительственныхъ сферъ злой геній воплощавшійся въ лицѣ Бестужева, то ничто уже не будетъ задерживать побѣды русскаго оружія. Ни одинъ изъ быстро смѣнявшихся главнокомандующихъ—ни Ферморъ, ни Салтыковъ, ни Бутурлинъ—не стояли на высотѣ предназначенной для нихъ роли. С. М. Соловьевъ какъ нельзя болѣе вѣрно характеризовалъ ихъ: „Они или медленно, на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи, встрѣтятъ непріятеля, выдержатъ его натискъ, отобьются, а иногда послѣ сраженія увидятъ что одержали великую побѣду, въ духъ разбили врага, но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности

---

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXIV, 269, 273, 307.

къ почину; они не сдѣлаютъ ни шагу чтобы воспользоваться побѣдой, окончательно добить непріятеля. попрежнему ждутъ указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій... Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній; война производилась первобытнымъ способомъ; войско входило въ непріятельскую землю, дралось со встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ". Тѣмъ не менѣе Русскимъ не приходилось внести въ свою военную лѣтопись ни одного изъ такихъ бѣдствій которыя преслѣдовали Австрійцевъ и Французовъ: даже Цорндорфская битва отнюдь не была пораженіемъ. Войска наши заняли провинцію Пруссію и не выпускали ее изъ своихъ рукъ Но особенно дорожилъ Вѣнскій дворъ тѣмъ непреклоннымъ упорствомъ которое, не смущаясь никакими неудачами, обнаруживало Русское правительство въ преслѣдованіи задуманной цѣли. Въ этомъ отношеніи не могло у него быть болѣе вѣрнаго и надежнаго союзника. „Я не скоро рѣшаюсь на что-нибудь, говорила императрица Елисавета графу Эстергази, но если уже разъ рѣшилась, то не измѣню моего намѣренія; я буду вмѣстѣ съ союзниками продолжать войну если-бы даже принуждена была продать половину моихъ платьевъ и брилліантовъ".

Другое дѣло Франція. Послѣ того какъ эта держава совершенно подчинилась австрійской политикѣ, Кауницъ былъ очень озабоченъ тѣмъ чтобъ она не измѣняла своихъ намѣреній; необходимо было для этого чтобы Людовикъ XV поручилъ завѣдываніе иностранными дѣлами человѣку на котораго можно было бы вполнѣ разчитывать. Кто же былъ пригоднѣе для подобной роли какъ не аббатъ Бернисъ? Онъ выказалъ столько податливости при заключеніи союзныхъ договоровъ 1756 и 1757 годовъ что Вѣнскій дворъ не имѣлъ повидимому причинъ и на будущее время опасаться противодѣйствія съ его стороны. „И сама Франція и ея союзники, писалъ Кауницъ Штарембергу, нуждаются для великаго предпріятія въ великомъ человѣкѣ, и Бернисъ, какъ кажется мнѣ, обладаетъ всѣми его свойствами." Бернисъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но не прошло много времени какъ въ Вѣнѣ совершенно разочаровались на его счетъ. Очевидно, Французское правительство, начиная войну съ Пруссіей, не имѣло въ виду ни ея продолжительности, ни тѣхъ громадныхъ пожертвованій которыя эта война

потребуетъ; оно не предполагало что Фридрихъ будетъ въ состояніи долго бороться съ образовавшеюся противъ него могущественною коалиціей, но уже первый несчастный походъ долженъ былъ открыть ему глаза. Пораженіе Субиза при Росбахѣ, неудачный образъ дѣйствій Ришельё противъ герцога Кумберландскаго, увѣнчавшійся Клостеръ-Севенскою капитуляціей,—все это въ связи съ крайне печальными извѣстіями съ театра войны на морѣ производило удручающее впечатлѣніе на французское общество. Кромѣ позора и истощенія матеріальныхъ средствъ страны, не видѣло оно ничего впереди. Какъ презрительно ни относились современники къ аббату Бернису — въ парижскихъ салонахъ упрочилось за нимъ прозвище Babet la bouquetière, данное ему Вольтеромъ—нужно однако сказать къ его чести что испуганный событіями, съ которыми не по силамъ было ему справиться, онъ не счелъ возможнымъ идти покорно за гжой Помпадуръ и ея друзьями только для того чтобы сохранить свое положеніе при дворѣ. Война продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а уже „великій человѣкъ“ заговорилъ о мирѣ, настаивая на необходимости заключить его какъ можно скорѣе. Въ январѣ 1758 года писалъ онъ французскому послу въ Вѣнѣ: „Я вижу что въ теченіе какихъ-нибудь десяти или двѣнадцати дней Вѣнскій дворъ потерялъ три четверти своихъ войскъ и офицеровъ; Русская императрица больна, и при извѣстной слабости ея характера можно ли ожидать что она будетъ противиться совѣтамъ канцлера (въ это время Бестужевъ еще не подвергся опалѣ), котораго Англичане постараются закупить громадными подарками? Кто же останется на сценѣ? Императрица Марія-Терезія безъ войска и Французы,—эти послѣдніе въ тискахъ между Прусскимъ королемъ и Ганноверцами, безъ припасовъ, безъ генераловъ и безъ дисциплины; какъ скоро Англичане, занявъ Нидерланды, принудятъ Голландію присоединиться къ нимъ, мы должны будемъ вернуться домой, если только голодъ и крайнее разстройство не вытѣснятъ насъ еще прежде изъ Германіи. И нечего разчитывать что произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ этомъ положеніи дѣлъ, ибо и въ Вѣнѣ и въ Версали завѣдуютъ войной люди никогда не умѣвшіе вести ее. Морскія наши силы почти уничтожены; съ этой стороны тоже нечего намъ ожидать ни славы, ни вознагражденія. Вотъ почему, мнѣ кажется, лучше всего заключить миръ, предложивъ для этого

тотчасъ же перемиріе на сушѣ и на морѣ.“ Хуже всего что даже Штарембергъ высказывался въ томъ же смыслѣ. По его мнѣнію, на Францію нельзя было возлагать никакихъ надеждъ. „Здѣсь, писалъ онъ изъ Парижа, на первомъ планѣ интриги, происки и личные интересы; дѣла первостепенной важности рѣшаются съ непостижимымъ легкомыслiемъ, а пустякамъ придается, напротивъ, громадное значеніе. Правительство мѣняетъ планы со дня на день; вмѣсто дѣла слышишь только пышныя, но въ сущности ничего не значащія фразы; всякій старается вмѣшиваться въ то что вовсе до него не касается и не исполняетъ надлежащимъ образомъ своихъ прямыхъ обязанностей; даже люди которые видятъ зло не заботятся, какъ бы слѣдовало, объ его устраненіи. Несомнѣнно поэтому что Франція не можетъ оказать намъ дѣйствительной помощи, а такъ какъ безъ нея вести войну трудно, то скорое заключеніе мира было бы для насъ самымъ желаннымъ событіемъ.“

Картина начертанная Штарембергомъ не представляла ничего новаго для Австрійскаго правительства. Оно знало что можетъ разчитывать только на Россію („unsere einzige Hülfsquelle liegt in Rusland,“ писалъ Кауницъ въ мартѣ 1758 года), но не хотѣло выпускать изъ своихъ рукъ и Францію, ибо не останавливалось даже на мысли о прекращеніи войны до тѣхъ поръ пока не будутъ достигнуты положительные результаты. „Великій человѣкъ“, какимъ считалъ Кауницъ аббата Берниса, вдругъ превратился въ человѣка ничтожнаго и совершенно непригоднаго для возложенной на него задачи. Вѣнскій дворъ позаботился низвергнуть его, и въ этомъ случаѣ гжа Помпадуръ опять-таки оказала ему услугу. Она не прощала своему любимцу то въ чемъ видѣла черную неблагодарность съ его стороны. „Аббатъ, писала она въ Вѣну, слишкомъ поддается фантазіямъ публики и желанію нравиться ей; со временемъ онъ самъ убѣдится какъ ненадежна эта популярность; жаль что у него на первомъ планѣ его собственная особа, ибо помимо этого онъ обладаетъ всѣми задатками великаго министра.“ Бернисъ получалъ кардинальскую шапку, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся опалѣ, потому что ему приказано было выѣхать изъ Парижа. Такъ какъ увольненіе его произошло въ угоду Вѣнскому двору, то очень понятно что мѣсто его занялъ человѣкъ который уже нѣсколько лѣтъ состоялъ посломъ при этомъ дворѣ, пользовался

личнымъ расположеніемъ Маріи-Терезіи и считался приверженцемъ союза съ Австріей, а именно графъ Стенвилль, получившій затѣмъ громкую извѣстность подъ именемъ герцога Шуазёля.

Если императрица-королева и Кауницъ полагали что въ новомъ министрѣ найдутъ твердую опору, то, какъ увидимъ далѣе, это было большимъ заблужденіемъ съ ихъ стороны. Шуазёль много превосходилъ Берниса и способностями и умомъ, но умомъ скорѣе блестящимъ чѣмъ такимъ который въ состояніи создать что-либо прочное; Франція давно уже измѣнила старинnымъ преданіямъ своей политики, и не ему было направить ее на вѣрный путь; этому препятствовалъ и его характеръ, легко поддававшійся впечатлѣніямъ, заставлявшій его переходить отъ одной крайности къ другой. На первыхъ порахъ онъ видимо былъ смущенъ важною отвѣтственностью лежавшею на немъ и хотя утверждалъ что не будетъ слѣдовать примѣру своего предшественника, постарается сообщить энергическое направленіе войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ Вѣнскому двору что несправедливо было бы обращаться ко Франціи съ чрезмѣрными требованіями. Походы противъ Фридриха оказывались неудачны, но по окончаніи каждаго изъ нихъ Марія-Терезія настоятельно требовала отъ своихъ союзниковъ чтобъ они упорствовали въ борьбѣ: до какихъ же поръ, спрашивалъ Шуазёль, должно это продолжаться? Не можетъ же война длиться вѣчно? По его словамъ слѣдовало бы постановить для нея болѣе скромныя цѣли чѣмъ тѣ съ которыми была она предпринята, а для этого необходимо было пересмотрѣть трактаты связывавшіе Францію съ Австріей; измѣненіе ихъ необходимо еще потому что, заключивъ договоры 1756 и 1757 годовъ, Версальскій дворъ принялъ на себя такія обязательства обременительность коихъ сознавалъ съ каждымъ днемъ, ибо какъ бы ни были обширны его средства, очевидно не хватало ихъ для того чтобъ одновременно — и на морѣ, и на сушѣ—вести двѣ войны, требовавшія громадныхъ расходовъ.

Австрійское правительство обнаружило, повидимому, полную готовность удовлетворить желаніямъ Франціи. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1758 года подписаны были два трактата,—одинъ, который положено было сообщить союзникамъ, другой, долженствовавшій оставаться въ глубокой тайнѣ, и обнародованный лишь въ недавнее время. Наиболѣе

существенное значеніе имѣлъ впрочемъ первый изъ нихъ. Договоры о которыхъ идетъ рѣчь служатъ новымъ доказательствомъ какое поразительное ослѣпленіе овладѣло государственными людьми Франціи, какъ легкомысленно относились они къ интересамъ своей страны даже когда повидимому намѣрены были отстаивать ихъ! Нѣтъ никакой возможности объяснять ихъ образъ дѣйствій иначе какъ интригой, главныя нити коей сосредоточивались въ рукахъ гжи Помпадуръ. Мы видимъ что Французское правительство не обязывалось уже какъ прежде не прекращать войны до тѣхъ поръ пока императрица-королева возстановитъ свои права на Силезію и графство Глацъ; оно ограничивалось лишь тѣмъ что обѣщало, когда откроются конференціи о мирѣ, „употребить всевозможныя старанія“ чтобъ упомянутыя области были возвращены Маріи-Терезіи. Вотъ, казалось бы, важная перемѣна; но какою же цѣной была достигнута она? Объ уступкѣ Нидерландовъ инфанту донъ-Филиппу не было уже и рѣчи; вмѣсто Нидерландовъ, которые составляли предметъ страстныхъ его желаній, онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ что дочь его вступитъ въ бракъ съ наслѣдникомъ Австрійскаго престола и будущимъ германскимъ императоромъ. Въ означенной провинціи предназначены были для Франціи, по договору 1757 года, крѣпости Остенде и Ньюпоръ, но новый трактатъ гласилъ что Людовикъ XV будетъ занимать ихъ своими войсками лишь на время войны; по окончаніи же ея, и даже прежде, когда особенно важныя причины потребовали бы этого, возвратитъ ихъ Австріи. Затѣмъ, какъ извѣстно, Людовика склонили къ войнѣ обѣщаніемъ доставить Польскій престолъ принцу Конти: и отъ этого пришлось ему отказаться; трактатъ 1758 года гласилъ что „если при будущемъ избраніи короля Польскаго, оное вольнымъ республики изволеніемъ падетъ на одного изъ свѣтлѣйшихъ принцевъ курфирстскаго Саксонскаго дома, то ихъ величества (Французскій король и императрица-королева) тѣмъ совершенно довольны будутъ и сей выборъ по возможности своей подкрѣплять станутъ“. Просматривая эти постановленія, невольно изумляешься что̀ же осталось Франціи отъ тѣхъ мнимыхъ выгодъ которыми старались ее обольстить когда только возникла мысль о коаліціи противъ Пруссіи? И прежнее ея соглашеніе съ Вѣнскимъ дворомъ было ей въ тягость, что̀ же сказать о томъ посредствомъ

котораго она старалась выйти изъ невыносимаго положенія? По крайней мѣрѣ, если вынуждена была она отказаться отъ одного за другимъ изъ обѣщанныхъ ей нѣкогда пріобрѣтеній, то выговорила ли для себя менѣе обременительныя условія относительно своего участія въ войнѣ? Напротивъ, попрежнему Людовикъ XV обязывался содержать стотысячную армію въ Германіи; земли которыя случилось бы ему завоевать у Прусскаго короля должны быть управляемы именемъ императрицы-королевы посредствомъ назначаемыхъ ею коммиссаровъ; доходы съ нихъ могло получать Французское правительство, за вычетомъ однако ежегодно 40.000 гульденовъ на содержаніе упомянутой временной администраціи. Обѣ стороны связаны были обѣщаніемъ не прекращать войны иначе какъ по взаимному соглашенію, причемъ Франція лишена была даже возможности покончить, какъ бы ей хотѣлось, свою распрю съ Англіей: она обязывалась именно не заключать ни мира, ни перемирія съ королемъ Великобританскимъ, курфирстомъ Ганноверскимъ, не заручившись что онъ „всевозможное употребитъ стараніе дабы преклонить короля Прусскаго къ предложенію императрицѣ-королевѣ Венгерской и Богемской справедливыхъ и честныхъ кондицій, кои со стороны ея величества требованы будутъ или, по крайней мѣрѣ, не принуда короля Великобританскаго обѣщать что во всю нынѣшнюю войну не будетъ онъ ни прямо, ни стороной давать и доставлять королю Прусскому никакой помощи ни войскомъ, ни деньгами, ниже другимъ какимъ способомъ“ *. Правда, Марія-Терезія принимала со своей стороны точно такое же обязательство относительно Франціи еслибы начались у нея переговоры съ Прусскимъ королемъ, но не трудно понять что для нея оно не стоило ровно ничего, тогда какъ союзная съ нею держава положительно изнемогала ведя неравную борьбу со своими морскими сосѣдями.

Таковъ былъ первый дебютъ герцога Шуазёля когда онъ принялъ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Кардиналъ Бернисъ не имѣлъ причины завидовать ему, видя что Франціи еще менѣе чѣмъ при немъ удавалось освободиться отъ гибельнаго вліянія которымъ тяготѣла надъ нею австрійская политика.

---

* Русскій переводъ трактата, а равно и подлинникъ см. у Мартенса, I, 226—251.

XII

Еще страннѣе были отношенія Франціи къ Россіи. Посломъ въ Петербургъ назначенъ былъ въ 1756 году маркизъ Лопиталь, и Французское правительство должно было какъ бы оправдываться въ такомъ назначеніи. „Тереньеръ, писалъ Бехтѣевъ, увѣрялъ меня по чести что кромѣ Лопиталя изъ знатныхъ никого лучше выбрать не могли; тѣ которые способны или уже устарѣли, или надобны при арміи и въ совѣтѣ.“ И вообще составъ посольства оказался такимъ что нельзя было имъ похвалиться. Въ письмѣ того же Бехтѣева къ Воронцову читаемъ: „Маркизъ выбралъ нѣкоторыхъ изъ родни своей еще въ бытность г. Мишеля, который скажетъ вашему сіятельству каковы они были; когда онъ мнѣ ихъ представлялъ, то я не зналъ что̀ дѣлать!“ Представитель Франціи отнюдь не принадлежалъ къ числу выдающихся какими-нибудь личными достоинствами; долго находился онъ въ военной службѣ, затѣмъ состоялъ посланникомъ при Неаполитанскомъ дворѣ, гдѣ устраивалъ такія празднества, окружалъ себя такимъ блескомъ что задолжалъ болѣе ста тысячъ ливровъ. Человѣкъ остроумный, веселаго нрава, ловкій придворный, онъ дорожилъ болѣе всего своими успѣхами въ обществѣ, но не способенъ былъ ни распознавать людей, съ которыми сводила его судьба, ни вникать сколько-нибудь глубоко въ поручаемыя ему дѣла. Отправляясь въ Россію, онъ былъ убѣжденъ что это страна варварская и что на варваровъ ничѣмъ нельзя дѣйствовать такъ успѣшно какъ великолѣпіемъ и пышностью; изготовленіе экипажей, сервиза, парадныхъ платьевъ поглощало все его вниманіе, хотя безпрерывно повторяли ему что надо спѣшить, что интересы чрезвычайной важности требуютъ присутствія его въ Петербургѣ. „Не могу же я компрометтировать посольство короля, возражалъ онъ: нельзя мнѣ явиться въ столицу императрицы Елисаветы какимъ-нибудь курьеромъ, безъ свиты, безъ ливреи и т. п. Успѣхъ возложеннаго на меня порученія зависитъ значительно отъ подобающей моему сану обстановки.“ Только въ іюлѣ 1757 года прибылъ онъ въ Петербургъ, откуда доносилъ своему министерству: „Я дебютировалъ съ большимъ блескомъ; еслибы поступилъ я иначе, то все было

бы непорчено: развяжите мнѣ руки относительно расходовъ и повѣрьте что я не злоупотреблю вашимъ довѣріемъ". Съ этой минуты—впрочемъ еще и прежде—начинаются постоянныя, безконечныя жалобы Лопиталя на то что ему не даютъ достаточно денегъ, жалобы продолжающіяся до тѣхъ поръ пока наконецъ Французское правительство сознало совершенную невозможность удовлетворить ненасытнаго посла, и у Людовика XV вырвалось восклицаніе: „онъ слишкомъ дорогъ" (il est trop cher). Всякая попытка сколько-нибудь обуздать его расточительность приводила его въ отчаяніе. Между прочимъ, въ 1738 году отказано было ему въ дополнительныхъ суммахъ, и онъ писалъ по этому поводу: „Я намѣревался во время карнавала нынѣшняго года дать нѣсколько праздествъ, костюмированныхъ баловъ, которые вѣроятно посѣтила бы императрица. Конечно, это потребовало бы большихъ расходовъ, и поневолѣ мнѣ приходится избѣгать ихъ. Постараюсь пользоваться тѣми рѣдкими случаями когда ея величество появляется въ обществѣ, но долженъ замѣтить теперь же что трудно будетъ усилить ея довѣріе ко мнѣ. Я пользовался для этого, между прочимъ, загородною дачей, которую она предоставила въ мое распоряженіе, и разчитывалъ что буду имѣть честь попрежнему принимать ее тамъ со всѣмъ дворомъ; императрица, не смотря на врожденную ей лѣнь и безпечность, любитъ однако представительность и полагаетъ что должна показываться публикѣ не иначе какъ съ пышностью и въ великолѣпныхъ одѣяніяхъ. Ко мнѣ пріѣзжала бы она чтобъ отдохнуть отъ этой жизни на показъ, очень стѣсняющей ее. Я уже успѣлъ заслужить ея расположеніе, она привыкла меня видѣть, привыкла къ моему разговору, къ моимъ вкусамъ, которые старался я соображать со вкусами ея и ея приближенныхъ..." Въ заключеніе Лопиталь увѣрялъ что не въ состояніи продолжать эту роль по той причинѣ что отказываютъ ему въ возможности тратить безумныя деньги, какія тратилъ онъ до тѣхъ поръ. Въ другой разъ жалуется онъ что вынужденъ вести большую игру, что императрица непремѣнно хочетъ имѣть его въ своей партіи, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проигралъ онъ болѣе 25.000 ливровъ, что еслибы сталъ онъ отказываться, то испортилъ бы свое положеніе при дворѣ, и что правительство его должно помочь ему.

Мы сообщаемъ эти подробности потому что онѣ рисуютъ человѣка. Что касается собственно дѣятельности Лопиталя въ Петербургѣ, то она была самою ничтожною. Онъ хвалился будто удалось ему „овладѣть умомъ и сердцемъ“ Воронцова, но гораздо вѣрнѣе было бы сказать противное: Воронцовъ владѣлъ имъ какъ хотѣлъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ получилъ онъ инструкцію въ которой предписывалось ему имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее, стараться снискать довѣріе не одной императрицы, но и молодаго двора: Лопиталь не считалъ однако нужнымъ сближаться съ Екатериной, даже когда она сама сдѣлала для этого первый шагъ. Въ первые дни слѣдовавшіе за опалой Бестужева, великая княгиня, встревоженная мыслью что и она будетъ замѣшана въ его дѣло, старалась завязать сношенія съ Лопиталемъ чрезъ какого-то Француза Рембера (Rimbert), который, по словамъ посла, „былъ очень вхожъ къ ней и которому она задолжала не мало денегъ“; но Лопиталь ничего ей не отвѣчалъ и тотчасъ же разказалъ объ этомъ Воронцову. Отъ канцлера (Воронцовъ занялъ эту должность по удаленіи Бестужева) не было у него тайнъ. Онъ сообщалъ ему даже такія дѣла относительно которыхъ Французское правительство поручало ему соблюдать величайшую осторожность. „Вы оказываете такое довѣріе графу Воронцову. писалъ ему Шуазёль, что, признаюсь, это нѣсколько стѣсняетъ меня въ сношеніяхъ съ вами. Какой бы ни былъ онъ хорошій человѣкъ и какъ бы ни были хороши его намѣренія, опасно совѣтоваться съ нимъ обо всемъ что вы узнаете отъ меня, ибо не можете же вы отрицать что русскіе интересы дороже для него чѣмъ интересы Франціи.“ Такимъ образомъ Лопиталь не могъ имѣть большаго значенія уже потому что собственное его правительство не очень на него полагалось, и нельзя было не пожалѣть объ этомъ, ибо при тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ человѣкъ со здравымъ политическимъ смысломъ и пользующійся авторитетомъ нашелъ бы быть-можетъ средство установить близкія сношенія между Франціей и Россіей. Конечно задача была не легкая въ виду давнишнихъ предубѣжденій Версальскаго двора, но нѣкоторые изъ французскихъ государственныхъ людей считали необходимымъ разрѣшить ее. Между прочимъ, вскорѣ по назначеніи герцога Шуазёля министромъ иностранныхъ дѣлъ, родственникъ его, занявшій его мѣсто

въ Вѣнѣ, графъ Шуазёль-Праленъ подалъ записку * отличавшуюся весьма вѣрнымъ взглядомъ. „Можно сказать, говорилъ онъ въ ней, что Франція не находится въ союзѣ съ Россіей. Эти двѣ державы похожи на двухъ особъ которыя совершенно индиферентны другъ къ другу, но имѣютъ общаго пріятеля и дѣйствуютъ заодно только въ интересахъ этого пріятеля, а во всемъ остальномъ, что до него не касается, не связаны никакими непосредственными узами. Таково было до сихъ поръ положеніе Франціи относительно Россіи. Вѣнскій дворъ служитъ посредствующимъ звеномъ между ними и дружба ихъ держится только на немъ. По этому поводу можно сдѣлать двоякое замѣчаніе: первое, что Вѣнскій дворъ естественно заинтересованъ въ томъ чтобы поддерживать такое положеніе дѣлъ, пользоваться двумя державами которыя всегда готовы ополчиться за него не договариваясь между собою о своихъ обоюдныхъ выгодахъ; второе, что Россія почти постоянно была врагомъ нашихъ друзей и другомъ нашихъ враговъ. Эта кажущаяся странность очень однако естественна и порождена быстрымъ переворотомъ совершившимся въ нашей политической системѣ, причемъ мы старались совмѣстить рѣзкія крайности; отсюда—неясность и затрудненія нашихъ переговоровъ въ Петербургѣ и какая-то недовѣрчивость между двумя дворами, союзъ коихъ не имѣетъ твердой опоры и которые находятся относительно другъ друга въ двусмысленномъ положеніи. Повидимому, нужно избрать одно изъ двухъ, или смотрѣть на Россію какъ на случайную союзницу, не домогаться болѣе тѣснаго сближенія съ нею, ожидать отъ нея только той помощи которую можетъ она оказать вообще коалиціи, а не прямо и непосредственно намъ; или же закрѣпить какъ можно прочнѣе наши узы съ этою державой, заключать съ нею трактаты, а не присоединяться лишь къ тѣмъ трактатамъ которые предлагаетъ Вѣнскій дворъ."

По мнѣнію автора записки, положительные интересы Франціи должны были бы заставить ее избрать этотъ второй путь. Герцогъ Шуазёль соглашался съ нимъ, онъ былъ не прочь дѣйствовать именно въ такомъ направленіи, насколько возможно было ожидать послѣдовательности отъ этого

---

* *Reflexions sur l'état présent de nos relations avec la cour de Russie*, Vandal, 348—351.

министра, о которомъ Кауницъ выражался что онъ шелъ туда куда увлекалъ его вѣтеръ. Одною изъ первыхъ мѣръ его было обуздать насколько зависѣло отъ него ярыхъ русофобовъ въ родѣ графа Броля, которые усиливались создавать для насъ всякаго рода препятствія въ Польшѣ. Новому посланнику въ Варшавѣ маркизу де-Поми далъ Шуазёль инструкцію въ высшей степени интересную если сравнить изложенные въ ней принципы съ тѣми которые онъ отстаивалъ въ послѣдствіи. „До сихъ поръ, говорилъ онъ въ этомъ документѣ, мы держались относительно Польши политики крайне разорительной для Франціи и не имѣвшей другаго основанія кромѣ устарѣвшаго предразсудка. Съ Польшей обращались какъ съ однимъ изъ тѣхъ государствъ которыя имѣютъ благоустроенное правленіе, способныя оказывать извѣстное вліяніе на политическую систему Европы, и это было большою ошибкой. Государь носящій титулъ Польскаго короля лишенъ всякой власти и доходы его весьма незначительны. Государство его — обширная страна открытая кому угодно. Распри знатныхъ фамилій породили тамъ множество партій, руководимыхъ только личными интересами и взаимнымъ недоброжелательствомъ; законы безсильны, а пресловутое *liberum veto* постоянно служитъ препятствіемъ всему что можно было бы предпринять для блага республики. Словомъ, порядокъ вещей господствующій въ Польшѣ представляетъ не что иное какъ анархію но эта анархія пригодна для интересовъ Франціи, а потому политика наша въ настоящее время должна состоять въ томъ чтобы поддерживать ее и не допускать какое бы то ни было государство расширить свои предѣлы насчетъ Польши.“ Шуазёль доказывалъ что совершенно безсмысленно надѣлять деньгами польскихъ вельможъ, ибо они не способны установить у себя разумную форму правленія, да и не слѣдуетъ желать этого; что не надо придавать значенія ихъ жалобамъ на Россію, ибо не съ ихъ помощью можно противодѣйствовать замысламъ русской политики. Особенно предписывалъ министръ маркизу Поми заботиться чтобы не возникла въ Польшѣ конфедерація, ибо, говорилъ онъ, „слѣдуетъ опасаться что бѣдствія причиненныя конфедераціей поневолѣ принудятъ Поляковъ забыть свои раздоры, положатъ конецъ ослѣпленію Польскаго правительства и придадутъ ему нѣкоторую прочность; но такъ какъ первою нашею обязанностью должно

быть поддержаніе анархіи, то очевидно что конфедерація была бы противна нашимъ цѣлямъ". Такъ разсуждалъ государственный человѣкъ который въ царствованіе Екатерины явился яростнымъ противникомъ ея по Польскому вопросу, проповѣдуя что Польша подверглась участи совершенно незаслуженной ею! Хорошо по крайней мѣрѣ что въ началѣ своей министерской карьеры онъ способенъ былъ иногда смотрѣть болѣе трезво на вещи. Соглашеніе казалось возможнымъ, тѣмъ болѣе что Русское правительство видимо желало его. Маркизъ Лопиталь доносилъ о любопытномъ разговорѣ происходившемъ у него съ Воронцовымъ. Канцлеръ „въ минуту откровенности, вполнѣ дружески, а не официально", разказывалъ ему что въ Петербургѣ узнали о договорѣ Франціи съ Австріей имѣвшемъ въ виду различныя территоріальныя пріобрѣтенія и уступки, и не мало были огорчены глубокою таинственностью соблюдавшеюся на этотъ счетъ. Къ чему подобное недовѣріе относительно императрицы Елисаветы? Она не давала никакого повода предполагать что будетъ противиться планамъ короля,—напротивъ, оказала бы имъ поддержку, въ надеждѣ что и король со своей стороны уважитъ ея справедливыя требованія при заключеніи мира. Она питаетъ искреннюю дружбу къ императрицѣ-королевѣ, но не можетъ быть ей пріятно что во всѣхъ важныхъ вопросахъ Французское правительство обращается главнымъ образомъ къ Вѣнскому двору вмѣсто того чтобы вести переговоры и съ ея министрами.

Если отношенія Франціи къ Россіи отнюдь не сдѣлались болѣе дружественны, то причиной этого былъ самъ Шуазёль, которому никакъ не удавалось освободиться отъ того что̀ самъ онъ называлъ укоренившимися предразсудками, а затѣмъ тайное противодѣйствіе встрѣченное имъ со стороны Людовика XV. Мы уже говорили что у короля была своя дипломатія о которой не имѣли понятія ни его министры, ни официальные представители его при иностранныхъ дворахъ и главнымъ агентомъ коей служилъ одинъ изъ его секретарей Терсье. Еще въ 1757 году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того какъ присоединилась Россія къ Версальскому договору, задумалъ Людовикъ завязать секретную корреспонденцію съ Русскимъ правительствомъ. Въ Петербургѣ не мало были изумлены этимъ предложеніемъ, но самое простое приличіе не дозволяло конечно отстранить его. Кавалеръ д'Эонъ, уѣзжая изъ

Парижа. получилъ отъ Терсье экземпляръ *Esprit des lois* Монтескьё. въ переплетѣ коего содержался шифръ для предполагаемой переписки которую должны были впрочемъ вести не сами Людовикъ XV и Елисавета, а упомянутый нами сейчасъ секретарь короля и Воронцовъ: изъ приближенныхъ сего послѣдняго посвященъ былъ въ тайну только Олсуфьевъ. Если спросить для чего все это дѣлалось. то отвѣтъ находимъ мы въ подробномъ мемуарѣ который Терсье представилъ Людовику. Этимъ средствомъ. говорилъ онъ, можно подѣйствовать на императрицу чтобы не предпринимала она ничего враждебнаго интересамъ Польши, можно указывать ей на ошибки ея генераловъ, разоблачать интриги молодаго двора и т. п. Но при всемъ томъ, особенно вначалѣ, слѣдуетъ соблюдать крайнюю осторожность: „мы должны выѣдывать секреты другихъ. не выдавая своихъ собственныхъ". Переписка, о которой идетъ рѣчь, почти неизвѣстна намъ, но уже по тому что мы знаемъ о ней можно. кажется, безошибочно заключить что не только не послужила она къ сближенію Россіи съ Франціей. но привела къ совершенно противному результату.

Вскорѣ по назначеніи герцога Шуазёля министромъ. Версальскому двору представился удобный случай доказать. въ состояніи ли разчитывать на его расположеніе императрица Елисавета. Такъ какъ все вниманіе Русскаго правительства сосредоточено было на военныхъ дѣйствіяхъ и ничто не предвѣщало возможности скораго заключенія мира. то оно и не считало полезнымъ и удобнымъ напоминать о присоединеніи къ Россіи провинціи Пруссіи. Обстоятельства заставили его однако поневолѣ возбудить этотъ вопросъ. С.-Петербургскій дворъ получилъ приглашеніе присоединиться къ новому трактату заключенному между Австріей и Франціей въ 1758 году, о которомъ мы упоминали выше. Въ этомъ трактатѣ обѣ державы подробно обозначили тѣ выгоды которыя намѣревались онѣ предоставить себѣ въ случаѣ пораженія Фридриха, и очень понятно что Россія поспѣшила также заявить свои требованія. Единственною гарантіей для нихъ служило до сихъ поръ простое. даже не письменное, а словесное обѣщаніе Маріи-Терезіи. но если союзные съ Россіей дворы устанавливали между собою формальныя обязательства, то и она имѣла право послѣдовать ихъ примѣру, домогаться чтобы притязанія ея на королевскую Пруссію занесены были въ трактатъ. Это казалось тѣмъ болѣе справедливымъ что означенная область уже находилась въ ея обладаніи:

русскія власти безпрепятственно управляли ею; жители должны были принести присягу въ вѣрности императрицѣ; было намѣреніе произвести тамъ рекрутскій наборъ *. Мѣстное народонаселеніе не думало роптать на свою судьбу, какъ видно между прочимъ изъ того что въ Петербургъ прибыла депутація состоявшая изъ графа Шлиппенбаха, Шрёдера, фонъ-Финка и фонъ-Ауэра съ порученіемъ благодарить императрицу за хорошее управленіе **. Все это побуждало С.-Петербургскій дворъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ, хотя Эстергази и пытался склонить его чтобъ онъ попрежнему удовольствовался честнымъ словомъ императрицы-королевы. Воронцовъ выработалъ проектъ конвенціи, въ которой сказано было что Россія и Австрія „согласились и постановили во время войны всѣ силы, а при будущемъ замиреніи всѣ старанія обще и согласно къ тому употребить чтобы королевство Прусское, нынѣ оружіемъ императрицѣ Всероссійской уже дѣйствительно завоеванное, ея величеству уступлено было какъ справедливое вознагражденіе за претерпѣнные убытки и показанную общему доброму дѣлу генеральную услугу". Вѣнскій дворъ поставленъ былъ въ крайне затруднительное положеніе: надежды его главнымъ образомъ опирались на Россію, потому что Франція могла со дня на день отшатнуться отъ союза; вопросъ о конвенціи возникъ именно въ то время когда съ Русскимъ правительствомъ шли переговоры о планѣ военныхъ дѣйствій, требовавшихъ чрезвычайныхъ усилій съ его стороны; отвергнуть его требованія значило оскорбить его, а между тѣмъ не хотѣлось и согласиться на нихъ. Инструкціи Кауница графу Эстергази вовсе не отличались въ этомъ случаѣ тою опредѣленностью къ которой онъ пріучилъ его, и посолъ предоставленный самому себѣ рѣшился подписать конвенцію. Это въ высшей степени опечалило Марію-Терезію и ея министра. Они тотчасъ же поспѣшили извѣстить о непріятномъ для нихъ событіи Версальскій дворъ, который отвѣчалъ что не остается ничего болѣе какъ помириться съ совершившимся фактомъ и что въ сущности быть-можетъ нечего даже скорбѣть о немъ, ибо Россія не извлечетъ для себя никакой выгоды изъ намѣченнаго ею пріобрѣтенія. Шуазёль поясналъ эту мысль такимъ образомъ:

---

* *Архивъ князя Воронцова*, VI, 440—442.

** Arneth, VI, 80.

очевидно, нѣтъ возможности достигнуть всего того къ чему стремились союзники начиная войну съ Пруссіей: по всему вѣроятію, Австрія должна будетъ отказаться отъ Силезіи и возвратитъ себѣ только графство Глацъ, Саксонія вознаграждена будетъ присоединеніемъ къ ней Лаузица, но обѣ эти области такъ незначительны что Фридрихъ помирится съ ихъ утратой. Онъ не отважится начать изъ-за нихъ когда бы то ни было новую войну. Другое дѣло королевская Пруссія: никогда не допуститъ онъ чтобъ оставалась она въ чужихъ рукахъ, а потому даже по заключеніи общаго мира война между нимъ и Россіей въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неизбѣжна. Въ такомъ случаѣ, конечно, ни Франція, ни Австрія не явятся къ ней на помощь, и эта держава, оказавшая имъ содѣйствіе для того чтобы нанести ударъ Фридриху, въ свою очередь будетъ истощаться въ борьбѣ съ нимъ. Повидимому эти соображенія такъ плѣнили императрицу-королеву что она согласилась ратификовать конвенцію съ Россіей, впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ, напримѣръ, условіе о провинціи Пруссіи перенесено было изъ текста трактата въ отдѣльную секретную статью, а въ другой секретной статьѣ было сказано что оно „не имѣетъ быть тогда состоятельно если случится что императрицѣ-королевѣ не будетъ доставлено уступленіе всей Силезіи и графства Глацкаго“. Эстергази не обошелся даромъ его невольный промахъ: онъ еще оставался нѣкоторое время въ Петербургѣ, но вскорѣ послѣ заключенія конвенціи былъ официально извѣщенъ что ему пріискиваютъ преемника *.

Нельзя было сомнѣваться что оба главные союзника Россіи относились къ ней въ высшей степени недоброжелательно и хотѣли только пользоваться ею для своихъ цѣлей. Австріи нужна была она для того чтобы до послѣдней возможности вести войну, Франція желала бы чрезъ ея посредство начать мирные переговоры. Шуазёль превзошелъ скоро въ миролюбивомъ настроеніи кардинала Бернися. Особенно съ 1760 года, послѣ злополучной для Австрійцевъ битвы при Лигницѣ, имъ овладѣло глубокое отчаяніе. „Когда же это кончится, чего вы требуете отъ насъ? говорилъ онъ Штарембергу: у насъ нѣтъ ни денегъ, ни флота, ни солдатъ, ни генераловъ, ни

* Arneth VI. 77—?

министровъ! Пусть кто-нибудь другой ухитрится при такихъ условіяхъ продолжать войну; что же касается меня, будьте увѣрены что я употреблю всѣ старанія заключить миръ." Но разсуждать объ этомъ съ австрійскими государственными людьми было бы совершенно безполезно, ибо никакъ не хотѣли они остановиться на мысли чтобы предпріятіе задуманное ими въ столь широкихъ размѣрахъ окончилось ничѣмъ. Надлежало дѣйствовать на Россію. Шуазёль не однократно писалъ Лопиталю, нельзя ли побудить ее чтобъ она явилась по крайней мѣрѣ посредницей между Франціей и Англіей, но вскорѣ убѣдился что Лопиталь не въ состояніи исполнить эту задачу, что значеніе его при Петербургскомъ дворѣ совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ какимъ пользовался Эстергази. Не рѣшаясь прямо удалить его, онъ придумалъ слѣдующую комбинацію: между Даніей и великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ происходили безконечные переговоры о Шлезвигъ-Голштейнѣ, и такъ какъ вопросъ этотъ не могъ не интересовать Европу, то Шуазёль задумалъ аккредитовать особаго посланника при наслѣдникѣ Русскаго престола съ тѣмъ намѣреніемъ, разумѣется, чтобы всѣ дѣла перешли мало-по-малу къ этому новому уполномоченному. Выборъ его остановился на баронѣ Бретёйлѣ. „Этотъ дипломатъ, писалъ онъ Лопиталю, обладаетъ талантами, свѣдѣніями, изворотливымъ умомъ, характеромъ весьма пріятнымъ въ обществѣ, словомъ такими качествами которыя могутъ снискать ему расположеніе и довѣріе какъ самой императрицы, такъ и молодаго двора. Руководимый вашими совѣтами и дѣйствуя заодно съ вами, онъ можетъ помимо прямаго своего порученія быть полезнымъ и въ другихъ важныхъ дѣлахъ ввѣренныхъ вашему рвенію и заботливости." Лопиталь понялъ о чемъ идетъ дѣло и не оказалъ ни малѣйшаго противодѣйствія. Онъ только предлагалъ поступить иначе. „Назначить барона Бретёйля посланникомъ при великомъ князѣ, писалъ онъ, было бы такою новостью которая конечно не понравилась бы императрицѣ. Можно избрать другой путь, а именно послѣдовать примѣру Русскаго правительства, которое въ виду преклонныхъ лѣтъ и болѣзней удручающихъ графа Бестужева отправило въ Парижъ князя Голицына чтобы завѣдывать тамъ дѣлами сообща съ этимъ посломъ." *

---

* Dareste, III, 628.

Лица служившія агентами Людовика XV для его секретной дипломатіи сильно встревожились назначеніемъ Бретёйля. Въ Россію ѣхалъ дипломатъ молодой, ловкій, который могъ бы надѣлать много вреда еслибы съ самаго начала не посвятить его въ тайны настоящихъ намѣреній короля; относительно Лопиталя не нужна была эта предосторожность потому что самъ по себѣ онъ былъ не опасенъ и къ тому же находился при немъ д'Эонъ, креатура Терсье, всегда умѣвшій направлять его на желанный путь, но теперь другое дѣло. Бретёйль былъ посвященъ въ переписку происходившую между Терсье и Воронцовымъ, и кромѣ оффиціальной инструкціи получилъ еще секретную. Въ первой изъ нихъ, составленной герцогомъ Шуазёлемъ, говорилось что Россія честолюбивая и опасная держава, что не слѣдуетъ желать ея усиленія, но такъ какъ она въ союзѣ съ Франціей, то надо побуждать ее къ энергическому участію въ военныхъ дѣйствіяхъ и пользоваться ею для заключенія честнаго мира; Шуазёль предписывалъ посланнику сблизиться съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной, а относительно присоединенія къ Россіи провинціи Пруссіи замѣтилъ только что этотъ вопросъ касается главнымъ образомъ Австріи, и Франція не считаетъ нужнымъ непосредственно вести по его поводу переговоры съ С.-Петербургскимъ дворомъ. Секретная инструкція * чрезвычайно интересна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы узнаемъ изъ нея что если прежнія попытки побудить Россію къ посредничеству между Франціей и Англіей не увѣнчались успѣхомъ, то Людовикъ XV вовсе не думалъ скорбѣть объ этомъ: „неудобства долженствующія произойти отъ того что Россія, принявъ подобную роль, слишкомъ усилила бы свое вліяніе и могущество, такъ очевидны что безполезно подробно указывать на нихъ; нужно слѣдовательно считать счастливымъ обстоятельствомъ для интересовъ короля что маркизъ Лопиталь, послушавшись въ этомъ случаѣ совѣтовъ г. д'Эона, не постарался исполнить возложенное на него порученіе". Людовикъ XV не скрывалъ что побѣда одержанная русскими войсками при Куннерсдорфѣ произвела на него неблагопріятное впечатлѣніе; конечно, она нанесла страшный ударъ врагу, но вслѣдствіе того возрасли самоувѣренность и притя-

* Vandal, 372—378.

занія Россіи, чего никакъ не слѣдуетъ допускать на будущее время. „Конечно, было бы очень печально если-бъ Англія, возвративъ утраченное ею вліяніе на С.-Петербургскій дворъ, отвлекла его отъ коалиціи: баронъ Бретэйль долженъ всячески противиться этому; но не менѣе того нужно опасаться послѣдствій слишкомъ значительныхъ успѣховъ Русскихъ въ войнѣ (on doit également craindre les effets des trop grands succès des Russes dans la guerre); чѣмъ болѣе будутъ они считать себя необходимыми для союзниковъ, тѣмъ болѣе будетъ возрастать высокое ихъ мнѣніе о самихъ себѣ, а соразмѣрно этому и ихъ требованія. Основное правило коалиціи состоитъ, конечно, въ томъ чтобы всѣ союзники дѣйствовали съ одинаковою энергіей, но тутъ мы имѣемъ предъ собою исключительный случай; вслѣдствіе того барону Бретэйлю надлежитъ не слишкомъ подстрекать Русскихъ и не сдерживать ихъ, а заботиться объ ихъ содѣйствіи лишь насколько условливается оно обстоятельствами. Совершенно достаточно и того если въ нынѣшней кампаніи (1760 года) Русскіе не потерпятъ пораженія. Въ такомъ случаѣ они не въ состояніи будутъ утверждать что имъ обязаны были успѣхами войны; малая польза оказанная ими доставитъ аргументы противъ ихъ самохвальства (jactance); высокомѣріе съ которымъ заявляютъ они свои притязанія неминуемо уменьшится и окажется возможнымъ заключить миръ на условіяхъ менѣе затруднительныхъ и опасныхъ". Другая задача барона Бретэйля заключалась въ томъ чтобъ отстаивать польскіе интересы съ такимъ рвеніемъ какъ будто это были интересы самой Франціи: *онъ долженъ быть*, гласила инструкція, *нѣкоторымъ образомъ адвокатомъ Польши въ Петербургѣ* (il doit être en quelque sorte l'avocat de la Pologne à Pétersbourg) и дѣйствуя въ этомъ смыслѣ убѣждать Русское правительство чтобъ оно отказалось отъ заявленной имъ мысли объ непразденіи своихъ границъ съ республикой, но вмѣстѣ съ тѣмъ не надо подавать С.-Петербургскому двору надежды и на то что онъ можетъ пріобрѣсти по миру королевскую Пруссію: достаточно будетъ для него если получитъ онъ денежное вознагражденіе или отъ Пруссіи или отъ Англіи. При исполненіи этой программы трудно было, разумѣется, разчитывать на симпатіи министровъ императрицы Елисаветы, и баронъ Бретэйль получилъ совѣтъ не довѣрять ни одному изъ нихъ, даже Воронцову, съ которымъ такъ тѣсно сблизился маркизъ Лопиталь. „Нельзя сомнѣваться, читаемъ мы

въ инструкціи, что Воронцовъ расположенъ къ намъ, но чтотъ государственный человѣкъ, какъ и слѣдуетъ, преданъ тому что онъ считаетъ интересами своей государыни и своего отечества; поэтому было бы неудивительно еслибъ онъ имѣлъ въ виду только увеличеніе могущества Россіи (il ne serait pas étonnant qu'il n'eût en vue que l'agrandissement de la puissance de la Russie)".

Приведенный нами документъ не требуетъ, кажется, комментарій чтобъ оцѣнить его по достоинству; нужно только сообразить въ какомъ положеніи находилась тогда Франція: она уже потеряла всю Канаду, не осталось у нея почти ничего отъ ея остъ-индскихъ владѣній, Англичане захватили Антильскіе острова и другія ея колоніи, они довели французскій флотъ до такого безсилія что онъ не могъ противиться даже безпрерывнымъ ихъ нападеніямъ на прибрежье самой Франціи, военныя дѣйствія въ Германіи не приносили ровно ничего что могло бы польстить національной гордости нищета въ ужасающихъ размѣрахъ распространялась въ странѣ, еще такъ недавно славившейся своими богатствами, настроеніе высшихъ классовъ общества было самое гибельное, начиналъ роптать и народъ, „это—какъ выражается Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ—животное со множествомъ языковъ и съ малымъ числомъ глазъ (animal à beaucoup de langues et à un petit nombre d'yeux), на которое правительство Людовика XV возлагало несоразмѣрныя тягости единственно въ угоду Вѣнскому двору". Но какъ ни велики были бѣдствія, все-таки можно было хотя отчасти справиться съ ними; дѣло въ томъ что положеніе Прусскаго короля представлялось не менѣе отчаяннымъ; въ 1760 году онъ говорилъ что достаточно одного рѣшительнаго удара со стороны его враговъ чтобы поставить его въ совершенную невозможность продолжать борьбу, и въ эту-то критическую минуту Людовикъ XV хлопочетъ о томъ чтобъ одинъ изъ союзниковъ ограничился пассивною ролью, предписываетъ своему посланнику „пріостанавливать, если позволяютъ обстоятельства, военныя операціи Русскихъ" (ralentir, si les circonstances permettent, les opérations militaires des Russes). Французское правительство какъ будто не замѣчало что само подготовляетъ себѣ позоръ.

Съ конца 1760 года начались серіозные переговоры о мирѣ, такъ какъ Франція положительно заявила что не

намѣрена болѣе потощать себя войной, которая, по ея мнѣнію, не могла привести ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Поневолѣ пришлось Вѣнскому двору подчиниться необходимости. Кауницъ поспѣшилъ изложить свои соображенія по этому поводу. Нѣсколько позднѣе, когда счелъ онъ возможнымъ сообщить ихъ С.-Петербургскому двору, онъ доказывалъ что миръ можетъ быть троякій: 1) *добрый*, когда мы и союзники наши достаточное удовлетвореніе получимъ, слѣдовательно опаснѣйшій нашъ непріятель будетъ приведенъ въ надлежащіе предѣлы; 2) *посредственный*, когда только нѣкоторая часть положеннаго удовлетворенія будетъ получена и непріятельская сила будетъ уменьшена только до нѣкотораго градуса; 3) *худой*, когда Прусскій король безъ потери земель и безъ значительнаго убытка выйдетъ изъ войны начатой такимъ продерзостнымъ образомъ“ *. Не совсѣмъ то находимъ мы въ докладѣ представленномъ Кауницемъ императрицѣ Маріи-Терезіи. Мы видимъ что здѣсь раздѣлялъ онъ миръ на пять категорій, а именно: *наилучшимъ* считалъ такой когда можно было бы Австріи пріобрѣсти Силезію и Глацъ, не давая никакого вознагражденія Франціи, но выговоривъ его для другихъ союзниковъ чтобъ ослабить Прусскаго короля: *хорошимъ* можно было назвать миръ въ томъ случаѣ еслибъ и Франція пріобрѣла что-нибудь; *посредственнымъ*—еслибъ Австріи досталась только часть Силезіи, а союзники ея получили далеко не такое вознагражденіе на которое они могли бы разчитывать; *дурнымъ*—еслибы за Австріей осталось лишь графство Глацъ, а *наихудшимъ*—еслибы Фридрихъ вышелъ изъ войны не потерявъ ни малѣйшей части своихъ земель **. Хотя, какъ видимъ, Кауницъ говорилъ что союзники Вѣнскаго двора не должны были бы выйти съ пустыми руками изъ войны, но заботливость его обращена была главнымъ образомъ на Саксонію и Швецію и всего менѣе на Россію. Въ упомянутомъ нами докладѣ своемъ императрицѣ Маріи-Терезіи ставилъ онъ вопросъ, выгодно ли было бы для Австріи еслибы провинція Пруссія очутилась подъ русскимъ владычествомъ и не задумывался, разумѣется, отвѣчать на него отрицательно. Было бы въ высшей степени прискорбно, доказывалъ онъ, еслибы Россія

---

* Соловьевъ, *Ист. Россіи*, XXIV, 369—370.

** Arneth, VI, 202.

расширила свои предѣлы и еще ближе придвинулась къ Германіи. И безъ того уже по сосѣдству съ ней, по западной ея границѣ, находится много ея единовѣрцевъ, считающихъ ее естественною своею покровительницей,—со временемъ можетъ она сдѣлаться еще опаснѣе чѣмъ Пруссія. Польша не можетъ служить противъ нея оплотомъ. Курляндія почти совершенно окружена ея владѣніями и лучшія гавани Балтійскаго моря находятся въ ея рукахъ. Вслѣдствіе всего этого, продолжалъ Кауницъ, надо всячески стараться чтобы Россія не удержала за собой область на которую предъявляла она притязанія съ самаго начала войны, но еслибы случилось это „великое несчастіе и политическое зло“ (ein grosses Unglück und politisches Uebel), то по крайней мѣрѣ преемникъ императрицы Елисаветы долженъ былъ заранѣе уступить Даніи свои Голштинскія владѣнія. Нельзя было допустить чтобы возложивъ на себя императорскую корону онъ въ то же время, владѣя провинціей Пруссіей и Голштиніей, пріобрѣлъ громадное вліяніе на германскія дѣла. Соображенія эти не вдругъ, конечно, пришли Кауницу; несомнѣнно что они давно уже тревожили его, но, какъ мы знаемъ, нисколько не препятствовали Маріи-Терезіи завѣрять своимъ честнымъ словомъ императрицу Елисавету что все будетъ сдѣлано для доставленія ей королевской Пруссіи и еще въ томъ же году, когда начались переговоры о мирѣ. обѣщаніе это было занесено въ трактатъ...

С.-Петербургскій дворъ не противился заключенію мира, потому что и его средства были истощены до крайней степени. „Мы можемъ чистосердечно сказать что крайне трудно становится намъ продолженіе войны“, говорилось въ нотѣ отъ 1 февраля 1761 года, врученной графу Эстергази. „На продолженіе нынѣшней кампаніи и пріемлемыхъ сильныхъ мѣръ для произведенія будущей кампаніи, доносилъ Воронцовъ императрицѣ, потребны великія суммы денегъ въ наличіи имѣть, которыхъ теперь въ казнѣ совсѣмъ нѣтъ; ежели ваше величество по поданнымъ отъ конференціи и сената докладамъ не соизволите милостивою резолюціей снабдить, я истинно не понимаю какимъ образомъ возможно будетъ съ пользой и начало будущей кампаніи учинить.“ Въ другой разъ вырвалось у него такое замѣчаніе: „Къ немалому сокрушенію нынѣшняя кампанія ни съ какой стороны къ благополучному окончанію сей *проклятой* войны надежды не

лодаетъ". Положеніе дѣлъ представлялось въ самомъ мрачномъ видѣ: здоровье императрицы было таково что безпрерывно слѣдовало ожидать ея кончины; если прежде не всегда охотно сосредоточивала она свое вниманіе на дѣлахъ. то въ послѣднее время стала еще менѣе заниматься ими. вслѣдствіе чего усиливалась страшная распущенность во всѣхъ отрасляхъ управленія. Воронцовъ жаловался въ письмахъ своихъ къ П. И. Шувалову что „остановка въ теченіи важныхъ государственныхъ дѣлъ внутри и внѣ Имперіи болѣе скорби и страданія дѣлаютъ нежели всѣ сколившіяся во мнѣ болѣзни", и просился въ отставку. Шуваловъ старался отклонить его отъ этого намѣренія, но со своей стороны не могъ сказать ему ничего утѣшительнаго. „Представьте себѣ печальное теперешнее наше состояніе, писалъ онъ, которое часъ отъ часу хуже приходитъ: представьте всѣ вредныя обстоятельства вамъ болѣе извѣстныя и которыхъ мои слезы и сжатое горестью сердце описать не допускаютъ; словомъ. когда ваше сіятельство отречетесь, то еще изъ настоящаго худа будущее ожидать зло надлежитъ. Вы, милостивый государь мой, соберите свои силы и сдѣлайте что можете въ малыхъ часахъ вашего здоровья дабы свѣтъ еще видѣлъ что мы не такъ какъ они описываютъ и государство бы чувствовало власть самодержавства. Всѣ повелѣнія безъ исполненія, главное мѣсто безъ уваженія, справедливость безъ защищенія! Желалъ бы, ей божусь, чтобы конецъ былъ моей жизни" *. При такомъ настроеніи людей бывшихъ главными руководителями нашей политики нельзя было ожидать конечно чтобы Россія противилась заключенію мира, но трудно было ей примириться съ мыслью что миромъ не будетъ достигнута цѣль для которой предприняли войну. Первымъ и главнымъ условіемъ его ставила она ослабленіе Прусскаго короля, которое произойдетъ въ томъ лишь случаѣ если союзники удержатъ завоеванныя ими земли. Впрочемъ относительно самой Россіи правительство императрицы Елисаветы сдѣлало слѣдующее знаменательное заявленіе въ отвѣтѣ своемъ на декларацію Версальскаго и Вѣнскаго дворовъ. „Мы, со своей стороны, за лучшее пріобрѣтеніе отъ этой войны почтемъ то, если силы короля Прусскаго будутъ

---

* *Архивъ князя Воронцова*, VI. 298 и 313.

существенно уменьшены и мы будемъ въ состояніи положиться что война не скоро опять вспыхнетъ, будемъ покойны нѣсколько лѣтъ, не будемъ принуждены подавать нашимъ союзникамъ для насъ тягостную, а для нихъ иногда позднюю помощь. Мы уже прежде объявили что желаемъ получить провинцію Пруссію, имѣя на нее полное право: она завоевана нами у такого непріятеля который самъ намъ объявилъ войну и, кромѣ того, она не принадлежитъ къ Римской имперіи. Мы хотимъ получить эту провинцію вовсе не для распространенія и безъ того обширныхъ границъ нашей имперіи и не для вознагражденія за убытки, ибо владѣніе Пруссіей было намъ въ тягость, но единственно для того чтобы надежнѣе утвердить миръ, а потомъ, уступивъ ее Польшѣ, окончить этимъ многія взаимныя претензіи, несогласныя съ истиннымъ нашимъ желаніемъ ненарушимо сохранять эту реслубліку въ тишинѣ и при всѣхъ ея правахъ и вольностяхъ. Такое желаніе не можетъ быть отвергнуто, тѣмъ болѣе что и королю Прусскому эта озерами и болотами наполненная провинція большой въ силахъ разницы не сдѣлаетъ. Могутъ возразить одно, что король Прусскій по своему упорству скорѣе рѣшится на всѣ крайности чѣмъ согласится на уступку ея, но на его упорство не обязаны мы отвѣчать всегдашнимъ снисхожденіемъ. Впрочемъ если мирное дѣло пойдетъ по желанію и главная цѣль—ослабленіе короля Прусскаго будетъ достигаема и если при этомъ оказалось бы что доставленіе намъ Пруссіи крайне затруднительно и *если мы усмотримъ что жертвуя нашими правами на Пруссію можемъ улучшить жирныя условія для всѣхъ союзниковъ, особенно же для Франціи, то мы уступимъ Пруссіи*; но тогда вѣрные наши союзники, разумѣется, должны доставить намъ равносильное вознагражденіе.“

Какое же вознагражденіе? Отъ одного изъ нихъ—отъ провинціи Пруссіи Россія, какъ видимъ, сама готова была отказаться. Приступая къ войнѣ она помышляла объ исправленіи своихъ границъ съ Польшей, но затѣмъ вопросъ этотъ былъ какъ будто совсѣмъ устраненъ, и мы уже не встрѣчаемъ упоминанія о немъ. Но когда начались переговоры о мирѣ, Русское правительство, кажется, опять вернулось къ нему, разчитывая преимущественно на помощь Версальскаго двора. Оно уже имѣло не мало случаевъ убѣдиться въ лицемѣріи австрійской политики, и даже именно въ то самое время о которомъ мы говоримъ выразило угрозу что постарается

заключить отдѣльный миръ съ Прусскимъ королемъ если Австрія будетъ дѣйствовать такъ какъ дѣйствовала до тѣхъ поръ. Конечно и Франція преслѣдовала по отношенію къ нему самыя дурныя намѣренія, но они не проявлялись такъ рѣзко, наружу, и С.-Петербургскій дворъ могъ обольщать себя надеждой что удастся ему установить съ этою державой тѣсное соглашеніе *. Случай представлялся повидимому весьма удобный. Не Россія заискивала во Франціи, а Франція вынуждена была заискивать въ Россіи. Шуазёль пытался заключить миръ съ Англіей путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ министрами Георга II и сильно желалъ встрѣтить поддержку со стороны нашего посланника при Лондонскомъ дворѣ князя Голицына. Воронцовъ выставилъ условія, на которыя онъ не замедлилъ согласиться. Въ депешѣ своей Бретёйлю онъ прямо говорилъ что вполнѣ подчиняется имъ если этимъ средствомъ можно вызвать выгодное для Франціи посредничество Русскаго правительства, но чрезъ нѣсколько недѣль тонъ его совершенно измѣнился. „Не наступило еще время, писалъ онъ тому же послу, вести переговоры съ Россіей о польской Украйнѣ; старайтесь отдѣлываться общими увѣреніями о готовности короля оказывать расположеніе императрицѣ во всемъ что̀ можетъ касаться ея интересовъ“. Эта неожиданная перемѣна объясняется рѣшительнымъ нежеланіемъ Людовика XV согласиться на какую-нибудь уступку въ пользу Россіи, особенно когда уступка касалась Польши. Онъ повліялъ въ этомъ смыслѣ на своего министра и вмѣстѣ съ тѣмъ втайнѣ отъ него обратился съ собственноручнымъ письмомъ къ Бретёйлю, изъ котораго мы приводимъ слѣдующія курсивныя строки: „Русскіе слишкомъ зазнаются какъ скоро начинаютъ заискивать въ нихъ. Опытъ научилъ меня что наибольшая польза которую я могу извлечь изъ союза съ ними заключается въ томъ чтобы препятствовать имъ тѣсно сближаться съ моими врагами. Есть основаніе думать что, допустивъ ихъ искать вознагражденія для себя въ Украйнѣ, я успѣлъ бы охлажденіе ко мнѣ Турокъ; къ

* Воронцовъ говорилъ Бретёйлю: „Cette alliance, l'impératrice la souhaite très sincérement et il parait qu'il serait plus avantageux de la cimenter avant que d'entamer les moyens de conclure la paix“ (Vandal. 394).

тому же это значило бы согласиться на величайшую несправедливость; слишкомъ дорого заплатилъ бы я въ этомъ случаѣ за союзъ съ государствомъ, гдѣ интриги принимаютъ съ каждымъ днемъ такіе размѣры что наиболѣе точныя и опредѣленныя приказанія императрицы становятся недѣйствительными и гдѣ необезпеченность въ порядкѣ престолонаслѣдія не дозволяетъ полагаться на самыя торжественныя обязательства. Сознаю трудность согласовать мои инструкціи съ тѣми которыя получаете вы отъ герцога Шуазёля. но требую чтобы вы употребили всѣ усилія съ цѣлью склонить моего министра къ принципамъ болѣе выгоднымъ для Польши, не слишкомъ однако раздражая его и не возбуждая его подозрительности.“ Возможно ли было, послѣ этого, надѣяться чтобы Россія и Франція дѣйствовали заодно въ важныхъ политическихъ вопросахъ? Начавшіеся переговоры только обнаружили глубокій разладъ между ними, и болѣе всего потерпѣлъ отъ этого конечно Вѣнскій дворъ: попытка его окончить войну съ Англіей оказалась совершенно неудачною.

Императрицѣ Елисаветѣ не суждено было видѣть конецъ предпріятія къ которому относилась она такъ горячо, и это было конечно большимъ несчастіемъ. Война довела враговъ короля Прусскаго до крайняго упадка силъ, но все-таки они находились далеко не въ такомъ отчаянномъ положеніи какъ Фридрихъ. Они еще могли продолжать борьбу, а для него это представлялось почти немыслимымъ. Онъ стоялъ на краю пропасти, онъ самъ говорилъ что для дѣйствовавшей противъ него коалиціи побѣда была лишь вопросомъ времени,—и времени весьма непродолжительнаго: еще послѣднее усиліе съ ея стороны, и онъ долженъ былъ бы сложить оружіе. Еслибы случилось это. то безъ сомнѣнія о Семилѣтней Войнѣ судили бы у насъ иначе: войну эту считали безполезнымъ кровопролитіемъ, въ которомъ Россія приняла участіе будто бы безо всякой необходимости, едва ли не потому только что Елисавета была раздражаема выходками и остротами на ея счетъ Фридриха Великаго. Напротивъ, мы видимъ что вмѣшательство Россіи было естественнымъ послѣдствіемъ политики которую съ самаго воцаренія императрицы велъ Бестужевъ. Съ рѣдкою проницательностью сообразилъ онъ какими тревожными послѣдствіями угрожаетъ усиленіе Пруссіи Европѣ вообще. но главнымъ образомъ

Россіи. Онъ сдѣлалъ все чтобы помѣшать ему, и еслибы старанія его увѣнчались успѣхомъ, то ходъ европейскихъ событій принялъ бы другое направленіе. Подвергнуть такому разгрому Пруссію, отъ котораго никогда не оправилась бы она, было трудно, но развитіе ея могущества могло бы быть задержано на болѣе или менѣе продолжительное время, которымъ Россія воспользовалась бы для своихъ цѣлей. И въ Восточномъ и въ Польскомъ вопросахъ императрица Екатерина не вынуждена была бы считаться со своимъ опаснымъ сосѣдомъ, который хотя и не могъ открыто бороться съ ней именно потому что былъ слишкомъ ослабленъ Семилѣтнею Войной, но сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него чтобы Россія не разрѣшила вполнѣ свою историческую задачу.

Е. ѲЕОКТИСТОВЪ.